новая ПОЛЬША

Ян Стренковский: культура должна быть свободной Михал Ягелло: горноспасательная служба — долг и приключение Петр Черемушкин: последний «Полонез» Ежи Пильх об одном шахтере и одном поэте Ярослав Ивашкевич: Voci di Roma Наталья Ворошильская о новом переводе Хлебникова БЕСЕДА С РЫШАРДОМ КАПУСТИНСКИМ

ВАРШАВА

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»: <u>www.novpol.ru</u>

№ 1(71) 2006 январь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ala)			
	Ян Стренковский НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ КУЛЬТУРА	3	
	Михал Ягелло КУЛЬТУРА И СТИЛЬ ЖИЗНИ «БЕССТРАШНЫХ»	12	
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	22	
	Пётр Черёмушкин ПРОЩАЙ, «ПОЛОНЕЗ»!	28	
	Ежи Пильх АЛОИЗИЙ ПЁНТЕК И РЫШАРД КРЫНИЦКИЙ	31	
	Дорота Козицкая ЗАПОМНИВШЕЕСЯ ИЗ беседы с Рышардом Крыницким	33	
	Тадеуш Пайнер В ЯКУТСКЕ	35	
	Ярослав Ивашкевич VOCI DI ROMA	48	
	Войцех Карпинский РИМСКОЕ КЛАДБИЩЕ	54	
	Эугениуш Ткачишин-Дыцкий Стихи из книги «ИСТОРИЯ ПОЛЬСКИХ СЕМЕЙ»	57	
A STATE OF THE STA	Лешек Шаруга НА ТРУП	61	
	Ханна Кирхнер ВЛАДИСЛАВ ХАСЁР, БЕЗУМЕЦ ВООБРАЖЕНИЯ	62	
	Наталья Ворошильская ХЛЕБНИКОВ, ПО-НОВОМУ ОТКРЫТЫЙ	67	

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, М. Курганская, С. Панова, К. Старосельская, Е. Шиманская Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 33, 82), Archiwum (стр. 30, 35, 62, 63, 64, 65, 66), Archiwum P. Mitznera (стр. 18, 20), E. Lempp (стр. 61)

Редакционный совет

Стефан Братковский Хенрик Возняковский Наталья Горбаневская Ежи Клочовский Кароль Модзелевский Януш Тазбир Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция Кацпер Ванчик

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65

факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96 e-mail: nowpol@bn.org.pl Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49

тел: 280-83-52 e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению Министерства Культуры Республики Польша Типаж 4800 экз.

Ян Стренковский

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ КУЛЬТУРА

Когда-то на страницах «Новой Польши» (2004, №1) я уже писал о польских неподцензурных издательствах 1976-1989 годов. Процесс выпуска неподцензурных публикаций достиг массового масштаба после создания «Солидарности» и особенно после введения военного положения в декабре 1981-го. Параллельно, и об этом, наверное, знает еще меньше людей, существовал и другой «самиздат», тоже подрывавший государственную монополию коммунистов на слово. Это был «самиздат» в сфере культуры, а также науки и образования.

Оба эти процесса, как в области издательской деятельности, так и в области культуры, существовали не по отдельности, но во многих случаях объединялись и совмещались, один процесс всегда служил поддержкой другому, часто трудно было отделить культурную деятельность от издательской. Прежде всего я имею в виду «самиздат» литературы, которая составляла примерно треть подпольной издательской продукции. Выходило также несколько десятков журналов литературного и культурного направления, в том числе по искусству: «Шкице» («Очерки»), «Выбур» («Выбор») и научные: «Альманах хуманистичный» («Гуманитарный альманах») или публиковавший философские тексты журнал «Алетейя». «Самиздатская» пресса очень часто и добросовестно информировала о нелегально проходивших культурных мероприятиях, давала на них рецензии, вела полемику, наконец, старалась помочь деятелям культуры, находившимся из-за своей деятельности в трудных условиях выживания. В свою очередь деятели культуры охотно печатались в «самиздате». Впрочем, часто то, с чем они выступали на нелегальных встречах — во время дискуссий или авторских встреч, - публиковалось затем в независимых журналах или книгах. Многие из этих авторов вошли в состав редакций журналов, в том числе такие известные писатели, как Ежи Анджеевский, Виктор Ворошильский, Юлиан Стрыйковский («Запис»); стали подпольными издателями, как, например, кинокритик Анджей Вернер или знаток и переводчик русской литературы Анджей Дравич. Профессиональные художники создавали проекты оформления нелегально выходивших книг, плакатов и другой печатной продукции, например, почтовых открыток, альбомов, марок подпольной почты. В работе подпольных издательств участвовали и переводчики. Очень многие люди оказывали самую элементарную помощь, участвуя хотя бы в распространении готовой продукции, доставке бумаги и оборудования или готовых тиражей, как, скажем, известный театральный режиссер Адам Ханушкевич или актер Ежи Карашкевич; были и те, кто предоставлял свои квартиры для подпольной деятельности, как, например, кинорежиссер Станислав Барея или актер Мариуш Дмоховский. Многие деятели культуры присоединялись к акции помощи тем, кто подвергся репрессиям, работали в комитетах помощи при храмах, как, например, актеры Майя Коморовская или Даниэль Ольбрыхский.

Три этапа

Возникновение подпольной сферы культуры связано с тем, что впервые за многие годы (после войны какое-то время существовало вооруженное и политическое подполье, а также подпольные издательства) стали возникать независимые от власти общественные и политические организации, такие, как Комитет защиты рабочих (КОР) или Конфедерация независимой Польши (КПН), а также активизировалась независимая издательская деятельность. С этого момента независимой политической деятельности всегда сопутствовала независимая деятельность в области культуры, хотя, безусловно, их характер и масштаб были различны. Наконец, разными были и те условия, в которых эта деятельность осуществлялась на протяжении десяти с лишним лет.

Период 1976-1980 гг. — это начало независимого существования культурной сферы, первых литературных изданий, первых дискуссионных салонов, где читали стихи и прозу, выступали барды и независимые кабаре. Самым известным был салон Валендовских в варшавской квартире супругов — Анны Эрдман, внучки писателя Мельхиора Ваньковича, и Тадеуша Валендовского, режиссера и редактора подпольного литературного журнала «Пульс». Возникли первые библиотеки запрещенных книг.

Уже появились первые смельчаки, такие, как Ян Кшиштоф Келюс, которые записывали свои произведения на магнитофонные кассеты и продавали их «вне рамок государственной монополии на развлечения» Началось независимое движение в области науки и образования, которое ознаменовалось созданием в 1977 году Летучего университета, а годом позже — Общества научных курсов (ОНК), первой широко действовавшей научной организации в ПНР, не признававшей монополии государства на науку и образование. В рамках ОНК велись научные исследования, проводились семинары и сессии, работало собственное издательство («Нова-2») и даже готовились к защите диссертации (в том числе, например, известного сегодня политика Александра Халля).

Период между августом 1980 и декабрем 1981 г. стал временем расцвета самых разных инициатив в сфере культуры. Именно тогда появилось новое средство массовой информации независимое радио (хотя передатчиков оно не использовало — это произойдет лишь во время военного положения, а тогда использовались существовавшие на предприятиях радиоузлы). Начали возникать такие организации, как Согласительный комитет творческих союзов и научных обществ или учрежденное историком Ежи Лоеком Объединение авторов литературных форм, связанное с «Солидарностью» Мазовии [Варшава с ближними и дальними окрестностями]. Вокруг отделений профсоюза создавалась целая сеть учреждений самообразования, охватившая всю Польшу, возникали различные рабочие университеты, где лекции читали независимые ученые, прежде всего историки, экономисты, социологи, так как в этих областях знания было больше всего фальсификаций и белых пятен. Наконец, обрели независимость творческие союзы, такие, как Союз польских журналистов, Союз польских художников, объединения кинематографистов, актеров. Писатели, большинство которых и ранее находились в оппозиции, заключили соглашение о сотрудничестве с «Солидарностью».

И вот введено военное положение, объявленное 13 декабря 1981 г. и неофициально продолжавшееся до июня 1989-го. Теперь оппозиционную деятельность взяла под свою опеку — наряду с вынужденной уйти в подполье «Солидарностью» и во многом заменив ее — католическая Церковь, последний независимый от власти открыто действующий институт. При храмах осуществлялась тогда большая часть акций в рамках независимой культурной дея-

тельности. Хотя не только. Стать покровителем искусства мог любой человек, имевший квартиру и не боявшийся предоставить ее независимым деятелям культуры. В таких местах часто ставили свои спектакли возникшие во время военного положения домашние театры. В квартирах художников действовали независимые художественные галереи, литературные и дискуссионные салоны. Там же проходили видеопоказы снятых в Польше или контрабандой привезенных из-за рубежа документальных фильмов, а также художественных фильмов, в том числе запрещенных цензурой иностранных картин, к которым специально готовились польские титры; среди таких фильмов был, например, получивший громкую славу «Охотник на оленей». Наконец активно разворачивалась издательская деятельность, появились энергично действующие фирмы звукозаписи.

Особенно преследуемым средством массовой информации, активно работавшим в то время, стало подпольное радио, существовавшее во многих городах Польши и передававшее короткие передачи на радио- или телевизионных частотах. Единственной деятельностью, можно сказать, in minus был бойкот радио, телевидения, а также проправительственных учреждений культуры и прессы, объявленный независимыми деятелями культуры, прежде всего актерами и художниками. Вряд ли можно говорить о каком-то его эстетическом воздействии, но тут, пожалуй, следует учитывать иные, быть может, более важные ценности, а также ту цену, которую приходилось платить всем тем, кто осмелился таким образом сказать свое «нет». Эти годы стали также периодом развития независимых, связанных с «Солидарностью» институтов в области культуры, образования, науки, которые обеспечивали материальную и идейную поддержку деятелям культуры, работавшим вне официальных структур.

Гражданское общество в подполье

После того, как было введено военное положение, многие люди в Польше обращались к опыту общественной жизни во времена гитлеровской оккупации, когда в Польше существовало подпольное государство со многими учреждениями, в том числе культурными. Действительно, многие учреждения, созданные в восьмидесятые годы оппозицией, связанной с «Солидарностью», напоминали то, что уже было. Часто к образцам времен ІІ Мировой войны обращались совершенно сознательно. Так было, например, с актерским бойкотом, который продолжался весь первый год военного положения. Во время оккупации под-

польный Театральный совет запрещал актерам играть в легально действовавших под контролем немцев театрах, не разрешалось принимать участие в пропагандистских немецких кинофильмах, бойкот применялся и к самим кинотеатрам. Более того, случалось даже, что во время киносеанса подбрасывали газовый заряд, как это произошло еще в декабре 1939 года в кинотеатре «Наполеон» в Варшаве. Создавались оккупационные кодексы, запрещавшие сотрудничать с оккупантами, и нарушение их могло повлечь за собой неприятные последствия. Самым громким было дело с наказанием коллаборациониста актера Иго Сымы, расстрелянного по приговору подпольного суда, в частности, за вербовку польских актеров для съемок антипольского пропагандистского кинофильма «Возвращение на родину» («Heimkehr»).

Оккупация не заставила замереть культурную жизнь. Создавались подпольные театральные труппы, часто читавшие или декламировавшие пьесы, как например, краковский Рапсодический театр, одним из актеров которого был будущий Папа Римский Кароль Войтыла. Объявлялись конкурсы на лучшую пьесу, победителями которых были известные драматурги, как, скажем, Ежи Завейский, выделялись стипендии на написание литературных произведений, готовился театральный репертуар, предназначенный для послевоенного времени. С 1941 г. в Варшаве даже работал подпольный кинотеатр, называвшийся «Робин Гуд» (позже «Гренада»). В частных квартирах устраивались художественные выставки - одним из тех, кто участвовал в них, был Тадеуш Кантор, художник и знаменитый создатель театра «Крико-2». Проводились литературные вечера, выходило много подпольных журналов, посвященных культуре. Наконец, действовала в подполье сеть просвещения и образования, причем всех уровней, в том числе и подпольные курсы театра и кино.

Как только было введено военное положение, скрывавшиеся в подполье руководители «Солидарности» обратились с призывом формировать гражданское общество в подполье. И такое общество в подполье сформировалось, а одной из важных его опор, наряду с издательским движением и нелегальной профсоюзной, политической и общественной деятельностью, была независимая культурная деятельность, в которой участвовали десятки людей — как самих деятелей культуры, так и обычных граждан, которые вместе выстраивали инфраструктуру культурного подполья. Поддержка «Солидарности» деятелями куль-

туры стала, пожалуй, самым демонстративным выражением протеста против политики властей, которые испытывали горькое разочарование. Коммунистическое руководство в стремлении убедить общественность в своей правоте всегда старалось подкупить деятелей культуры, придавая искусству важное значение в пропагандистской борьбе. И деятели культуры какое-то время даже позволяли властям использовать себя. А теперь отказ был тотальным.

Бойкот

Участие поляков в независимой культуре, особенно в первые месяцы военного положения, носило в основном стихийный характер. Таким стихийным актом протеста было, например, участие в забастовке на Гданьской судоверфи актера Шимона Павлицкого, который 15 декабря 1981 года, на третий день забастовки, стоя на крыше проходной №2 Судоверфи, декламировал молитву Конрада из пьесы знаменитого польского драматурга Станислава Выспянского «Освобождение».

Но наиболее заметным выражением протеста против военного положения был объявленный творческими кругами бойкот средств массовой информации, главным образом радио и телевидения, но также прессы, фильмов и государственных галерей. Самым демонстративным оказался актерский бойкот, ибо в нем солидарно участвовали почти все актеры. Бойкот продолжался в течение всего 1982 г. и был наиболее заметным актом сопротивления военной хунте генерала Ярузельского. Как сказала актриса Катажина Ланевская, бойкот радио и телевидения, занимавшихся фальсификацией нашей действительности, выразился в «повсеместном отказе участвовать во лжи».

Подобно тому, как это было во время II Мировой войны, появились нравственные кодексы различных творческих кругов, где деятели культуры единогласно провозглашали, что «коллаборационистом является тот, кто использует свою фамилию, лицо, голос или талант в целях пропаганды и для оправдания насилия», кто «публикует что бы то ни было в прессе режима» или «дает интервью в средствах массовой информации», а также выступает или «участвует в пропагандистских, культурных и научных мероприятиях, проводимых под эгидой режима».

Актерский бойкот поддерживали зрители, которые в массовом порядке приходили в театры, особенно в те, где работали актеры, участвовавшие в бойкоте. Поддержку оказывала и выходившая в подполье пресса. Собирались деньги для ока-

зания помощи безработным актерам, создавались специальные фонды, наконец, публиковались списки коллаборационистов, то есть тех, кто откололся от солидарного неучастия в общественной жизни, кто поддержал военное положение или военные власти. Стоит отметить, что в списке коллаборационистов, оглашенном «Солидарностью артистов театра и кино», оказалось более 60 человек, в том числе семь директоров театров и один театр целиком, варшавский театр «Сирена» вместе со своим директором Витольдом Филлером.

По-своему реагировали и зрители. Актер Януш Клосинский, который, выступая на телевидении, поддержал Ярузельского, в конце января 1982 г. на спектакле «Свадьба» Станислава Выспянского в Национальном театре был встречен такими бурными аплодисментами, что... не смог произнести ни одной реплики и ему пришлось уйти со сцены. Такой же оказалась судьба и известного актера кино и театра Станислава Микульского, который после столь же горячего приема отказался от роли и попросился в отпуск. Подобный прием был оказан певцу Леонарду Мрузу, который публично поддержал военное положение.

Другие методы применялись в отношении коллаборационистов-писателей. В ответ на призыв подпольной прессы на их адреса стали в массовом порядке приходить посылки с книгами этих авторов, присланные читателями. Так владельцем огромной коллекции, состоявшей... из его собственных книг, стал, в частности, известный писатель Войцех Жукровский.

Случались и акции, напоминавшие операции времен II Мировой войны. Например, использование химического вещества с неприятным запахом (так называемой «вонючки») во время торжественного собрания в варшавском Большом театре, организованного в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции.

И что играли?

За бойкот, за непоявление на экранах телевидения и кинотеатров или в радиоэфире приходилось платить немалую цену, особенно молодым актерам, которые таким образом теряли возможность стать известными, сделать карьеру или предстать перед широкой публикой. Но в этой акции участвовали солидарно почти все. Хотя наряду с высказанным «нет» у актеров, режиссеров, людей театра — и не только театра, ибо это касалось также, например, отказывавшихся выставляться в государственных галереях художников, — было и свое «да».

Создавая подпольные театры, выступая в костелах и на частных квартирах, они не только сохранили связь со зрителями, но и завоевали новую аудиторию, которая прежде не участвовала в культурной жизни. Парадоксально, но круг внимающих культуре не только не сузился, а расширился. К тому же это был зритель активный, который не только сознательно подвергал себя риску гебешных преследований, но и проявлял инициативу и организационные способности. Ведь чаще всего выступление театра приходилось организовывать самим зрителям. Таким образом, среди организаторов культурной жизни оказывались рабочие, служащие, инженеры, учителя, священники - люди, которые прежде были весьма далеки от искусства и культурной деятельности.

И еще один важный аспект. Независимый театр мог добраться до каждого. Вот как вспоминала об этом актриса Катажина Ланевская в вышедшей в 1988 г. в самиздате книге «Комедианты. Про бойкот»: «Бойкот — мнимая пауза в биографии. На самом деле это было время интенсивного актерского переживания, ни с чем доселе не сравнимого. Прекрасное время. Я стала тогда «владелицей» шести разных программ. С ними я объездила, вместе с коллегой, певицей Кристиной Квасовской, всю Польшу. Мы ездили в самые отдаленные уголки страны. Нас всегда ждали. Ждал тот самый, отличавшийся от прежнего, зритель. Необыкновенный. Жаждущий подлинных переживаний (...) У меня в Польше много новых прекрасных друзей из очень разных мест — Гданьска, Глогува, Кельце, Быдгоща, Гливице, Конина, Згежа, Нового-Сонча».

Этот зритель испытывал голод по искусству, после спектаклей велись дискуссии, устанавливались тесные связи между известными мастерами, такими, как Анджей Вайда, Даниэль Ольбрыхский, Анджей Щепковский, и рядовыми людьми. На одной из недавних конференций, посвященных 25-летию создания «Солидарности», Анджей Вайда говорил, что об этом можно только мечтать.

Бойкот был стихийным действием, и столь же стихийно возникали независимые сцены. Уже в ночь под Рождество, с 24 на 25 декабря 1981 г., в варшавском костеле св. Анны был показан первый независимый театральный спектакль. Это была «Военная рождественская месса» в исполнении Кристины Круликевич, Эвы Смолинской и Анджея Щепковского. В феврале 1982 г. на частной квартире во Вроцлаве около 80 человек присутствовали на читке пьесы Казимежа Брауна «Ва-

леза» [французское произношение фамилии Леха Валенсы]. Начался буквально обвал поэтических программ религиозно-патриотического характера, которые были показаны прежде всего в костелах по всей стране. Актеры выступали во время богослужений за отечество, которые стали также выражением протеста общества против военного положения. Выступали там и другие артисты, например певцы, в том числе одна из величайших польских певиц Стефания Войтович. А также известные эстрадные исполнители — Данута Ринн и Петр Щепаник.

Создавались самые разные театральные труппы, многие возникали как временные, без названия, в том числе так называемые домашние театры, среди которых самым известным был театр, созданный в ноябре 1982 г. актрисой Театра повшехного Эвой Далковской. Этот-то театр и взял себе название Домашний театр, а его премьеры, проходившие исключительно на частных квартирах по всей стране, были настоящими событиями. До 1989 г. театр сыграл около 240 спектаклей, а в числе его премьер были, в частности, «Падение» Павла Когоута и пьеса будущего президента Чехословакии Вацлава Гавела «Largo desolato».

Следует отметить, что независимый театр проникал даже в лагеря, где содержались интернированные. В 1982 г. в лагере в Яворе актер Мацей Райзахер поставил вторую часть «Дзядов» Адама Мицкевича с участием... известных сегодня политиков: Бронислава Коморовского и Тадеуша Мазовецкого, а также «Небожественную комедию» Зигмунта Красинского с участием известного русиста Анджея Дравича, политика и журналиста Александра Малаховского и экономиста Вальдемара Кучинского.

Существование учрежденной Тадеушем Качинским и Павлом Коницем Филармонии им. Ромуальда Траугутта само по себе было явлением. Филармония стала работать с начала 1983 г., в ее рамках давались концерты, ее программы шли в костелах по всей стране. С ней сотрудничали многие известные артисты, в том числе Михал Байор, Збигнев Запасевич, Анджей Лапицкий. Это учреждение действует и по сей день, несмотря на то, что его создатель Т. Качинский уже умер.

Столь же активными были и другие мастера. Художники выставляли свои произведения в многочисленных галереях при костелах, а также на частных квартирах, например, в варшавской квартире художника Яна Рыльке. Необходимо отметить и такое явление как «передвижные» выставки, начало которым было положено в январе 1982 г. во Вроцлаве (рисунки Яна Хвалчика были показаны в его мастерской, а потом в квартирах его друзей). Выставки такого рода, называемые также «чемоданными», устраивались во многих городах, а экспозиционные поверхности часто бывали весьма необычными — например, заборы.

Своеобразным польским способом устраивать экспозиции были создаваемые в костелах перед Пасхой композиции Гроба Господня, которые проектировали известные художники, такие как Ежи Калина, Мария Анто.

Изобретением журналистов и писателей стали «звучащие газеты». Здесь авторы не публиковали текстов, а читали их, выступая перед публикой. Чаще всего это происходило в костелах или приходских помещениях. Самой известной несомненно стала газета «НаГлос» («Вслух»), созданная в декабре 1983 г. в Кракове как литературный ежемесячник. Не менее популярным был публицистический «Дзвонек недзельный» («Воскресный колокольчик»), которым руководила с 1985 г. в Варшаве Рома Братковская.

Еще одним видом газеты была «Звуковая газета» Стефана Братковского: он записывал ее на кассетах, которые затем в размноженном виде распространялись по всей стране, подобно тому, как в последние годы существования ПНР — видеокассеты, созданные сатириком Яцеком Федоровичем, с самым знаменитым его циклом пародий на правительственные «Телевизионные новости».

Под покровительством Церкви

В 1975 г. в костеле св. Анны, храме Варшавского университета, была организована Неделя христианской культуры. Отец Веслав Александр Невенгловский, который окормлял все творческие круги в стране, сказал, что в этот момент «Церковь официально и открыто преодолела прежнюю монополию культуры», принадлежавшую властям ПНР. Недели христианской культуры со временем проводились все более широко и распространились по всей стране, став своего рода фестивалем независимого искусства. Особое значение это приобрело после объявления военного положения, когда артисты, писатели, журналисты, актеры, художники вместе со многими членами распущенной «Солидарности» нашли в Церкви материальную поддержку, а также покровительство для всевозможной независимой художественной деятельности.

Так, в костелах создавались храмовые галереи, устраивались театральные премьеры — например, спектакль по пьесе Т.С.Элиота «Убийство в хра-

ме» был впервые сыгран в варшавском соборе св. Иоанна Богослова; создавались университеты, в том числе для рабочих, велась пастырская деятельность по окормлению трудящихся, проводились поэтические вечера, дискуссионные встречи. Большинство таких мероприятий проводилось в сотрудничестве и с участием подпольной «Солидарности», как например, в костеле Сталёвой-Воли, где таким центром руководила активистка «Солидарности» Эва Куберна, а опекал этот центр нынешний епископ свящ. Эдвард Франковский. Некоторые костелы по сию пору ассоциируются у нас прежде всего с культурной деятельностью, например, знаменитый костел на Житной в варшавском районе Воля, который стал крупным культурным центром с того момента, когда известный искусствовед Януш Богуцкий устроил там в 1983 г. выставку «Знак Креста». Среди не оштукатуренных, не восстановленных со времен военной разрухи (там продолжался бесконечный ремонт) стен храма это междисциплинарное мероприятие, в котором участвовало около 60 художников и скульпторов, 46 фотохудожников, десятки актеров, музыкантов, композиторов, солистов и искусствоведов, продолжалось несколько недель. В рамках его были организованы, в частности, симпозиумы, сборные и сольные концерты, театральные спектакли, в частности, спектакли студенческого «Театра Восьмого Дня», выступления которого были под запретом, демонстрировались фильмы.

С тех пор на Житной не проходило ни дня без культурного события. Там, в частности, ежегодно устраивались большие выставки под названием «Присутствие», в которых приняло участие около 600 художников. Широкую известность приобрела подготовленная Мареком Ростворовским выставка «Новое небо, новая земля». Некоторые театральные премьеры стали настоящими культурными событиями, как это было в 1985 г. с «Вечерей» Эрнеста Брыля в постановке Анджея Вайды с участием таких актеров, как Ежи Зельник, Кристина Янда, Даниэль Ольбрыхский, Ольгерд Лукашевич, Петр Махалица. Надо отметить, что в конце 80-х в костеле на Житной проходили встречи Гражданского комитета при Лехе Валенсе, превратившегося в своего рода подпольный парламент.

Подобного рода центрами культуры стали: катовицкая «Голубятня» при духовной семинарии; варшавский костел св. Станислава Костки, где центром притяжения для творческой интеллигенции и рабочих стал отец Ежи Попелушко, зверски убитый в 1984 г.; костел возле Рыночной площади вар-

шавского Старого города, ставший центром пастырского окормления творческой интеллигенции; вроцлавская галерея «На Острове». Крупнейшим мероприятием, которое инициировала Церковь, было создание Архиепископского музея в Варшаве, где постоянное пристанище нашел, в частности, независимый театр под руководством актрисы Ханны Скаржанки.

Запрещенные песенки

«Секира, мотыга, дракон вавельский / войну проиграет Ярузельский» — распевали по всей Польше во время военного положения. Это был парафраз песенки, популярной во времена оккупации, теперь же ее приспособили к новым временам. Мелодия этой песенки стала позывными подпольного радио «Солидарность», созданного известными деятелями оппозиции Зофьей и Збигневом Ромашевскими. Первая передача, продолжавшаяся всего несколько минут, прозвучала в апреле 1982 г., следующие выходы в эфир не были регулярными. Спустя несколько месяцев госбезопасности удалось арестовать работавшую на радио бригаду, но тогда это новое средство массовой информации поселилось в нашей стране навсегда. В одной только Варшаве во второй половине 80-х работали три радиостанции «Солидарность» с разной направленностью; такие радиостанции как самой «Солидарности», так и других подпольных групп, в частности «Сражающейся Солидарности», действовали и в других городах: в Познани, Вроцлаве, Гданьске, Кракове, Торуни и даже в таких небольших, как Свидник.

В целях безопасности применялись самые разные методы выхода в эфир: так, создатели радио «Солидарность» в Торуни прикрепляли передатчики к воздушным шарам, сделанным из камер пляжных мячей, и они перемещались таким образом, пока один из них не приземлился в Белоруссии. Все более популярным становилось «просачивание» на телевидение, особенно во время вечерних новостей — программы, которую все ненавидели за особую лживость. Зрители потешались, когда, например, генерал Ярузельский вдруг начинал говорить голосом одного из скрывавшихся в подполье лидеров «Солидарности» Збигнева Буяка, или на экране вместо обычной картинки появлялась заставка с надписью в поддержку запрещенного профсоюза.

Расширилась и деятельность подпольных издательств. Еще во второй половине 70-х по стране ходили магнитофонные кассеты с записями запре-

щенных песен или текстов. Первым стал использовать такой метод Ян Кшиштоф Келюс, который сам записывал свои песни на кассеты, размножал их и продавал, информируя, что эти записи были созданы «вне рамок государственной монополии на развлечения». Но во время военного положения появились специализирующиеся в этом жанре студии звукозаписи, такие как «Нова-Кассета», Фонографическая студия CDN [«Продолжение следует»] и множество более мелких, которые выпускали десятки записей с песнями, выступлениями кабаре, лекциями подпольных учебных заведений и даже подпольного университета*.

К существовавшим с 70-х годов библиотскам запрещенных книг добавился прокат запрещенных кинофильмов. Переписанные на видео, в частности студией «Видео-Нова», снабженные титрами — часто сам издатель заказывал перевод, — эти фильмы можно было не только покупать, но и брать напрокат (такой прокат предоставлял в Варшаве известный сатирик Януш Вейсс), а также посмотреть на специальных показах в подпольных кинотеатрах.

У «Солидарности» в подполье были даже собственные киностудии. Одна из них работала при поддержке епископской курии в Гданьске, другая — «Независимое телевидение Мистшеёвице» — в известном своей разнообразной деятельностью в области культуры и самообразования костеле в краковском предместье Мистшеёвице, у свящ. Тадеуша Янцажа. Собственные фильмы снимала студия «Видео-Нова», хотя ввиду отсутствия условий и монтажного оборудования приходилось передавать материал в Париж, где на работавшей в эмиграции студии «Видео-Контакт» их монтировали. Впрочем, студия «Видео-Контакт» была продюсером большого количества документальных фильмов, контрабандой привозившихся в Польшу. Эта студия была также одним из самых важных культурных институтов новейшей эмиграции, которые, в частности, наряду с парижской «Культурой» тесно сотрудничали с действовавшими в подполье издательскими и культурными институтами в самой Польше.

Организации

В №9 выходившего в подполье литературного журнала «Везване» («Призыв») за 1985 год был опубликован «Отчет о финансовой деятельности Фонда независимых художников» за период с 1 ян-

варя 1982 по 31 декабря 1984 года. Из этого отчета можно было узнать, что в отчетный период поступления в Фонд составили 808 154 злотых, расходы — 595 240 злотых. Эти расходы складывались из 152 тысяч — на денежные пособия, 324 — на стипендии, около 63 тыс. злотых составили расходы на покупку независимой литературы для библиотек запрещенных книг. Художники сообщали также, что можно покупать билеты лотереи Фонда независимых художников. Нумерованные билеты продавались по 100 злотых.

Фонд независимых художников — это только один из примеров, ибо организаций такого рода в подполье было много. Часть из них создавалась по поручению руководства «Солидарности», но большинство возникало само по себе, часто будучи продолжением деятельности, осуществлявшейся в тот период, когда «Солидарность» была еще легальной организацией. Речь идет о так называемых секциях, например, науки или образования, которые продолжали действовать по-прежнему, составляя вместе с секцией культуры так называемое ОКН — «Образование — Культура Наука», то есть соглашение или, как его называли, консорциум непосредственно связанных с подпольным руководством «Солидарности» организаций: Общественного комитета науки, Комитета независимой культуры и Центра независимого образования.

Они координировали и инициировали деятельность в этих направлениях, в частности, создавая независимые университеты, которые занимались подготовкой преподавателей, разрабатывали учебные программы, оказывали финансовую поддержку ученым для исследовательских работ, в том числе предоставляя стипендии диссертантам.

В то время как Церковь предоставляла независимой деятельности прежде всего инфрастуктуру и обеспечивала некоторую безопасность, «Солидарность» обеспечивала человеческие ресурсы, генерировала идеи, собирала средства, необходимые для этой деятельности. В том же номере журнала «Везване» было опубликовано высказывание анонимного (по конспиративным соображениям) представителя созданного в январе 1982 г. Комитета независимой культуры «Солидарность» о его деятельности: «Мы занялись прежде всего оказанием помощи независимым художникам и независимой культуре. Значительные суммы мы выделяем на пособия. Предоставляем авансы авторам — если потом независимое издательство заплатит, деньги возвращаются

^{*} Отметим, что некоторые из этих кассет были посвящены советскому движению прав человека и психиатрическим репрессиям в СССР. — *Ped*.

обратно в банк помощи. Только вот большинству издательств просто не из чего выплачивать гонорары. Поэтому Комитет дает издательствам дотации с условием, что авторам в итоге будет заплачено. (...) Те, кто не подчиняются [режиму], не получают государственных стипендий. Их произведения не покупают ни министерство, ни музеи. Тут мы можем действовать лишь символически, но мы покупаем картины по приличным ценам. (...) Оказание помощи актерам выражается прежде всего в дотациях на кассеты».

Стоит добавить, что секции, входившие в состав консорциума, имели также свои издания и издательства, где они публиковали информацию как о своей деятельности, так и о ее результатах, например, периодические издания «КОС» [от Комитет общественной самообороны — КОС-КОР, прежний Комитет защиты рабочих, и в то же время «Дрозд», изображенный над заголовком каждого номера], «Ту Тераз» («Здесь Сейчас») или «Культура незалежна» («Независимая культура»). Надо отметить, что деятельность подпольных подразделений «Солидарности» была тесно связана с восстановлением в подполье деятельности распущенных властями творческих союзов. Эта деятельность не могла бы стать столь масштабной без поддержки самых разных зарубежных комитетов помощи «Солидарности», а также без помощи специализированных учреждений, таких как созданный в 1982 г. в Париже Фонд помощи независимой польской литературе и науке.

Не менее важную роль сыграли фонды и организации, объединявшие независимых издателей, — например, Фонд независимых издательств, который поддерживал издательские инициативы, субсидировал редакции изданий и финансировал переводы, а также Страховой фонд независимых издательств или Общественный совет независимых издательств.

Одним из признаков нормальности в ненормальных условиях военного положения были премии, прежде всего высоко ценимые премии «Солидарности» в области культуры, присуждавшиеся Комитетом независимой культуры. Этими премиями были награждены несколько десятков независимых артистов, писателей, художников, режиссеров, деятелей культуры, издателей и редакций подпольных изданий, но премии получали и те, кто создал нечто достойное, не выходя за рамки официальной культуры, как например, художник Эдвард Двурник, который после 13 декабря не участвовал в бойкоте. Премии присуждали также

отдельные региональные отделения «Солидарности», подпольные издания или действующие в подполье творческие организации, как Союз польских журналистов. Стоит отметить, что в 1987 г. премию «Солидарности» Нижней Силезии получила русская поэтесса и переводчица Наталья Горбаневская («за особый вклад в укрепление подлинной дружбы между народами Польши и России»).

Оживление в художественную и культурную жизнь вносили также многочисленные конкурсы, которые объявляли главным образом выходившие подпольно издания, начиная с конкурса на лучший плакат, литературный текст, дневник военного положения, мемуары, лозунги против выборов, «фрашки-выборашки» [эпиграммы на тему выборов] (первой премии был удостоен режим «за творчество в целом во время выборов»), и заканчивая конкурсом эротических текстов.

Социалистический сюрреализм

Актеры, работавшие в труппе Домашнего театра, вспоминают как самое большое приключение одно выступление во Вроцлаве в 1984 г.: во время спектакля, на который пришло большое количество зрителей (судя по всему, более 100 человек) в квартиру нагрянули сотрудники госбезопасности. Они ворвались во время спектакля, предъявили удостоверения, и даже якобы кто-то из них крикнул: это не театр, а органы. Однако это не подействовало на зрителей, которые подумали, что приход гебешников — запланированный элемент театральной инсценировки, и прекрасно развлекались. До тех пор пока все — и актеры, и зрители — не оказались в милицейских машинах, которые отвезли их в участок.

Конспирация была обязательной — все старались ограничить «участие» секретных служб и милиции в независимых культурных акциях. Но была такая группа — она возникла во Вроцлаве, — которой присутствие этих господ не мешало. Не только не мешало, а даже планировалось и было желательно. Речь идет об уличных хепенингах, которые устраивала с 1985 г. «Оранжевая альтернатива» во главе с Вальдемаром Фидрихом по кличке Майор.

В изданном еще в 1981 г. «Манифесте социалистического сюрреализма» утверждалось, что весь мир и «отдельный патрулирующий улицу милиционер» представляют собой произведение искусства. Этому тезису авторы хепенингов были верны постоянно. А в их акциях, наряду со многими тысячами молодых людей, активно участвова-

ло множество милиционеров и «искусствоведов в штатском», которые требовали предъявления документов и задерживали искренне веселившихся участников таких акций как, например, День сексота, праздник Октябрьской революции с инсценировкой штурма Зимнего — то бишь кафе «Барбара» на ул. Свидницкой, — с участием броненосца «Потемкин» и крейсера «Аврора», сделанных из картона, или таких праздников, как 8 марта, День защиты детей, День милиции и госбезопасности, когда прохожим раздавались штрафы. Оружием участников хеппенингов был смех, который парализовал органы, направленные против них.

Одной из самых громких акций «Оранжевой альтернативы» был хепенинг, организованный в декабре 1987 г., когда участники вышли на улицы все как один в костюмах Деда Мороза. Милиция тогда вмешалась и арестовала не только раздававших конфеты нарядившихся участников забавного спектакля, но и настоящих Дедов Морозов, стоявших перед магазинами и зазывавших прохожих делать покупки. «Революция гномов», в которых больше всего любили переодеваться участники руководимых Майором акций, вскоре распространилась по всей стране и, возможно, оказала влияние на то, что коммунисты вскоре осознали абсурд системы. В конфронтации оранжевых шапочек с дубинками последние оказались бесполезными.

Тихие и гоготуны

В 1964 г. сатирик, переводчик и поэт Януш Шпотанский написал сатирическую оперу «Тихие и гоготуны, или Бал у президента». Он сам исполнял ее друзьям на частных квартирах, она распространялась также в виде многочисленных магнитофонных записей.

Опера не очень-то понравилась властям. В 1967 г. к 3 годам тюрьмы, в частности, за хранение пленки с записью «Тихих и гоготунов» была приговорена Нина Карсов. Столь же сурово власти расценили вину самого автора, приговорив его в 1968 г. к тем же трем годам тюрьмы. Больше всех тогда обиделся первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка: в опере он фигурировал под именем «Гном» — и назвал оперу «реакционным произведением, проникнутым садистским ядом ненависти к нашей партии». Он увидел там и порнографические «мерзости, на которые может решиться разве что человек, живущий в сточной канаве, человек с моралью альфонса». Однако упрямый автор не прекратил сочинять куплеты, называемые операми, в том же году Варшава распевала записанную на пленку и переданную на волю из тюрьмы «Балладу о Лупашке» — песенку о писателе Павле Ясенице, которого Гомулка травил как мог.

Мог ли кто-нибудь тогда подумать, что этот шарж в индивидуальном исполнении станет предвестием наступившего много позже почти массового существования независимой культурной жизни в 80-е годы? Но Шпот, как все его называли, на собственном примере показал, что можно создавать и распространять собственные произведения, не обращая внимания ни на государство, ни на цензуру, и это потом было подхвачено сперва немногочисленными — в 1980-1980 гг., а затем весьма многочисленными — в 1980-1989 гг. — последователями. В то десятилетие, когда независимая культура стала альтернативой культуре официальной, контролируемой государством.

Михал Ягелло

КУЛЬТУРА И СТИЛЬ ЖИЗНИ «БЕССТРАШНЫХ»

Татры притягивали людей с давних пор, и в этом нет ничего удивительного — так происходит во всех горных районах земного шара: люди всегда стремились «приручить» горы, стоящие на горизонте. Там они селили своих богов, окутывали интригующий мир гор пеленой мифов, легенд и преданий о пещерах, полных заколдованных сокровищ; продвигаясь вверх по течению рек, подбирались к самым подножиям недоступных вершин и строили там свои жилища. А дальше все шло само собой: появлялись искатели кладов и рудокопы, добывавшие драгоценные металлы, пастухи и собиратели лекарственных трав, естествоиспытатели и картографы, туристы и альпинисты, лыжники, писатели и художники. Приезжим надо было где-то жить, что-то есть, кто-то должен был заботливо водить их на экскурсии, развлекать по вечерам — хорошей кухней, песнями, танцами и рассказами о том, «как живали в былые времена».

И вот за каких-то пятьдесят лет маленькая деревушка, зажатая между Губалувкой и высокогорными лесами, превратилась в целый город — Закопане. Вначале это была скромная база, где останавливались туристы, приезжавшие полюбоваться на Татры, но начался ее бурный рост, и очень скоро Закопане стало играть самостоятельную роль. Теперь, чтобы наслаждаться горным воздухом, уже не надо было бить ноги по каменным осыпям, достаточно было выйти на веранду пансионата или санатория. Много городских приезжало сюда дышать воздухом и любоваться видами. Были и те, кому — как кто-то ядовито заметил — «горы свет застили», и они вместо изнурительных, а иногда и рискованных восхождений в Татры предпочитали катиться по наклонной плоскости Крупувок (знаменитой главной улицы Закопане, где находились многочисленные кафе и рестораны).

Но мы будем говорить о других — людях, «одурманенных» горами, а точнее одержимых непонятным желанием *попасть* высоко в горы, используя такой своеобразный способ, который называется восхождением, скалолазанием, альпинизмом.

Каждый, кто хоть раз поднимался в горы, волей-неволей применял те приемы скалолазания, которые известны «испокон веку»: когда человек, карабкаясь по крутым каменным склонам, помогает себе руками. Так делал и Тит Халубинский — организатор многодневных переходов через высокий перевал, и покорители горы Высокой² — Мечислав Павликовский, Ян Гвалберт Павликовский и Адам Аснык, и покоритель Старолесной — Казимеж Пшерва-Тетмайер. Да и священнику Станиславу Сташицу тоже немало пришлось потрудиться, прежде чем он достиг вершины Ломницы³ в начале XIX века.

Походы по Татрам имели, если так можно выразиться, свое литературное продолжение: это и написанный тяжелым языком трактат Сташица «Что родит земля Карпатская и иные горы и равнины Польши», и сверкающее всеми красками радуги произведение Станислава Витксвича «На горном перевале», «Дневник экспедиции в Татры» Северина Гощинского и «Ночь на Высокой» Асныка. А если вспомнить Марию Стечковскую и Бронислава Райхмана, Валерия Эльяша-Радзиковского и Титуса Халубинского, Людвика Петрусинского и Теодора Трипплина, Михала Балуцкого и Казимежа Лапчинского...

Все они, как и многие другие, шли в горы с проводниками. В основном это были, конечно, горцы — местные жители. Люди честолюбивые, но не амбициозные, они соперничали между собой за заказчиков, но свое самолюбие держали при себе. С такими заботливыми «вожатыми», как принято говорить на местном наречии, туристы чувствовали себя в полной безопасности. Но горы есть горы, и даже самый лучший проводник не в состоянии уберечь «клиента» от усталости, вывиха ноги или промокших башмаков. Впрочем, приезжие все чаще отправлялись в Татры одни, без местных. Некоторые попадали в передряги, реальные или мнимые. Для горожанина здешние чащи кишели опасностями, а если вспомнить о неустойчивой погоде, слякоти, измороси, затяжных дождях, грозах и ливнях, то нетрудно хотя бы в общих чертах себе представить, что чувствовали путешественники в те времена, когда в Татрах не было еще ни протоптанных дорог, ни гостеприимных турбаз.

Плоский горный хребет северо-западнее Закопане. — Здесь и далее прим. пер.

² Гора в Высоких Татрах (Словакия), выс. 2560 м. В дальнейшем, если место расположения то же, указывается только высота вершины.

³ Выс. 2632 м.

В городе постоянно обсуждали всё, что случалось в горах. Новости в основном были спокойные — гости приезжали отдыхать, местные зарабатывали на них, сдавая им свои светелки, предлагая домашние обеды, завтраки и ужины.

В начальный, романтический и героический период освоения Татр лучшими проводниками в Закопане были «юхасы» — помощники пастухов, браконьеры-полесники да и просто те, кто имел опыт водить туристов в горы. Все чаще, однако, гостей не удовлетворяли проторенные дорожки, они хотели пройти по нехоженым тропам, взобраться на скалы, доступные не каждому горцу, куда не забегали даже серны и горные козы.

Адам Аснык, посвятив стихотворение «Мацею Сечке, проводнику из Закопане», сохранил его имя в истории:

Мой проводник! Меня водил ты в горы, Чтоб я познал поэзии их свежесть, Их девственную красоту нагую, Не тронутую приторной легендой, Не сменянную в медные гроши Банальных слов, поверхностных картинок.

Тогда в Закопане между лучшими проводниками и приезжими устанавливались почти партнерские взаимоотношения; можно сказать, что это был оазис, где процветал демократизм в общении, что выгодно отличало его от других мест, где сохранялись почти феодальные пережитки и обычаи обращаться с простыми людьми как с холопами. Первая десятка закопанских горцев была как бы изъята из категории «слуг» и перенесена на более высокую социальную ступень; горцы — знатоки Татр, которых высоко ценила приезжающая сюда элита, превратились как бы в отдельную социальную группу.

У них была репутация бесстрашных.

Ощущалась четкая граница между любителями, предпочитающими наслаждаться горными пейзажами, и «покорителями Татр», что стало в Польше синонимом альпинистов и скалолазов. Последних гнала в горы сильнейшая потребность достичь поставленной цели; добиться права сказать: «Я там был», — вот что было главным, а не вид с вершины. Юный Ян Гвалберт Павликовский нанял опытного проводника Мацея Сечку и поднялся с его помощью на пик Мних⁴ не ради удовольствия полюбоваться открывшейся оттуда панорамой, а чтобы постоять на высшей точке именно этой горы. Добавим, что отцу отважного альпиниста, Мечиславу Павликовскому, стремление сына к рекордам казалось чудачеством.

Коротко говоря, в то время каждый скалолаз был туристом, но лишь немногие туристы или даже скалолазы вроде Титуса Халубинского занимались настоящим альпинизмом. Многие как бы останавливались на полдороги между продвинутым уровнем горного туризма и альпинизмом, между «экскурсией» на горные вершины, даже еще не покоренные, и восхождением на трудные, почти вертикальные скалы. И тех и других водил по Татрам Клеменс (Климек) Бахледа. Одних, как например, Фердинанда Хёсика, вполне удовлетворяли уже изученные трассы, других тянуло к неизведанному, в места, где не ступала нога человека, — как, например, Казимежа Пшерву-Тетмайера. Он, по мнению знатоков, «познал Татры всесторонне, сумел побывать как на всех «модных» в то время вершинах, так и на менее популярных — одним из первых; в 1892 году Тетмайер принял участие в первом восхождении на Старолесный Штит⁵».

Последнее стало возможно благодаря участию горцев, в том числе Климека Бахледы и Яна Бахледы-Тайбера — проводников и настоящих альпинистов.

В «Курьере Закопанском» от 15-31 августа 1892 г. Тетмайер напечатал заметку «Экскурсия на Старолесную», где писал: «14 августа я с компанией молодых людей и с проводником Климеком Бахледой вышел на пик Старолесной (...). Я сообщаю здесь об этом потому, что кое-кто из альпинистов считает его недоступным, между тем вид оттуда столь прекрасен, а дорога от Польского Гжебня к Шмексу так живописна, что ее стоит включить в список общедоступных экскурсий в горы. Несмотря на тщательные поиски, ни на одной из двух расположенных рядом вершин Старолесной мы не нашли никаких признаков того, что здесь до нас кто-то был; с другой стороны, у меня все же нет доказательств, что мы были первыми».

Казимеж Тетмайер ввел в мир Татр своего родственника Тадеуша Желенского. Спустя годы, уже более известный как Бой-Желенский, тот вспоминал: «В возрасте 14-18 лет я сопровождал Казимежа Тетмайера, тогда молодого поэта, которого я просто обожал, в его скитаниях по горам. (...) Он не ходил проторенными путями, знал, как пройти по долинам, покрытым девственной растительностью, заваленным стволами упавших деревьев,

⁴ Отдельно стоящий горный утес в Высоких Татрах над озером Морское Око.

⁵ Гора с четырьмя вершинами; самая высокая — Климковая Турня, выс. 2476 м.

⁶ Перевал в Высоких Татрах.

которые лежали там себе и гнили. Но он был одним из самых отважных и опытных альпинистов в Татрах, а я... повсюду таскался за ним, хотя не могу сказать, что мне не было страшно. Как-то вечером, когда мы остановились на ночлег, я взглянул на черную отвесную скалу и представил, что утром нам придется на нее взбираться, и у меня по спине побежали мурашки, потом ночью я несколько раз просыпался в холодном поту. В душе я молил Бога, чтобы пошел дождь и восхождение пришлось отменить. Но, когда я уже оказался на этой стене, каждое прикосновение к ней было упоительным, вызывало какую-то чувственную дрожь (везде эта чувственность!), смутное ощущение какого-то щекотания в груди, знакомое тем, кто висел на руках над пропастью.

Возможно, все мои тогдашние тревоги и встреченные мною опасности покажутся современным альпинистам наивными, но в то время была другая техника и другое снаряжение: веревки, страховка никому и не снились; мы лезли вверх как Бог на душу положит, цепляясь руками, ногами, скользя на заду, не имея никаких специальных навыков, зато от души.

Тетмайеру нравилось быть первооткрывателем. Татры — те Татры, маленькие и необъятные, детские и опасные, — не были тогда исхожены вдоль и поперек, как сейчас. Я взобрался за ним на пару пиков, где до нас не ступала нога человека — на Старолесную, на Фуркот⁷, может, еще куда-то, — сейчас не припомню. Вернее, до последнего я немного не дошел — до вершины оставалось менее 20 метров, но я уже был не в состоянии справиться с усталостью и волнением и потом долго еще никак не мог решить: имею я право сказать, что был на Фуркоте или нет, — вопрос в то время наиважнейший. Сейчас, сказать по правде, мне это все равно, а тогда ответ чуть ли не определял социальное положение человека».

Казимеж Бартошевич шутил, что здешние альпинисты — это такие странные господа, которые, «стоит им чуть-чуть разжиться деньгами, сразу несутся в Татры стаптывать башмаки, — им лишь бы на какую «верхотуру» забраться. Встречаясь друг с другом, они говорят только о своих вылазках: я ходил вчера на Бретналувку через Старые Чопы, а я через Персидло спустился в долину Чарной Сиклавы, а вот я через Пендзивятр и Ламанец попал на пик Яжембинки...».

Шутки шутками, а ведь в Татрах время от времени гибли люди: пастухи, охотники и рудокопы, туристы и скалолазы, а однажды погиб даже опытный проводник.

«Ни на какие экскурсии, а тем более по непроверенным маршрутам, молодежь нельзя отпускать без проводника!» — предостерегал «Пшеглёнд Закопанский».

Пришло время серьезно подумать о создании отряда горных спасателей. К счастью, уже в начале XIX века в Закопане нашлись люди, которые сумели сделать правильные выводы из роста общественного интереса к Татрам. Духовными отцами-основателями службы спасения бесспорно следует признать двоих: Мечислава Карловича — замечательного композитора, и не менее замечательного путешественника, альпиниста и лыжника, и Мариуша Заруского — художника, писателя и публициста, и одновременно лыжника, альпиниста и спортсмена-парусника.

Заруский предпринял энергичные поиски денег; он не собирался ходить по улице с протянутой рукой, поэтому принялся склонять общественное мнение в пользу необходимости создания службы спасения в горах. Мариуш Заруский был общественным деятелем, он хорошо знал силу печатного слова (говоря современным языком — средств массовой информации) и неизменно — и даже настойчиво — ею пользовался. Так вопрос организации в Польше горноспасательной службы с самого начала получил большой общественный резонанс, это была гражданская акция, превратившаяся, что стоит особо подчеркнуть, в элемент массовой культуры. Ведь об идее создания такой службы люди узнавали главным образом из газет и журналов...

Здесь уместно будет вспомнить о роли Мечислава Карловича, человека вообще чуждого всякой газетной шумихи, в том числе в разработке концепции спасательной службы. Карлович прекрасно знал и любил Татры — как лыжник, альпинист, отличный фотограф, много снимавший в горах и оставивший о них много очерков, написанных прекрасным языком. Он был глубоким, «непоказушным» человеком.

Обстоятельства сложились так, — а Заруский использовал их со свойственной ему скрупулезностью, — что смерть этого выдающегося композитора и альпиниста превратилась в факт массовой культуры, обросла газетными сообщениями, очерками и комментариями. Ведь погиб молодой талантливый человек. Его накрыло лавиной, это был первый случай гибели туриста, похороненного под обрушившимися массами снега. Прежде такое случалось только с горцами и рудокопами (два известных случая относятся к 1855 и 1856 гг.). На этот раз погиб опытный лыжник и альпинист, композитор, творческая личность. Механизм массовой культуры сработал так, что Карлович получил широкую известность уже после своей трагической гибели. При жизни его музыка не была так популярна.

О смерти Карловича сообщала вся польская пресса. Журналистам, бравшимся за эту тему, поневоле приходилось обращаться к общим проблемам горного туризма, лыжного спорта, альпинизма, писать о несчастных случаях и ответственности тех, кто отправляется в горы. Именно тогда общественное мнение раздели-

⁷ Пик высотой 2405 м.

лось: одни говорили о необходимости уважать личный выбор тех, кто хотел активно заниматься горным туризмом, альпинизмом и лыжным спортом; другие смотрели на них как на безответственных личностей, бессмысленно играющих со смертью.

В конце 1909 г. была создана Добровольная служба спасения в Татрах (ДССТ). Ее возглавил Мариуш Заруский, а его заместителем стал местный житель, горец, выдающийся проводник и скалолаз Клеменс Бахледа.

Известие о создании ДССТ было очень положительно воспринято в обществе — такое отношение к тем, кто протягивает нуждающимся руку помощи, вполне естественно, тем более когда они это делают в опасных условиях, в горах, рискуя собственной жизнью. Впрочем, судьба — это поразительный режиссер, устраивающий необычные, иногда даже до извращенности, спектакли на тему жизни и смерти.

В начале сентября 1909 г. трое молодых альпинистов поднялись на Бучинову Турню⁸, намереваясь первыми преодолеть ее северный склон. Вел их опытнейший вожатый Фердинанд Гётель — будущий известный писатель. И случилось несчастье. Оставив в стороне технические подробности, скажу только, что вся четверка упала на выступ скалы в узкой расселине. Один из альпинистов погиб на месте. Остальные получили травмы различной степени тяжести. Фердинанд, придя в сознание, с трудом сумел подобраться ближе к склону. Там его и нашли на следующий день рано утром. Спасательная операция, проведенная отрядом ДССТ с участием добровольцев из числа туристов, была рискованной и изнурительной, но все было сделано как надо: двоих тяжело раненых альпинистов отвезли в госпиталь, тело погибшего перенесли в морг, а Фердинанд остался выслушивать упреки и похвалы.

Дебют Фердинанда на литературном поприще был весьма дерзким — он отважился сделать переживания того ужасного сентябрьского дня (который, впрочем, для него закончился благополучно) фактом литературы. Вот фрагмент его прозаического произведения «На Бучиновой Турне» (с сохранением авторской пунктуации):

«Внезапный глухой звук тупого удара у меня за спиной вызывает мороз по коже. Мгновенно оборачиваюсь — и вижу Густека, летящего вниз, раскинув руки, которыми он безуспешно пытается зацепиться за скалу. — Дикий страх, как кинжал, пронзает мне сердце, — но это длится лишь мгновение. — Мысли молнией проносятся в голове. — Триста метров по обрыву вниз — — Нет никакой, ни малейшей надежды — — конец. Я бросаюсь к обрыву — — ужасный рывок веревки заставляет меня скорчиться от боли — — и я просто взлетаю в воздух головой вниз — Вижу ясное, чистое небо — — и лечу легко, кажется, что плыву...».

Для Заруского горы были *пустыней*, местом, где можно испытать себя, где человек мужает, у него появляется чувство *ответственности* — как в высоком нравственном смысле, так и в простом житейском. Пустыня — это место очищения от соблазнов и компромиссов, которые неизбежны в городской жизни. Неслучайно один из своих программных очерков он так и назвал: «Татры как пустыня». Заруский восклицал с пафосом: «Да благословит Господь моря, высокие горы и бескрайние пустыни, ибо они дают нам силу!»

Мощь гор — что это вообще такое? Горы — это только горы. Мы сами вносим в их мир себя и свои извечные человеческие проблемы. Мы сами разыгрываем захватывающий спектакль на горной сцене с участием природной стихии. Бывает, что эта стихия играет нами. Так кого здесь считать автором сценария?

В августе 1910 г. Заруский возглавил спасательную операцию, отправившись на помощь молодому альпинисту, попавшему в беду на северном склоне Малого Яворового пика⁹. Погодные условия были ужасные, и командир ДССТ решил возвращаться назад — его отряд и он сам уже не имели сил двигаться дальше. Но Климек Бахледа решил все же один дойти до пострадавшего, застрявшего на отвесной скале.

Несколько дней спустя нашли тело Климека — он разбился. Нашли и тело альпиниста и отнесли вниз, в долину, — все говорило о том, что к моменту начала поисков он был уже мертв.

Смерть в Татрах молодого альпиниста и трагическая гибель известного проводника, которого все уважали и любили, потрясли буквально всю страну, во всяком случае *читающую*. Потому что уже наступили такие времена, когда какое-либо событие могло выйти за узкий круг людей посвященных только при условии постоянного упоминания о нем в периодической печати. Климек пользовался большой популярностью благодаря глубокому знанию гор и своим человеческим качествам, но публичной персоной его сделала *пресса*.

Польское движение альпинистов окрепло настолько, что уже в 1902 г. при Обществе любителей Татр была организована секция горного туризма, а через пять лет вышел первый номер «Альпиниста» — ежемесячника, посвященного проблемам польского альпинизма в Татрах. Спортсмены-скалолазы рвались к самостоятельности, вытесняя горцев из проводников, чтобы самим водить туристов по уже размеченным маршрутам, оснащенным защитными барьерами. Отныне горцы и вообще местные жители могли проявить себя только в службе спасения, а свои спортивные таланты — в новых видах лыжного спорта: скоростном спуске, слаломе, прыжках с трамплина и гонках.

⁸ Группа вершин в Высоких Татрах.

⁹ Вершина высотой 2385 м.

Альпинизм в Татрах превратился в Польше в культурный и социальный феномен прежде всего потому, что с самого начала, едва оформившись в организованное движение, он сопровождался глубокой рефлексией участников. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в годовые подшивки «Альпиниста», которые полны не только технических описаний новых маршрутов, но и размышлений о том интригующем и не до конца исследованном явлении, каким является потребность индивидуума общаться с горами при помощи восхождения, то есть с заведомым риском для себя — такова уж природа этой интимной связи человека со скалами, снегом и льдом. Скажем прямо, именно это имманентное свойство альпинизма — заложенный в нем риск — приводит к тому, что интерес, который проявляет к альпинистам широкая публика, несколько двусмыслен: смесь восхищения с холодностью, поскольку эти люди рискуют своим здоровьем и даже жизнью без санкции со стороны общества.

Рассматриваемый период, начало XX века, можно назвать колыбелью польского альпинизма — именно в это время закладывались основы того, что получило развитие в последующие десятилетия. Именно тогда впервые дали о себе знать многие проблемы, связанные с Татрами и Закопане; взять хотя бы идеологические споры в среде альпинистов, организацию ДССТ и дискуссию на тему, где проходит граница между долгом спасателей и риском, которому они себя подвергают. Это были не академические споры, а горячие поиски ответа на главные вопросы жизни и смерти: ведь активное взаимодействие с горами — форма обостренного проживания жизни. И окончательный ответ до сих пор не найден.

Чтобы не унесло нас горным ветром высоких слов, вспомним, с каким юмором Фердинанд Гётель попрощался со спортивным скалолазанием:

«Пик! Вид — ощущение. — Я знал альпинистов, которые, проглотив, ничего не ощутили, — но ни одного, кто бы хоть что-то ощутил натощак. Это аксиома! Между количеством (и качеством) съеденного и ожидаемой сразу после этого восприимчивостью к красоте природы нет прямой зависимости, ибо результаты могут ввести в заблуждение. Кроме того, совершенно необходимо, чтобы было желание ощущать, сознание, что ты в состоянии ощущать, и гордость, что ощущаешь лучше и глубже, чем сосед. Необходимо также обозначить момент, когда восприятие должно достигнуть максимума, и тогда рекомендуется на несколько секунд задержать дыхание и закрыть глаза. Тот, кто выполнит все условия, будет вознагражден прекрасным чувством слияния с природой, полным презрения к обществу и людям, — и вот теперь можно смело садиться и писать статью. Из всех перечисленных параметров я соответствовал только одному — проглотил, — что же удивляться, что из пережитых на вершинах прекрасных мгновений на сегодняшний момент я не помню ни одного».

Вернемся, однако, к главной теме нашего разговора и обратимся к искрометной, полной сюжетных находок и юмора прозе Анджея Струга, опытного путешественника по Татрам. Заглавие весьма выразительно — «Закопаноптикум, или Хроника сорока девяти дождливых дней в Закопане». Место действия — в основном пансионаты, столовые и кафе, но среди персонажей попадаются и «бесстрашные», правда, словно увиденные в кривом зеркале. Покорители Татр, пишет Струг, «разгоряченные восхождением, овеянные дыханием гор, совершив свои небывалые альпинистские подвиги, успев за один день отработать множество вариантов, огромное количество пионерских восхождений и в три раза большее — спусков, преодолев огромное число немыслимых препятствий, покорив бесконечный ряд отвесных склонов, северных бугров, юго-восточных скальных навесов, открыв целую прорву дорог, вбив сотни тысяч крюков и оставив после них сотни страховочных узлов, отведя душу страховкой, экспозицией, траверсированием и альпинистскими ботинками всевозможных марок, — возвращались, насытившись славой, в долину, нести свою славу людям, рассказывать о ней в сотне вариантов приятелям, являть ее миру в европейских и китайских журналах, собирать знаки внимания и восторги толп поклонников. Быстро и ловко спускаясь вниз по выступам скал, каменным осыпям и бездорожью, одним прыжком преодолевая пропасти, сползая на кирках по снегу вниз, расталкивая встречных «чайников», они группами и поодиночке возвращались в долину и к повседневной жизни, то есть к «Блошке», известному в Закопане кафе».

Не пощадил автор и спасателей, написав: «Среди орд, спускающихся с гор, заметно выделяется красочной формой и бравым видом отряд Службы спасения, который гонит толпы узников, пойманных с поличным — в момент оскорбления Их Величества гор». Это был очевидный намек на взгляды Мариуша Заруского, а возможно, и Мечислава Карловича.

Шли годы. Война унесла жизни многих проводников, спасателей, альпинистов. С каждым днем Закопане все больше менялось в ритме «лыжи-дансинг-бридж». Станислав Игнаций Виткевич, которому в юности удавалось взобраться даже на высокие вершины, писал о «демонизме Закопане» и о «закопанском дендизме».

Прежних покорителей Татр, которые не погибли во время войны, засосала жизнь: одних — государственная и светская, других — серая и будничная. Анджей Струг вздыхал: «Где те, кто ночевал на Червоном Гзымсе, соревнуясь с орлами, кто покорил страшный навес скалы на Бобровом Огоне, кто развеял широко распространенный среди спортсменов всего мира миф об абсолютной и якобы научно доказанной недоступности пика Одиннадцатый Монах, подобного тонкому готическому шпилю, засмотревшемуся в голубое зеркало Мышьего Става?»

Разве мог Анджей Струг, ведя в 1926 году свою «Хронику неслучившихся происшествий», предположить, что один из его героев — доктор Звеж¹⁰, прототипом которого был замечательный знаток Татр Мечислав Свеж, погибнет на западном склоне Костельца, и что барону Кнайпенгейму, под чьим именем скрывался Юзеф Оппенгейм, придется вместе со спасателями ДССТ относить вниз тела стольких альпинистов и альпинисток.

На сцене Татр люди играли самые разные роли, часто в зависимости от стечения обстоятельств. Роли разные, потому что все люди тоже разные. «Все, от крайних мистиков, которые искали и находили в Татрах Бога, до фанатичных спортсменов, которые самые высокие точки земного шара считали точно таким же спортивным снарядом, как лыжный трамплин или плавательный бассейн», — писал Рафал Мальчевский.

Люди поднимались в горы, и некоторые из них размышляли потом об этом на страницах «Альпиниста» и других журналов. Одни, как М.Свеж, с уважением относились к своим предшественникам, например, к М.Карловичу, другие же, как Ян Альфред Щепанский, предпочитали эпатировать публику словами «спорт», «рекорд». Вот как последний расправлялся с мифом о южном склоне горы Замарлая¹¹: «Изнасиловать скалу, наказать ее за наглое сопротивление! — пять раз подряд повторяем проход по ней. Не обескураженные первой неудачей, мы штурмуем ее упорно и настойчиво, до полной победы. На Замарлой Турне мы приобщаемся к спорту в природной среде — мы, лыжники, привыкшие к стадионам и номерам на форме».

Веслав Станиславский так описывал грезы, навеянные ему во время остановки на ночлег в горах: «Чувствую легкое нервное возбуждение, оттого что мои лунные видения не исчезают, а продолжают являться мне как живые. Каменные осыпи под отвесными скалами Дикой долины превращаются в множество людских голов, и горный цирк начинает свое ночное представление. К Черному пику карабкаются две белые фигуры — призраки альпинистов. В шуме горных ручьев слышится шепот восхищения. Скальные навесы — для циркачей не препятствие. Они не ищут обходных путей, идя к вершине напрямик».

Р.Мальчевский увлекался живописью, горнолыжным спортом, писал прозу. Именно он первым ввел в польскую литературу мотивы дьявольщины при описании восхождения на горы. Поскольку Мальчевский был человеком разносторонним, он смог себе позволить в какой-то момент отойти от спортивного альпинизма и менее активно участвовать в работе спасателей.

Но его интерес к горам и Закопане никогда не ослабевал. К тому же с ним оставался горнолыжный спорт, который он так любил. «Лыжи, две скромные дощечки из ясеня, позволили нам открыть зимний мир гор. С их помощью мы плывем, как на парусах, по снежному океану. Благодаря этому незаменимому, простому и надежному снаряду мы скользим по поверхности белой бездны, с легкостью взбираемся на высочайшие вершины и несемся вниз быстро и беззвучно»,— писал он с восторгом.

Юзеф Оппенгейм (которого Заруский прочил в свои преемники на посту руководителя Службы спасения) тоже очень любил лыжные вылазки в Татры, рассматривая их как испытание «бесстрашия». Обратимся еще раз к «Великому дню» Струга: «Барон отправлялся в горы редко и только зимой, на лыжах; все остальное время он без устали дежурил: первую половину дня в «Блошке», вторую — в «Брайбише», до самого позднего вечера внимательно следя за тем, что делается в горах, в полной готовности немедленно отправиться на помощь тем, кто попал в беду. Спасая людей, он был отважен и не щадил себя, как и его великий предшественник и лучший друг Гдыш».

Рафал Мальчевский растроганно вспоминал: «Сколько же мы прошли вместе — были и перевалы, и вершины с ночевками в пастушьих шалашах, а то и под открытым небом; сколько же акций Службы спасения, лыжных походов по рыхлому снегу и по насту, зимой и в оттепель, когда, закончив спуск, наступаешь на крокусы и вода хлюпает у тебя в башмаках. Вместе же, бывало, и выпивали».

С последним в Закопане никогда не было проблем. Не будем заглядывать «бесстрашным» и «бывшим бесстрашным» ни в рюмки, ни в постель, заметим лишь, что это были обычные, хоть и необыкновенные люди, к тому же мужчины...

Закопане стремительно менялось, и это не могло не затронуть местных жителей. Владислав Оркан в статье, озаглавленной «Жители Закопане сегодня» сетовал: «Появился пресловутый закопанский снобизм, бахвальство горцев, — причем больше у тех, кто мало что из себя представляет, кто навязывается гостям, нахватавшись манер городских низов и потеряв чувство собственного достоинства, которым обладали прежние пастухи».

Поскольку речь зашла о горцах, не будем забывать, что и среди них, как внутри любой другой многочисленной социальной группы, наблюдалось большое расслоение: были и очень бедные люди, и крепкие хозяева — газды.

Достаточно прочитать воспоминания Войцеха Бжеги, скульптора и отчасти писателя, интеллигента в первом поколении, который родился в этих местах, чтобы осознать зловещее значение выражения «время до нови» 12 и понять, насколько сурова жизнь в горах.

¹⁰ По-польски означает «зверь».

¹¹ Гора высотой 2179 м.

¹² Т.е. время до хлеба нового урожая, голодная пора.

Проводники-альпинисты ок. 1900г.

Местные хватались за любую работу: вели свое хозяйство, нанимались в подпаски, в чернорабочие на металлургические заводы в Кузницах¹³, на венгерские шахты, косили пажити на севере и юге, принимали отдыхающих, обслуживали их и даже водили в Татры. Развитие курорта внесло в образ жизни горцев качественные изменения: многие теперь существовали исключительно на деньги, полученные за обслуживание приезжих, которых с каждым годом все прибывало. Часть местных жителей стала стремительно обогащаться. Это сделало свое дело: с одной стороны, уровень жизни тех, кто предлагал квартиры и пансионы приезжим, резко повысился, а с другой — некоторые хозяева быстро научились драть деньги с отдыхающих, нимало не заботясь о качестве своих услуг.

Вернемся, однако, в Закопане 20-30-х годов.

Хотя здесь по-прежнему появлялись выдающиеся проводники-альпинисты из местных, например Юзеф Гонсеница-Томковый (ведь именно горцы составляли основу Службы спасения), все чаще в роли «бесстрашных» стали выступать не горцы, а просто жители Закопане и те, которые, желая быть поближе к Татрам, селились у подножия Гевонта и жили здесь какоето время — кто больше, кто меньше. Они получали квалификацию проводников и предлагали свои услуги состоятельным клиентам, при условии хорошей физической подготовки последних. И коренные жители гор, и те, кто поселился тут недавно, становились альпинистами высокого класса.

ДССТ оставался прекрасным воплощением идеи объединения, живой

связи традиций с современностью, горцев с приезжими, проводников с альпинистами. Руководил этой службой Оппенгейм, который «исполнял свои обязанности долгих двадцать лет, до самой войны — добросовестно и с умом. Так, как пристало человеку совестливому, разумному и неравнодушному», — читаем мы у Мальчевского.

С ностальгией вспоминая свое увлечение молодости — Татры и Закопане, — этот автор пишет, что ни один «путеводитель, даже самый полный, не заменит человека, хорошо знающего горы, выросшего вблизи них, имеющего огромный опыт общения с ними. Тем более когда замечательные традиции наших проводников еще не были утрачены и сохранялась преемственность старого и нового поколений. Проводник в Татрах, как никто, умел быть внимательным, тактичным и приятным в общении, он был прекрасным товарищем, его присутствие вносило в путешествие дополнительный элемент обаяния благодаря тому, что он сам был частью гор, разбирался в их настроениях и капризах, знал, как они могут быть опасны. Проводник мог умереть, спасая жизнь чужака, умереть спокойно, убедившись, что тот, за кого он взял на себя ответственность, сможет вернуться обратно живым и невредимым. Члены братства проводников сеяли и пахали, заготавливали дрова, боролись с бедностью, которая становилась все отчаяннее, но по вызову Службы спасения тут же, не колеблясь, спешили на помощь погибающему в ущельях Татр, исполняя свой нелегкий долг, требующий напряжения всех сил, с героизмом и спокойствием настоящих людей. Те, кто спасал других, заслужили, чтобы спасли их».

Эти слова вызывают во мне горячий отклик, ибо мне самому довелось знать многих представителей последнего поколения горцев — проводников и спасателей, которые работали в первом и втором отрядах с Заруским, а потом долгие годы с Оппенгеймом. Без них не было бы Службы спасения! Справедливости ради стоит отметить, что эти прекрасные сыны гор даже и не пытались соревноваться с хорошо подготовленными спортсменами на все усложнявшихся маршрутах. Да и не было в этом необходимости. Работа спасателя в Татрах, естественно, требует владения навыками альпинизма, но альпинизма прикладного, если так можно выразиться, а не спортивного.

Вернемся к словам Мальчевского «проводник мог умереть, спасая жизнь чужака», — здесь он имеет в виду Клеменса Бахледу, а слова «умереть спокойно, убедившись, что тот, за кого он взял на себя ответственность, сможет вернуться обратно живым и невредимым» относятся к проводнику Яну Гонсенице-Даниэлю.

Авторы Большой татрской энциклопедии пишут, что Ян Гонсеница-Даниэль погиб недалеко от Сиклавы¹⁴ в долине Ростоки¹⁵ в результате несчастного случая: он поскользнулся на льду. Умирая, он научил туриста, которого привел в горы, как тому дойти до укрытия».

Эта трагедия стала широко известна, она запечатлена в литературе. В.Оркан описал ее в «Смерти Даниэля», а Я. Каспрович — в стихотворении «Проводники».

¹³ Район в южной части Закопане, в долине Быстрой.

¹⁴ Водопад на Ростоке, самый большой в Татрах.

¹⁵ Долина в Высоких Татрах к западу от долины Бялки.

Даниэлю было почти семьдесят, в Закопане его многие знали, главным образом потому, что часто видели на улицах города, когда он катал отдыхающих на своей лошадке, запряженной в бричку. Человек он был такой, что стакан мимо рта не пронесет, любил щегольнуть перед «господами» своими талантами — спеть, сплясать; случалось ему выступать в присутствии одной только своей лошади. Бывали моменты, когда его тянуло в горы. В декабре 1924 г., невзирая на опасное обледенение скал, он уговорил молодого туриста отправиться туда.

Если бы не тот роковой шаг на скользкий камень и не забота о спутнике, которую проявил старый проводник, уже зная, что ему самому не суждено вернуться домой, о Даниэле бы вообще забыли — в лучшем случае от него осталась бы какая-нибудь невразумительная история о чудаке-пьянице, танцующем на пустой улице, где гуляет лишь горный ветер. Последние минуты жизни Даниэля, о которых поведал турист, пошедший с ним в горы, показали высокое благородство его души и навсегда перенесли его образ в область мифов, сложившихся в сознании общества, потребность которого в мифе о надежном горце-проводнике была очень высока.

Отметим, что сами горцы-проводники и горцы-альпинисты оставались немы, они не оставили *описаний* походов в Татры. В этом отношении они целиком зависели от своих «господ». О ком писать, как писать, чей портрет поместить в журнале, из кого сделать героя, а кого предать забвению, решали приезжие. Так получалось само собой, ненамеренно и уж конечно без злого умысла, — просто потому, что те, кто ходил в горы, стремились записать и опубликовать свои впечатления.

К счастью, они рассказывали не только о себе, но и о товарищах, с которыми путешествовали по горам и совершали свои восхождения. Благодаря этому мы кое-что знаем о горцах — проводниках и альпинистах — героической эпохи покорения Татр. Знаем имена и фамилии тех из них, кого тогда очень высоко ценили, знаем, с кем и по каким маршрутам они ходили. Мы много знаем о той жизни с фактической и технической стороны, но, к стыду своему, очень мало — о характерах участников и отношениях между ними. К сожалению, ни один из знаменитых в свое время проводников-альпинистов не оставил после себя ни строчки. Невосполнимая утрата! Мы никогда не услышим голосов горцев, водивших первых альпинистов на вершины Татр, не узнаем, как все это выглядело в их глазах.

Об этом чувствительном пробеле необходимо помнить, рассуждая о культуре и стиле жизни «бесстрашных». Мы не должны забывать о тех, кто так много сделал для других, но не решился записать свои воспоминания. Важно понять, что имеющиеся в нашем распоряжении тексты вышли из-под пера «господ», интеллигентов, «пришельцев», чужаков в мире гор. Эти два мира: горцев и чужаков, прибывших в Татры из низинной Польши, никогда не сливались, но довольно долго были тесно связаны между собой; окончательное расхождение наметилось в двадцатые годы XX века, когда альпинисты сделали ставку на рекорд. С этого момента, даже если появлялся какой-нибудь выдающийся альпинист из местных, его горское происхождение оставалось его личным делом, оно не предопределяло спортивной подготовки.

С моей точки зрения, проблема отношения общества к альпинизму заключается в том, что занятия спортивным альпинизмом нуждаются в каком-то обосновании, в отличие, скажем, от работы в службе спасения. Позиция спасателя совершенно ясна, она вызывает только уважение. Его миссия не требует никаких дополнительных объяснений: он делает благородное дело — оказывает помощь попавшим в беду. Все усложняется, когда мы задаем себе вопрос, в чем смысл альпинизма. Слова, что мы стремимся в горы, потому что они существуют, лишь красивый способ уйти от ответа. Общество требует чего-то большего, оно хочет понять причины, которые заставляют молодых людей совершать всё более сложные и рискованные восхождения. Ему хочется, чтобы альпинисты имели какую-нибудь общественно-полезную, научную, эстетическую или даже метафизическую цель, публика хочет найти рациональное зерно в их действиях. Объяснения, которые дают сами спортсмены: мы карабкаемся в горы, потому что это дает нам ощущение полноты жизни, так мы реализуем свою потребность бороться и побеждать, это своего рода творчество; и последний аргумент: да отстаньте вы, мы свободные люди и сами решаем, что нам делать со своей жизнью, — такие объяснения не всех убеждают. И это понятно. В самом деле, трудно бывает понять человека, который карабкается по западному склону Костельца 6, побуждаемый сильнейшим желанием вступить в спортивную схватку с теми, кто моложе его, а вовсе не для того, чтобы полюбоваться красотами в традиционном смысле этого слова. Если и есть в этом нечто прекрасное, как, например, стремление к самореализации, — в творчестве ли, в альпинизме ли, — то, как ни крути, несколько противоестественное.

Мы оказались в гуще вопросов о внешних и глубинных причинах, толкающих людей в горы, а также попыток ответов на них. Эти вопросы начали множиться в межвоенный период, когда оказалось, что ближе всего к пониманию феномена альпинизма можно подойти через анализ особенностей творческой личности. Первые литературные попытки так оценить мотивацию идущих в горы относятся именно к этому времени. Следует подчеркнуть, что вокруг вопросов, связанных с восхождением в Татры (о роли горцев-проводников, спортивном альпинизме, работе спасателей, охране природы), сформировалась интересная эссеистика, ставшая важной частью польской

¹⁶ Острый, тонкий пик высотой 2155 м.

культуры. Тексты, опубликованные в «Дневнике Татрского общества», «Альпинисте» и «Верхах», показывают, что вопросы альпинизма неизменно рассматривались в общем культурном контексте, при этом все большее внимание уделялось личности спортсмена: я и горы, я в культуре и в союзе с природой, я — созерцатель и деятель, я — артист театра одного актера, я — наследник традиций предшественников, и я — спортсмен, желающий все делать по-своему...

Достаточно ознакомиться с литературой первой половины XX века, чтобы убедиться, что альпинизм занимал в ней огромное место, что размышления на тему «человек — горы» велись очень интенсивно. Об этом рассуждают Ян Гвалберт и Михал Павликовский, об этом по-прежнему много размышляет и пишет Мариуш Заруский, не говоря уже о представителях нового поколения. «Альпинист» публикует не только технические подробности восхождений в Татры, но и статьи по общим вопросам, а также литературные произведения, тесно связанные с альпинистским опытом авторов. Большой интерес — по крайней мере среди тех, кто так или иначе был связан с горами, — вызвали специальные выпуски этого ежемесячника, посвященные Веславу Станиславскому и Мечиславу Свежу. Каждое более или менее заметное происшествие в горах попадает на страницы популярных газет и журналов — иногда в хронику текущих событий, которая относительно объективна, а иногда подается в качестве сенсации для привлечения читателей.

Рассмотрение литературы о «бесстрашных» (примем это определение с некоторой долей доброжелательной отстраненности) в целом поможет нам не потонуть в эзотерических, узкопрофессиональных дискуссиях альпинистов и даст возможность понять, что эта литература представляет собой как бы фрагмент мозаичного панно, называемого историей польской интеллигенции, что это размышление об экзистенциальных проблемах, распадающееся на многие голоса,— не только на фоне, но и перед лицом гор. Предлагаемый мною подход не означает недооценки вклада отдельных авторов. Выбор высокой точки наблюдения заставляет нас взглянуть на освоение этой тематики польской литературой как на культурный феномен, развивающийся во времени, — что нисколько не помещает нам вчитываться в произведения отдельных писателей, причастных к созданию этого феномена.

Когда смотришь с горы, ясно видишь, где лежат долины, вершины, перевалы, ключевые камни. При таком подходе к литературному наследию «бесстрашных» главным оказывается то, что объединяет эти тексты, а вовсе не идейные споры, которые теперь уже воспринимаются с трудом. Ключевой момент здесь — отношение авторов к альпинизму и всему связанному с ним кругу проблем как к чему-то очень важному, имеющему поистине экзистенциальное значение! Это то общее, что объединяет Мечислава Карловича с Мариушем Заруским, Яна Гвалберта Павликовского с Яном Альфредом Шепанским. Последний, правда, писал о «трагедии Павликовских», выражая сожаление по поводу их старомодного увлечения миром горцев, но это — слава милостивым горским богам — всего лишь

споры людей, одинаково увлеченных Татрами, внутренние счеты между своими. Кто-то скажет: между посвященными — в тайну, выдуманную ими самими, чтобы потешить свое самолюбие. Пусть даже и так. Даже если среди нас, людей, «трёкнутых» любовью к горам, как выражаются горцы, так распространено желание расцветить, мифологизировать и возвысить свою связь с миром камня и льда, то это ничем не отличается от внутренних напряжений, существующих в любой творческой среде, в любом подобном сообществе. Важно, что это дает культуре.

Откроем теперь «Народную сагу» Мацея Малицкого¹⁷ и отыщем там раздел «Это, пожалуй, все о высоте». Вот что пишет автор:

«Если уж речь зашла о высотах, скажу сразу для порядка, что с раннего детства я ходил по горам. Даже целый год занимался альпинизмом. Получалось у меня довольно хорошо, но я бросил, потому что не сошелся с людьми. Они были как-то слишком серьезны, говорили разные глупости, пели песни под гитару и не пили

¹⁷ Книга опубликована в 2004 г. в издательстве «Чарие».

пива. Приведу один пример. Единственный, потому что не стоит разговора: «Настоящий альпинист не ходит с веревкой наружу»».

Понятно, что высокий тон общения людей, помешанных на горах — альпинистов, спасателей, а, бывает, и проводников, — не всем может нравиться. Тут действительно не о чем говорить. А вот что касается веревки... Принятое в этой среде правило не афишировать альпинистское снаряжение появилось не случайно: возникла потребность отличать «настоящих» альпинистов от «чайников», показушников, стиляг, которые, ни разу не поднявшись на гору, любят выставляться на туристических тропах, демонстрируя экипировку, как какие-нибудь эксгибиционисты. Это правило было протестом против показухи, стремлением защитить свое, «настоящее».

С этим все. Выпьем по кружке пива за Мацея Малицкого. Это писатель сам по себе интересный, и его проза, как мне кажется, не подвержена разрушительному влиянию времени.

Повторюсь: не только личные, но и общие недостатки, свойственные людям, увлеченным горами, не имеют значения. Важно, что дали эти люди польской литературе и духовной культуре в целом. Причем дело вовсе не в самих описаниях. Я утверждаю, что основной их вклад — всестороннее осмысление остроты жизни, которую дано ощутить альпинистам и спасателям. Для автора этих строк важна здесь и преемственность традиции размышлять на эту тему, способность не только передать свою увлеченность горами, но и взглянуть на себя самого, «бесстрашного», со стороны. При всех, вполне очевидных, различиях между авторами, их физических, психологических, личностных и прочих особенностях, при всем многообразии выраженных ими политических и эстетических позиций — тянется эта ниточка творческого отношения к горам, соединяющая поколения. Красиво и мудро сказал об этом Мечислав Свеж в эссе-воспоминании «Тс, кого с нами нет...» Прошло несколько лет, и с прощальным словом к великому Свежу обратились Фердинанд Гётель и Ян Альфред Щепанский. Память о предшественниках и сохранение их традиций — это великая ценность. Живые ручьи литературы, стекающие с Татр и текущие в Татры, частично заросли, о них знают лишь специалисты, но значительная их часть продолжает бурлить.

twórczość

Примечания автора

Аснык Адам (1838-1897) — поэт и драматург.

Балуцкий Михал (1837-1901) — комедиограф, прозаик, публицист.

Бахледа Клеменс (Климек) (1849-1910) — проводник, организатор ДССТ.

Бжега Войцех (1872-1941) — скульптор, резчик, декоратор и крестьянский писатель.

Бой-Желенский Тадеуш (1874-1941) — литературный и театральный критик, публицист, переводчик.

Виткевич Станислав Игнаций (1885-1939) — писатель, художник, философ, теоретик искусства.

Гётель Фердинанд (1890-1960) — писатель и публицист.

Гощинский Северин (1801-1876) — поэт, публицист, политический деятель.

Заруский Мариуш (1867-1941) — генерал, спортемен-парусник, альпинист, писатель.

Карлович Мечислав (1876-1909) — композитор.

Каспрович Ян (1860-1926) — поэт, драматург, переводчик.

Лапчинский Казимеж (1823-1892) — ботаник, инженер.

Малицкий Мацей (род. в 1945 г.) — современный польский писатель.

Мальчевский Рафал (1892-1965) — художник и писатель.

Оппенгейм Юзеф (1887-1946) — лыжник, альпинист, горноспасатель.

Оркан Владислав (Смречинский Францишек) (1875-1930) — поэт, писатель, публицист.

Павликовский Мечислав (1834-1903) — помещик, политический и общественный деятель, писатель.

Павликовский Ян Гвалберт (1860-1939) — литературовед, публицист, экономист.

Станиславский Веслав (1909-1933) — альпинист.

Сташиц Станислав (1755-1826) — католический священник, политический деятель и писатель, естествоиспытатель, философ, публицист.

Струг Анджей (1871-1937) — прозаик, публицист, общественный и политический деятель.

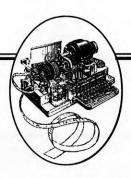
Тетмайер Казимеж Пшерва (1865-1940) — писатель.

Хёсик Фердинанд (1867-1941) — историк, публицист, прозаик, издатель.

Халубинский Титус (1820-1889) — врач и естествоиспытатель.

Щепанский Ян Альфред (1902-1991) — альпипист, литератор, театральный и кинокритик.

Эльяш-Радзиховский Валерий (1841-1905) — художник.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Польша вступает в 2006 год в совершенно новой ситуации: вся власть сосредоточилась в руках одного формирования — «Права и справедливости» (ПиС). Есть основания предполагать, что благодаря поддержке таких радикальных партий, как «Самооборона», «Лига польских семей» и аграрная партия ПСЛ, правительство меньшинства Казимежа Марцинкевича обретет политическую стабильность. Оно может рассчитывать на сплоченный и управляемый твердой рукой политический лагерь (ПиС), а также на очень лояльного президента; его союзники не уверены в своей судьбе на политической сцене, а оппозиция не в состоянии составить ему альтернативу. Никто не хочет и скорого повторения парламентских выборов — ведь после блестящих побед ПиС и Леха Качинского можно ожидать, что они добьются еще лучших результатов. Таким образом, все эти группировки заинтересованы в сохранении нынешней расстановки сил в парламенте, тем более что в 2006 г. Польшу ожидают выборы в органы местного самоуправления. Это очень серьезное испытание для политических партий, так как [после вступления Польши в ЕС] в ведение этих органов переходит все больше власти и денег». (Янина Парадовская, «Политика — Экономист», специальный выпуск, дек.-февр.)
- «Наиболее вероятный сценарий таков: несмотря ни на что экономика будет развиваться в ранее намеченном направлении. Несмотря на бурные двойные выборы, 2005 год завершился в экономике довольно спокойно. Темпы экономического роста ниже, чем предполагалось, но тем не менее вполне приличные; промышленность и сфера услуг развиваются; несмотря на сильный злотый, экспорт процветает; уровень зарплаты и инфляции остается под контролем; уровень безработицы постепенно снижается. Часто подвергавшееся насмешкам технократическое правительство Марека Бельки просуществовало всего год, но справилось со своими задачами вполне неплохо, особенно если принять во внимание, что у него не было политической поддержки». (Петр Тарновский, «Политика — Экономист», специальный выпуск, дек.—февр.)
- «Правительство Марцинкевича представило т.н. начальный доклад. В отличие от подобных документов предыдущих команд его подготовили независимые эксперты из Центра им. Адама Смита». («Тыгодник повшехный», 4 дек.)

- «До сих пор явными были только имущественные декларации депутатов Сейма и органов местного самоуправления, а также сенаторов. Правительство Марцинкевича впервые опубликовало данные об имуществе министров. Декларации премьер-министра, министров и высокопоставленных чиновников Канцелярии премьера можно найти на сайте Канцелярии (www.kprm.gov.pl)». («Газета выборча», 29 поября)
- Министр здравоохранения Збигнев Релига: «Я умею расправляться с оппонентами. После первой пересадки сердца моя среда хотела, грубо говоря, перегрызть мне горло. А когда в конце 80-х я осмелился пересадить человеку сердце свиньи, меня даже хотели лишить диплома. Так что я человек закаленный: на глаза наглазники, в уши вату, и за дело. Лишь бы только уметь слушать тех, кто умнее меня. И знать: надо делать то, что хочешь и считаешь правильным». («Политика», 26 поября)
- «Злотый укрепляется (...) В понедельник за евро платили меньше 3,89 злотых (...) По мнению иностранных инвесторов (...) события будут развиваться по оптимистическому сценарию, т.е. в будущем году дефицит не превысит 30 млрд. злотых. Инвесторы исходят из того, что польские политики говорят правду». («Газета выборча», 29 иоября)
- «В течение трех первых кварталов 2005 г. суммарная чистая прибыль [польских] банков вплотную приблизилась к показателю за весь 2004 год (...) Высокую прибыль банков обеспечивает прежде всего рост объемов выдаваемых кредитов (...) Если физические лица берут кредиты все более охотно, то в сфере кредитования предпринимателей оживления все еще не заметно. Зато на счетах предприятий все больше депозитов». («Жечпосполита», 16 ноября)
- «После открытия границ ЕС, несмотря на укрепление злотого, объем нашего экспорта продуктов питания ни на минуту не перестал расти (...) С января по сентябрь польские предприятия отправили за границу продуктов питания на сумму свыше 5 млрд. евро, т.е. на 36% больше, чем год назад (...) Главный импортер продуктов питания из Польши Евросоюз, куда идут почти три четверти нашего экспорта. За три первых квартала 2005 г. экспорт польских продуктов питания в страны ЕС вырос на 40%». («Жечпосполита», 29 поября)

- «Польское правительство одно из самых щедрых в Европе, если речь идет о поддержке неэффективных предприятий. По последним брюссельским данным, в прошлом году на государственную помощь мы предназначили 2,9 млрд. евро». Это 1,47% польского ВВП, что дает нам четвертое место в ЕС. Мальта тратит на подобные цели 3,1% ВВП, затем идут Финляндия и Кипр, а за ними Польша. («Жечпосполита», 9 дек.)
- «Наконец добрались и до общественных туалстов. Начиная с 2006 г. их владельцы должны будут установить контрольно-кассовые машины, а к ценам услуг прибавить 7% НДС. Туалетам не избежать налога — этого требует от нас Евросоюз. А клиенты на основании чека смогут подать рекламацию». («Жечпосполита», 28 ноября)
- Согласно опросу ЦИОМа, «уже 43% поляков готовы поддержать на выборах «Право и справедливость», а «Гражданскую платформу» (ГП) — только 28%. Это означает, что по сравнению с результатами сентябрьских парламентских выборов электорат ПиС увеличился в 1,5 раза. Поддержка ГП тоже возросла по сравнению с выборами, но лишь на 4%. Остальные партии, вошедшие в парламент, понесли потери. «Самооборона» получила бы сегодня 8% голосов, т.е. на 3% меньше, чем на выборах. «Лига польских семей» балансирует на грани избирательного барьера с 5-процентной поддержкой. Это тоже на 3% меньше, чем на выборах. Больше всех потерял «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — вместо прежних 11,31 теперь его поддерживают 5% опрошенных. А аграрная партия ПСЛ вообще не вошла бы в Сейм». («Газета выборча», 22 ноября)
- «ПиС хочет открыть по всей стране 600 приемных. Иными словами, приемная ПиС будет в каждом повете и в крупнейших гминах. В связи с этим во многих городах партия уже начала искать новые помещения». («Жечпосполита», 19-20 поября)
- Вальдемар Кучинский: «Если бы меня попросили назвать главное новшество, которое принесли минувшие выборы, то я бы сказал, что как проголосовавшие, так и не явившиеся на участки избиратели подвергли демократические институты проверке на прочность. Фактически они передали огромную власть одному человеку — Ярославу Качинскому. Он — единовластный хозяин партии, огромной части Сейма, сенатского большинства, всего правительства и новоизбранного президента. Ничего подобного в Третьей Речи Посполитой еще не было (...) Вдобавок эта власть ситуативная, неявная, производная от расклада сил после выборов. Ярослав Качинский — лишь один из депутатов и глава одной из партий. Его огромное влияние распространяется вне демократических институтов и не подлежит конституционной ответственности». («Газета выборча», 18 ноября)

- В подготовленном ЦИОМом рейтинге доверия к политикам первое место занял новоизбранный президент Лех Качинский ему доверяют 66, а не доверяют 20% поляков. Следующие места заняли: Александр Квасневский (соответственно 62 и 20%), Ярослав Качинский (60 и 23%), премьерминистр Казимеж Марцинкевич (59 и 14%) и Дональд Туск (57 и 24%). Анджей Леппер занял 9-е место ему доверяют 41, а не доверяют 44% опрошенных. Девятнадцатое место с 25% доверия и 52% недоверия занял Лешек Бальцерович. («Газета выборча», 1 дек.)
- «Ярослав Качинский должен извиниться перед мазовецким активистом СДЛС Станиславом Шепетовским и передать 10 тыс. злотых Польскому Красному Кресту за то, что назвал СДЛС «преступной организацией»». («Тыгодник повшехный», 4 дек.)
- Станислав Лем: «Сегодня в польской печати трудно найти что-нибудь другое кроме братьев Качинских. Что показывают по телевизору, не знаю я его не смотрю, но, кажется, то же самое (...) По-моему (...) то, что захлестнуло страницы наших газет, вне Польши никого не интересует». («Тыгодник повшехный», 20 поября)
- Вице-маршал Сейма Анджей Леппер: «Есть люди, созданные править, и все остальные, которыми надо управлять. Я умел командовать всегда на футбольном поле, на ринге, в армии. Теперь все будет точно так же: «Самооборона» осуществит то, что запланировала, а я приведу ее к власти!» («Газета выборча», 19-20 иоября)
- «Польские предприниматели и Анджей Леппер создадут совместную группу экспертов для разработки изменений в законодательстве. «Я не заметил у председателя «Самообороны» признаков популизма», — сказал председатель «Business Center Club» Марек Голишевский». («Газета выборча», 6 дек.)
- Стефан Братковский: «То, что предприниматели из «Business Center Club» видят в Леппере человека, посланного судьбой, и хотят реформировать экономику под его высоким покровительством, напоминает мне «Носорога» Ионеско». («Жечпосполита», 10-11 дек.)
- «Десять тысяч слушателей радио «Мария» со всей Польши и из-за границы отметили в Торуни 14-й день рождения своей радиостанции. «Да здравствует мохеровая революция!» кричал им [директор радиостанции] о. Тадеуш Рыдзык (...) В церкви в первых рядах разместились политики (...) в частности, маршал Сейма Марек Юрек (ПиС) и вице-маршал Анджей Леппер («Самооборона») (...) Присутствовали и министры юстиции Збигнев Зебро и координатор спецслужб Збигнев Вассерман». («Газета выборча», 8 дек.)

- «Выражение «мохеровый берет» становится неотъемлемой частью польского языка (...) Типичным представителем определяемой таким образом общественной группы считается пожилой человек, чаще всего женщина, придерживающийся консервативных, националкатолических взглядов, уверенный в своей правоте и закрытый для других идей. Он слушает радио «Мария», смотрит телеканал «Трвам» [«Держусь»] и читает «Наш дзенник» (все три основаны о. Рыдзыком — Ред.). Определение «мохеровые береты» приводит на мысль, с одной стороны, популярные головные уборы, а с другой — применяемую в армии идентификацию различных боевых отрядов (...) «Семья радио «Мария»» — неформальная структура приверженцев о. Рыдзыка — по приблизительным оценкам, насчитывает 6 млн. человек (...) Кружки друзей радио «Мария» есть в каждой епархии и почти в каждом приходе. Их база — местные отделы радио «Мария»». («Политика», 3 дек.)
- Станислав Тым, сатирик: «Что я знаю о священнике из Торуни? То же, что и каждый, кто его поддерживает, ничего не знаю. Не знаю, где он был, что делал. Говорят, он не платит налоги. Почему? Я не знаю, почему. Видимо, у него есть разрешение. Сейчас как раз идут юбилейные торжества... Мы должны радоваться: есть радио, есть телевидение, есть газета. Разве это не прекрасно? спрашивает все мое правительство. А я говорю: это самое прекрасное, что только можно себе представить!» («Жечпосполита», 10-11 дек.)
- «Епископы ставят вопрос ребром: радио «Мария» угрожает единству польской Церкви. Поэтому в решении проблемы должен участвовать Ватикан (...) По мнению главы ватиканской дипломатии архиепископа Джованни Лайоло, подобные вопросы не относятся к компетенции Апостольского Престола и должны решаться внутри поместной Церкви». («Газета выборча», 9 дек.)
- Проф. Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: «Многие жители Влоцлавека, Кракова, Варшавы, Гданьска, Вроцлава, Лодзи или Люблина помнят живших там евреев. Но особенно этим отличается Ченстохова (до 1939 г. там жило 30 тыс. евреев, в настоящее время всего 39 человек), ставшая настоящим образцом польско-еврейских отношений (...) Исключительно бережное отношение жителей и властей Ченстоховы к памяти о еврейском населении этого города заслуживает тем большего уважения, что это чрезвычайно важное место для польского католицизма». («Впрост», 4 дек.)
- ««Я не допускаю даже мысли о том, чтобы у представителя церковной иерархии могли быть какие-то проявления антисемитизма», сказал вчера архиспископ Станислав Дзивиш во время встречи с послом [Израи-

- ля] Давидом Пелегом (...) Как сообщил пресс-секретарь [краковской] курии свящ. Роберт Ненцек, визит [посла] способствовал укреплению связей между католической Церковью и евреями». («Газета выборча», 18 иоября)
- «На украинском кладбище в Павлокоме начался монтаж гранитных крестов, которые должны увековечить 366 жителей села, убитых партизанами Армии Крайовой в 1945 году (...) Памятник в Павлокоме будет поставлен на основании договора об охране могил поляков на Западной Украине и украинцев в Восточной Польше». («Газета выборча», 8 дек.)
- В преддверии выборов в органы местного самоуправления Украины 80 украинских депутатов местного уровня провели неделю в Польше, знакомясь с опытом польских гмин. Депутаты разделились на группы, которые на пять дней разъехались по разным регионам Польши. В окрестностях Быдгоща украинские депутаты наблюдали эффекты рекультивации земель бывших госхозов, в окрестностях Люблина эффекты благоустройства бывших военных баз, в Нижней Силезии знакомились с ситуацией в бывших шахтах, а в Контах-Вроцлавских с методами привлечения инвесторов. («Газета выборча», 14 иоября)
- ««Мы заложили прочные основы сотрудничества свободной Польши со свободной Украиной», сказал в Киеве Александр Квасневский, в последний раз посетивший Украину в качестве президента. Украинцы приняли его необычайно тепло. Президент Виктор Ющенко наградил польского лидера орденом «За заслуги» и напомнил о роли, которую Квасневский сыграл в качестве посредника во время прошлогодней «оранжевой революции». «Сегодня опросы общественного мнения показывают, что три четверти украинцев считают Польшу страной, дружественной Украине. Это в значительной степени заслуга Александра Квасневского», сказал Ющенко». («Газета выборча», 25 поября)
- «На второй день своей прощальной поездки в Киев президент Александр Квасневский получил степень почетного доктора Киево-Могилянской академии (...) В посольстве Польши президенту нанесла визит Юлия Тимошенко бывший премьер-министр и один из лидеров «оранжевой революции» (...) Кроме того, в здании посольства президент Квасневский встретился с Леонидом Кучмой». («Газета выборча», 26-27 ноября)
- Министр иностранных дел Стефан Меллер: «В реакции Москвы на внешние события преобладает политика (...) Причина ведь не в том, что таможенник или инспектор вдруг проснулся (...) Информация [о запрете на импорт польских сельхозпродуктов] появилась накануне создания нового правительства (...) Боюсь (...) что момент, страна и повод были выбраны неслучайно (...) Совершенно очевид-

но, что это не невинное решение (...) Мы будем оказывать Украине недвусмысленную поддержку. Но это уже не только наша политика. Еще год назад к нашим действиям присоединился Евросоюз (...) Подобным образом, хотя и несколько иначе, выглядят в настоящее время вопросы, связанные с Белоруссией. Они уже вписаны в планы Брюсселя. Полностью суверенная, свободная, демократическая, а в конечном итоге вступившая в ЕС Украина — это основа нашей внешней политики». («Жечпосполита», 14 поября)

- Виталий Портников, журналист «Радио Свобода»: «У России и Польши совершенно разные стратегические интересы (...) Польша хочет диверсифицировать поставки энергоносителей, добиться общей позиции свропейцев по отношению к Москве, содействует большей самостоятельности Украины и хотела бы большей самостоятельности Беларуси. Россия хочет диверсифицировать транзит энергоносителей, стремится общаться с «большими» и богатыми европейскими странами и не замечать маленьких и бедных, делает все возможное, чтобы восстановить свои позиции на Украине и собирается создавать с Беларусью конфедерацию (...) Кремль привык к контактам лишь с двумя категориями собеседников. Первая — это вассалы, но среди них нет места президенту Польши. Вторая — это сильные противники (...) Чтобы войти в эту группу, нужно руководить сильным, стабильным государством, с которым нельзя не считаться. Если Лех Качинский (...) будет строить такое государство, он может рассчитывать на успех». («Жечпосполита», 14 ноября)
- «Министр иностранных дел Стефан Меллер, который еще несколько дней назад был послом Польши в Москве, полтора часа разговаривал с министром [иностранных дел РФ] Сергеем Лавровым. Министр Меллер надеется, что вскоре Россия отменит свое торговое эмбарго. В беседе Лавров несколько раз подчеркнул его временный характер. «Действительно, с нашей стороны имели место определенные махинации. Думаю, что этим займутся соответствующие службы государственной администрации»» [сказал Меллер]. В ноябре Россия ввела запрет на ввоз из Польши мяса, а вскоре после этого — продуктов растительного происхождения, обвинив наши предприятия в использовании поддельных ветеринарных документов». («Жечпосполита», 15 поября)
- ««Для переговоров об изменении способа установления цен на поставляемый Польше российский газ нет оснований», — написали руководители концерна «Польская нефте- и газодобыча» в письме российскому поставщику «Газэкспорт». Письмо было ответом на российское предложение о встрече для пересмотра цен на газ». («Жечпосполита», 16 иоября)

- Адам Подольский из варшавского Центра международных отношений: «Недавний российский запрет на ввоз нашего мяса и растительных продуктов настолько абсурден, что вызвал изумление польских экспортеров и политиков (...) Такое впечатление, что вся эта афера с польскими продуктами питания рассчитана на краткосрочную «политическую» дипломатию, когда фиаско очередных провокаций и конфронтационных ходов лишь приводит в бешенство и вызывает соблазн еще более обострить взаимоотношения (...) Действуя таким образом, Москва сама сводит на нет влияние пророссийского лобби в польской политике (...) Отвергнутые Кремлем польские производители найдут другие, более надежные и проверенные рынки, а польские нефтеперегонные заводы — более надежных, хотя и более дорогих поставщиков». («Газета выборча», 22 ноября)
- «Московская газета «Ведомости» открыла, почему «Газпром» угрожает Польше повышением цен на газ. Это должна быть месть нашим властям, которые не соглашаются снизить тариф на транзит российского газа в Германию польско-российской компанией «ЕвРоПол-Газ»». («Газета выборча», 25 ноября)
- Галина Корнилова: «Для меня четвертое ноября всегда было праздничным днем ведь это день празднования иконы Казанской Божьей Матери (...) Как известно, новый праздник вывел на улицы столицы тесные ряды молодых черносотенцев (...) Должна признаться, что, видя в этот день гуляющие по городу толпы «патриотов», я испытывала жгучий стыд за них (...) Я глубоко убеждена, что этот марш черной сотни был направлен не только против так называемых инородцев, т.е. всевозможных «чуждых элементов». Очевидно, что в первую очередь он был направлен против нас, против самой России и ее будущего». («Жечпосполита», 26-27 ноября)
- Ежи Помяновский: «Нам довольно простого факта: надо было забраться аж в 1612 год, чтобы откопать вред, причиненный русским поляками, и сделать эту годовщину государственным праздником. Кроме того мы убедились, что не стоит лезть в драку с полонофобами. Намного более действенный ответ благодарность, выраженная тем благородным русским, которые относились и относятся к Польше дружелюбно и с пониманием. Так было 16 апреля 2005 г., когда президент Польши удостоил высоких наград целый ряд деятелей российского «Мемориала», внесших огромный вклад в раскрытие тайн катынского преступления». («Жечпосполита», 26-27 ноября)
- «Почему россияне ограничивают импорт из Польши? Потому что они считают, что польские экспортеры подделывают фитосанитарные свидетель-

ства. По данным наших властей, они насчитали 37 случаев таких подделок на более чем 26 тыс. выданных в этом году свидетельств. Подделаны были главным образом документы, дающие право продавать в России цветы, импортированные из Голландии и Эквадора». («Жечпосполита», 29 поября)

- Константин Косачев, председатель комитета Государственной Думы по международным делам: «Если бы вы вели себя в отношении России по-дружески, то мы могли бы стать партнерами. Но вы выкручиваете России руки, и нам приходится реагировать соответствующим образом». («Газета выборча», 30 ноября)
- Директор по делам ЕС в МИДе Павел Свебода: «Мы все еще надеемся, что спор ограничится экономическими вопросами, но россияне не отвечают на наши письма и звонки». («Жечпосполита», 30 поября)
- «Россияне расширили список польских продуктов, которые они не хотят пропускать на свою территорию (...) Кроме продуктов питания в нем оказались, в частности, изделия из дерева». («Жечпосполита», 30 иоября)
- «Газ и нефть основные товары, импортируемые нами из России. На восток польские фирмы продают все больше машин, приборов и продуктов питания. Уже несколько лет объем польского экспорта в Россию быстро растет. В 2004 г. мы продали туда товаров на сумму 2,18 млрд. долларов (...) Первыми в списке идут (...) электроприборы. За первые десять месяцев 2005 г. россияне купили у нас этой продукции на сумму 755,7 млн. долларов. Второе место по объему продаж занимают продукты химической промышленности (...) За первые три квартала 2005 г. объем экспорта этих продуктов достиг почти 645 млн. долларов (...) Уже много лет из-за нефти и газа в нашей торговле с Россией наблюдается высокий дефицит. Но, следя за показателями польских экспортеров, наши чиновники утверждают, что в будущем наш торговый обмен, возможно, удастся уравновесить». («Жечпосполита», 30 ноября)
- «Россия и Германия полны решимости строить вызывающий споры газопровод по дну Балтийского моря. Однако Москва «будет рада» участию в проекте польских инвесторов (...) Сергей Лавров подчеркнул, что все переходы собственности возможны лишь при условии, что Россия сохранит 51% акций». («Жечпосполита», 5 дек.)
- ««Польша не заинтересована в подключении к ответвлению российско-немецкого газопровода по дну Балтийского моря»», заявили представители министерства экономики». («Газета выборча», 6 дек.)

- «Два миллиона поляков должны были погибнуть или получить ранения в ходе войны коммунистического блока с НАТО. Почти все крупные города были бы разрушены в результате ядерной и химической атаки. В случае конфликта Польша должна была стать главным театром военных действий. Советские военные намеревались уничтожить сухопутные силы НАТО на территории Польши ракетами с ядерными и химическими боеголовками. Такая атака практически стерла бы нашу страну с лица земли. Польские войска должны были нанести удар по северной Германии, Голландии, Бельгии и Дании. Такой военный сценарий предусматривали планы Варшавского договора (...) Документы Варшавского договора, хранившиеся прежде в архивах Войска Польского, будут переданы в Институт национальной памяти (ИНП) (...) «Эти документы свидетельствуют о том, в чем заключалась и как осуществлялась наша зависимость от Советского Союза», — говорит директор ИНП проф. Леон Керес». («Жечпосполита», 26-27 ноября)
- «Поезд сообщением Киев—Берлин, принадлежащий Украинским железным дорогам, приближался к польско-немецкой границе, когда внезапно ктото нажал на стоп-кран. Неизвестные бандиты обокрали восьмерых россиян и двоих немцев». («Газета выборча», 8 дек.)
- «Четырнадцать тысяч заключенных сверх допустимой нормы, свыше ста исков с требованием компенсации за пребывание в переполненной камере, 35 тысяч
  человек, не принятых в тюрьмы из-за отсутствия мест,
   такова ситуация, которая не может продолжаться
  вечно (...) Несколько лет назад, когда Европейский суд
  по правам человека в Страсбурге впервые начал присуждать компенсации за практикующееся в Польше
  слишком долгое предварительное заключение, мы пережили удивление и шок (...) Ситуация может повториться. На этот раз из-за нарушения европейских норм
  заполненности тюрем». (Станислав Падемский, «Жечпосполита», 15 ноября)
- «ИНП утверждает, что военная юстиция неохотно привлекает к ответственности своих бывших судей и прокуроров, виновных в коммунистических преступлениях (...) В министерстве юстиции созданы две группы, которые должны заняться подготовкой реорганизации прокуратур и судов». («Жеч-посполита», 28 ноября)
- «Вчера суд признал виновными Збигнева Соботку, Генрика Длугоша и Анджея Ягелло. Приговор вступил в законную силу. Трое бывших депутатов СДЛС попадут в тюрьму за утечку информации в г. Стараховице. Краковский апелляционный суд оставил в силе приговор Соботке (3,5 года лишения свободы), но сократил сроки Длугошу [1,5 года] и Ягелло [1 год]. По мнению суда, бывший замминистра внутренних дел и администрации [Збигнев Соботка] не только разгласил

государственную и служебную тайну, но и подверг опасности жизнь и здоровье полицейских из Центрального следственного бюро, участвовавших в спецоперации против стараховицкой преступной группировки». («Жечпосполита», 17 ноября)

- «За три недели до истечения своих полномочий президент Александр Квасневский принял самое спорное решение за все 10 лет правления: начал процедуру помилования Соботки, причем в ускоренном порядке (...) Что склонило президента к таким действиям?» («Ньюсуик-Польша», 11 дек.)
- «После получения ходатайства Збигнева Соботки президент Александр Квасневский был обязан начать процедуру помилования. Закон предписывает рассматривать ходатайства всех лиц, обратившихся к президенту по подобным вопросам. В течение первого президентского срока Александра Квасневского в его канцелярию поступило 20 988 ходатайств о помиловании. Президент помиловал 3295 человек. На протяжении второго срока из 25 197 ходатайствовавших президент помиловал 974 осужденных (...) Однако ни один случай помилования не вызвал таких эмоций, как случай Збигнева Соботки, прежде всего потому, что Александр Квасневский прибег к ускоренному порядку рассмотрения дела». («Политика», 10 дек.)
- «Репортер газеты «Жечпосполита» Анна Маршалек и президент Александр Квасневский получили премии еженедельника «Юропиан войс». Анна Маршалек удостоилась звания «Европейского журналиста 2005 года» за «неустанные расследования, в ходе которых удалось выявить крупные польские коррупционные скандалы» (...) однако прежде всего — за выявление «стараховицкой аферы». В 2001 г. она написала нашумевший текст о коррупции в министерстве национальной обороны, в результате чего замминистра обороны Ромуальд Шереметев лишился своего поста (...) Президент Александр Квасневский получил звание «Европейского государственного деятеля» за «его роль в обеспечении мирного характера «оранжевой революции» на Украине»». («Жечпосполита», 30 ноября)
- «Изумление, порой шок такова была реакция на известие, что Александр Квасневский будет свидетелем на беатификационном процессе Иоанна Павла II». («Жечпосполита», 9 дек.)
- «После трехмесячной разлуки Эва и Малгося, дочери Ирены и Здислава Мазгаев из деревни Новоселье близ Санока, вернулись домой (...) Суд счел, что родители-инвалиды могут обеспечить им уход и девочки не нуждаются в приемных родителях (...) Приемные родители не скрывали своего горя.

Они приготовили детям подарки (...) После статьи в «Жечпосполитой» на помощь Мазгаям поспешили многие люди (...) Жители Новоселья скинулись на адвоката, отремонтировали дом Мазгаев, сделали в нем ванную (...) Вся деревня радуется, что дети вернулись к своим родителям». («Жечпосполита», 9 дек.)

- «В загоне, прилегающем к магазину на ул. Цибернетики, 6 в Варшаве, уже шесть лет живут козел и коза. Хозяева магазина спасли их от съедения. «Мне подарили их на именины, чтобы зажарить на вертеле, но мне стало их так жаль, что они остались у нас», объясняет Влодзимеж Сибильский. Козы находятся под постоянным ветеринарным наблюдением. Когда кто-нибудь подходит к загону, они тут же выбегают посмотреть, не принесли ли им чего-нибудь вкусного. «У самки немного скверный характер, она не любит женщин, говорит Сибильский. Поэтому на всякий случай мы повесили предупреждающую табличку»». («Жечпосполита», 14 ноября)
- «Варшавяне массово устанавливают на карнизах домов иглы против голубей (...) Если темп защиты домов иглами удержится на нынешнем уровне, голубям останется лишь сидеть на деревьях и фонарях разве что их прогонят и оттуда». («Газета выборча», 17 ноября)
- «Я и мой 12-летний сын пережили шок в гипермаркете «Теско» на Полчинской ул. [в Варшаве]. Сын обнаружил, что у всех плавающих в бассейне живых карпов отрезаны спинные и боковые плавники. После этого он полдня плакал, рассказывает потрясенный читатель «Газеты выборчей». Как мне объяснить ему такие бесчеловечные действия взрослых?» («Газета выборча», 7 дек.)
- Начиная с послевоенных лет в рамках т.н. планирования лесного хозяйства мазурские леса систематически вырубаются в т.ч. и на территории Мазурского ландшафтного парка (...) Исчезают прекрасные старые древостои (...) С недавнего времени вырубка лесов сопровождается массовым спиливанием придорожных деревьев (...) Ежегодно на Мазурах спиливают около трех тысяч придорожных деревьев! (...) Отстрел лесных зверей охотниками (...) на территории мазурских лесов можно сравнить с бойней». («Казимеж Орлось, «Жечпосполита», 19-20 ноября)
- Джаред Даймонд: «Современная цивилизация не более разумна, чем культура бесписьменных полинезийцев (...) Причина падения многих цивилизаций заключалась в бессознательном экологическом самоубийстве». (Мартин Милковский, «Ньюсуик-Польша», 18 дек.)

Петр Черемушкин

ПРОЩАЙ, «ПОЛОНЕЗ»!

С 10 декабря 2005 г. из расписания международного железнодорожного сообщения исчез поезд №31 «Полонез», курсировавший между Москвой и Варшавой с 1951 года. Что это? Результат общего ухудшения отношений между Польшей и Россией? Признак повышения качества отечественных путей сообщения? Или, как утверждают поляки, естественное следствие ситуации, когда экономика по законам рентабельности заставляет отказываться от приятных, но ненужных мелочей, от реликтов системы социализма, существовавших за счет государственных дотаций. По данным польской стороны, убытки от поезда в этом году составили 4 млн. злотых, что соответствует 1,25 млн. долларов.

Наверное, можно понять логику поляков, когда при многочасовой стоянке в Бресте, при замене колес на белорусской территории польская сторона теряет деньги. Не хочется произносить журналистских банальностей о том, что у поездов и кораблей, как и людей, своя судьба, свое начало и свой конец. Но, думаю, не мне единственному досадно от того, что уходит в прошлое удобное транспортное средство, которым пользовались все, кто ездил в Польшу последние 50 лет, кто был связан с ней профессионально и по-человечески и у кого в эпоху роста цен на нефть, а значит, и на авиабилеты не стало возможности выкладывать четыре сотни долларов за полет из Москвы в Варшаву. Сколько бы я ни ездил этим поездом, заполненность вагонов мне казалась вполне достаточной. «Полонез» долго оставался нитью, связывавшей нас с Польшей, — и во времена развитого социализма, и во времена «Солидарности». Теперь и ему пришел конец, а жаль. Интересно, до какой степени должны ухудшиться наши межгосударственные отношения, сколько еще надо разрушить, чтобы потом восстанавливать все заново? Сколько еще мы должны обмениваться ударами, как мальчишки на улице, чтобы жертвами всего этого оказывались среднестатистические граждане, стоящие в очередях за визами, выкладывающие кругленькие суммы за авиа- и железнодорожные билеты?

Уже много лет подряд, когда возникало желание перевести дух от московской толпы и повседневности, я выбирал короткую и дешевую дорогу на Запад — в Польшу. В три часа дня на Белорусском вокзале, окутанный туманным запахом угля, садишься в вагон с непривычными очертаниями и на следующий день в 10 утра выходишь на Центральном вокзале польской столицы. Процедуру смены колес и общение с белорусскими стражами границы ранним утром я пока намеренно опускаю. Польские прикольщики говорили мне, что разница между колеями соответствует длине полового члена русского царя. Но уж кто, как не поляки, знает, что в этом вопросе нет единого стандарта? На самом деле ширина польской колеи 1435 миллиметров, а российской — 1520, и разница составляет всего 85 мм. Как прокомментировал мне эту цифру польский проводник: «Теперь понятно, почему появился Распутин».

Первая моя поездка на «Полонезе» в памяти запечатлелась больше всего. С тех пор прошло 28 лет. Каким оригинальным казался вкус чая в пакетиках и запах польского мыла! Проводники в малиновой форме словно прибыли из другой реальности, не говоря уже о самих голубых вагонах варшавского поезда, проплывавших мимо, пока ты стоял на переезде дачной станции Перхушково и мысленно вслед за поездом уносился в страну Шопена и Мицкевича. Как в детской песенке, которую мы все пели: «Голубой вагон бежит, качается, скорый поезд набирает ход...» Я всегда был уверен: эта песенка — про «Полонез».

Давно прошли те времена, когда Польша казалась нашими воротами на Запад. Теперь можно запросто полететь в Париж, Лондон, Нью-Йорк, не тратя сил на суррогатный Запад невыездного времени. Но меня влечет туда, куда я впервые попал в сентябре 1977 года, 14-летним подростком. Попал просто потому, что мама, Марина Вацлавовна Кретович, взяла меня с собой в поездку по частному приглашению. И за одну неделю я увидел столько театральных спектаклей, сколько наверное не увидел

за всю последующую жизнь. Психолог Вайда, обворожительный Ханушкевич, мастер иносказания Шайна, блистательный Ольбрыхский и трагический, вдумчивый Ломницкий — эти имена театрального мира Польши навсегда останутся в моей памяти. Нашим хозяином в те дни был польский театральный художник, проректор Варшавской академии изящных искусств Рышард Винярский. Мой отец, ныне заслуженный художник РФ и профессор Строгановки, Герман Черемушкин познакомился с Рышардом во время путешествия «Дорогами Коперника» в 1970-м. Поляки собрали художников со всего мира, чтобы доказать истинно польское происхождение первооткрывателя солнечной системы. Эти дороги для советских художников тоже начинались с поезда «Полонез». Имя Рышарда, малоизвестное в СССР, тем не менее открывало двери лучших польских театров и художественных галерей. Сегодня Рышард тяжело болен и фактически живет в больнице. Нет и моей мамы, про которую другой польский профессор-приятель как-то сказал: «Она всегда была для нас символом польки, затерянной где-то далеко на востоке». Наверное, у каждого, кто путешествовал поездом «Полонез», найдутся такие сентиментальные воспоминания. Ведь поезд был призван обеспечивать транспортную поддержку польско-советской дружбы, и были времена, когда состав встречали и провожали военные оркестры...

За возможность увидеть из окна крыши и костелы варшавского Старого города, когда голубой вагон проскакивает по мосту через Вислу, можно было и пойти на некоторые унижения, связанные с общением с белорусскими погранцами-вымогателями, а особенно со злобными таможенницами гестаповского типа — эти тетки почему-то все в сапогах на каблуках-шпильках, как будто пришли из салона садо-мазо. Но что эти мелочи в сравнении с видом варшавских черепичных крыш, которые, по-моему, могут тронуть самое черствое сердце. До недавнего времени я во имя сохранения нервных клеток предпочитал добираться в Польшу самолетом. Но после того как «Аэрофлот» с польским «Лётом» стали практиковать совместные рейсы и установили на них одинаковую цену, взвинтив ее до небес (наш антимонопольный комитет делает вид, что ничего не происходит, а русский с поляком вполне, оказывается, могут договориться, если речь идет о сверхприбыли, приносимой монополией на авиаперевозки), «Полонез» оставался единственной отдушиной для среднего класса. Билет второго класса в одну сторону стоил 2,5 тысячи рублей, первого — 3 с половиной. Пусть не сочтут это скрытой рекламой авиакомпании «Лёт», но поляки приняли повышение уровня обслуживания на своих «линьях лётничих» как задачу общенациональную и успешно с ней справились. Поезд же, особенно идущий на Восток, стал пообшарпанней, но марку держал. В Бресте его осаждали голодные белорусские бабульки-торговки: «Пакушать, папить, пачитать». Но в купе был чистый умывальник, полки в три яруса друг над другом застилали белыми простынями с фирменным знаком «WARS», и проводники кричали «кава, хербата, пашпорчики». Подключившись к розетке, предназначенной для электробритвы, можно было спокойно «набивать» тексты на лаптопе, расшифровывать с кассеты интервью с художниками, актерами и политиками.

Сколько раз я садился в «Полонез»? Отправлялся туда, где в 1988-1989 гг. проходил преддипломную практику в Варшавском университете. Бродил под дождем по полуголодной Варшаве, смотрел на уже преобразившиеся под напором рыночных реформ сменявших друг друга премьеров и вице-премьеров (из них помнят только Бальцеровича) витрины частных магазинчиков на Хмельной, наблюдал студенческие демонстрации (они требовали отмены обязательного обучения русскому языку и добились своего, о чем сейчас многие жалеют), вдыхал запах стиральных порошков в газетных киосках, слушал уличных музыкантов в подземном переходе на Маршалковской и проповеди в костелах, смотрел, как уходит в Москву поезд с Центрального вокзала, звонил домой по автомату, «толкал» черную икру и покупал колбасу «на картки» (карточки), которые мне выдавали в советском торгпредстве. Отправлялся туда, где впервые понял, что слово спекулянт означает «человек с нормальным экономическим мышлением», что использование американских долларов — не преступление и что свобода — самое дорогое, данное человеку после права на жизнь. И главное, что у свободы могут быть разные грани и проявления. «Nie ma wolności bez «Solidarności»!» («Нет свободы без «Солидарности»!») — кричали на митингах тогдашней оппозиции. «Nie ma wolności bez odpowiedzialności!» («Нет свободы без ответственности!») — назидательно утверждал, полемизируя с оппозицией, Войцех Ярузельский лозунгом со здания ЦК ПОРП, в котором теперь размещается Варшавская биржа. Тем же самым «Полонезом» я

приезжал уже в другую Польшу — страну супермаркетов, бензоколонок, МакДональдов и монументов Папе Иоанну Павлу II. Поляки добились чего хотели. Им теперь никто не запрещает плохо говорить о восточном соседе, никто не заставляет ездить на восток, потому что лучше — на запад. Сосед ослаб, но ошибается тот, кто думает, что он перестал внимать тому, что о нем говорят.

В одном из последних номеров польский еженедельник «Политика», отличавшийся особенно нелицеприятными статьями о России, вдруг прозрел и опубликовал комментарий, в котором говорится, что мы (поляки) «пугаем русских словами, а они нас — делами». «Русские в отличие от нас, — пишет

«Политика», — сдержаннее в словах, но лучше знают цифры». А из этих цифр следует, что польское благополучие гораздо больше зависит от отношений с Москвой, нежели с Вашингтоном. На поставках продовольствия в Россию Польша уже в августе 2005 г. заработала 500 млн. долларов. Введенный недавно Россией запрет на импорт польского продовольствия приведет к тому, что еще одного подобного рекорда уже не будет. Польские экспортеры потеряют клиентов, а у польских крестьян не будет рынка сбыта свинины, капусты, моркови и даже картофеля. «Политика» задается вопросом: «Какие дороги теперь будет блокировать польская партия «Самооборона» под руководством Анджея Леппера?» — того самого, чьи

сторонники привели к власти президента Леха Качинского. «За пустые жесты и слова заплатят польские фирмы и их сотрудники», — пишет Иоанна Сольская в «Политике».

Десятки дальнобойных грузовиков, груженых продовольствием, несколько смягчали отрицательный баланс торговли Польши с Россией. Растущие цены на энергоносители привели к тому, что Польша платит России гораздо больше, чем Россия Польше. Только до августа 2005 г. Польша заплатила России 5,4 млрд. долларов. И никакие разговоры о диверсификации энергопоставок, об отказе от русского газа и нефти так и не стали реальностью. На экспорте в Россию Польша заработала 2,5 млрд. долларов, а на экспорте в США — 1,2 миллиарда. В общей системе торгово-экономических отношений поляки решили сэкономить на поезде, долгое время остававшимся символом особых отношений двух славянских народов.

Справедливости ради надо отметить, что и другой поезд из системы Польских государственных железных дорог — Интерсити «Ян Кепура» — тоже исчезнет из расписания. Этот поезд курсировал между Варшавой и Кельном и летом даже окупался. После вступления Польши в ЕС его маршрут следования продлили до Брюсселя. Польские железнодорожники признают, что решение продлить маршрут имело скорее политический, нежели экономический характер. Предполагалось, что этим поездом будут пользоваться евродепутаты, чиновники и польские гастарбайтеры, отправляющиеся подзаработать в страны Бенилюкса. Оказалось, что чиновники предпочитают самолеты, а трудящиеся — дешевые автобусы. Как и за «Полонез», за поезд в Европу приходилось доплачивать: на немецком участке — 1,6 млн. евро, на польском — 414 тысяч. Теперь «Ян Кепура» будет доходить только до Франкфурта-на-Майне. Так, может быть, и для «Полонеза» найдется компромиссное решение?

Ежи Пильх

АЛОИЗИЙ ПЁНТЕК И РЫШАРД КРЫНИЦКИЙ

В те времена Польша была угледобывающей державой, «Гурник» [«Шахтер»] (Забже) — европейской футбольной командой, а поэты «Новой волны» — явным поэтическим авангардом. Я внимательно читал их стихи и манифесты. У меня было неясное, но сильное ощущение важности того, что пишут мои коллеги, по метрике лишь немножко старше меня, но писательски уже неслыханно взрослые. Не раз это ощущение заходило весьма далеко. Например, я носил в вещмешке знаменитую «паксовскую» (сдинственную тогда в наличии) книгу избранных стихотворений Элиота и дебютантский сборник Баранчака, и даже самому себе было стыдно признаться, что Баранчак для меня в сто раз важнее. Сегодня я признаюсь в этом интуитивном ощущении — ничего не отнимая у Элиота — почти с торжествующей гордостью. Я не ошибался.

Лингвистические поэты, как их иногда называли, сосредотачивались вокруг краковского «Студента», выходившего раз в две недели, и на его страницах я впервые прочел стихотворение Рышарда Крыницкого, начинающееся словами:

весь мир глядит на Москву
12 100 человек смотрят матч на стадионе «Идретспарк»
«Манчестер» ведет 1:0 с гола Янга
(автоматическая ассоциация с «Песнями ночи»)
еще все можно спасти
(свободу? равенство? братство?)

Это стихотворение, если можно сказать настолько эротически, я никогда не забывал, а его заглавие — «31 марта 1971 года, 19.21» — на прошлой неделе, когда газеты сообщили о смерти Алоизия Пёнтека, вспомнилось мне (ожило во мне со всей силой) не только по принципу автоматической ассоциации.

Но, как говорят урожденные рассказчики, все по порядку. Так вот, как всем известно, крупнейший успех польского клубного футбола состоял в выходе «Гурника» (Забже) в финал Кубка Кубков. Эта игра проходила 24 апреля 1970 г. в Вене, «Гурник» проиграл «Манчестеру» со счетом 1:2.

Алоизий Пёнтек, шахтер шахты «Рокитница», смотрит этот матч по телевизору, через 11 месяцев в шахте произойдет крушение, которое рассечет его жизнь на две, без малого равные части, а пока ни то ни другое неизвестно, пока «контактный» — тогда этого термина не знали — гол, забитый Станиславом Ослизло, дает некоторую надежду; конец, однако, горек. Невезение уже действует. Невезение приведет к тому, что, проиграв в финале «Манчестеру», «Гурник» (Забже) на будущий год, в следующем розыгрыше Кубка Кубков, после победы над нетребовательными «Аарборгом» и «Измиром» вновь дойдя до четвертьфинала — о жестокий рок! — натолкнется на — угадайте! — «Манчестер». С одной стороны, хорошо: жажда реванша и удобный случай реванша, с другой — плохо: психологическая травма и вдобавок суеверный страх перед дождем (во время венского финала шел дождь) и мокрым полем — условиями, в которых англичане, как всем известно, чувствуют себя лучше. А в Европе почти везде царит дождливая весенняя пора.

Первый матч четвертьфинала «Гурник» все-таки — после голов Любанского и Вильчека — выиграл спокойно — 2:0. 10 марта 1971 года. Алоизий Пёнтек смотрит матч с трибуны Силезского стадиона, радуется победе и живет большими надеждами, что всегда помогает ожиданию. Матч-реванш в Манчестере через две недели. Крушение в «Рокитнице» — через 13 дней.

Рышард Крыницкий:

выживший в завале шахтер чувствует себя хорошо и по мнению дамы которая всё знает потому что продает газеты перейдет в историю уголь не хочет отдать тело его товарища (__)

выжил один погибло десять шахтеров на Балтийском побережье тайно схоронили убитых весь мир глядит на Москву народ в ходе истекшего под водительством достиг снова огромных «Рабочая трибуна» ищет корректора (вечное будущее) сейчас будет 19.22 еще всё можно спасти (веру? надежду? любовь?) в защите «Гурника» продолжается суматоха весь мир борется в Гданьске родились пятерияшки пресса тиснет журналисты не продаются а получают надбавки газеты покупаются в Копенгагене идет дождь самое время бросить курить молчим идет общенародная дискуссия

И по сей день эти строки обладают потрясающей силой, а какой же они обладали тогда, читанные блуждавшим во мраке, не только литературном, двадцатилетним юношей? Они обладали силой скорости света. И давали простой и основополагающий урок: настоящий писатель может описывать то, что известно из газет, и то, что под рукой, однако должен делать это по-своему, насквозь произвольно и субъективно, но и насквозь честно, по своему слуху, по себе самому. И что всегда хорошо (никогда не повредит) проникать при случае в колтун извращенного родного языка и стараться мыть его и расчесывать, и наново сшивать, и по-своему завивать.

Крыицкий написал стихотворение не об Алоизии Пёнтеке и не о мачте «Гурника» (Забже). Крыницкий прикоснулся к действительности, одним из знаков которой был шахтер, другим — футбол. В руках Крыницкого — так, как в руках величайших поэтов, — мир был отражен и сохранился.

Помещенное на прошлой неделе в газетах (которые продаются) известие о смерти Алоизия Пёнтека показалось мне неуместным. Всякая смерть неуместна, а его смерть как-то крайне неуместна. Не затем он выжил, чтобы — даже через несколько десятков лет — умирать. В принципе он должен жить вечно. Истина о том, что, даже чудом избежав смерти, мы и так смерти ждем, совершено невыносима. Зачем такие чудеса — о Господи Боже?

23 марта 1971 г. (накануне матча-реванша «Гурника» с «Манчестером») — переписываю из газеты (которая покупается) — «в шахте «Рокитница» произошло оседание и завал. Восемь шахтеров ранены, а десять погибли». Когда все потеряли надежду, страну облетело известие, что на глубине 780 метров произошло чудо. Алоизий Пёнтек, последний из засыпанных шахтеров, выжил. Его извлекли из-под завала 30 марта. Первый вопрос, который он задал докапывавшимся до него в течение недели спасателям, касался результата матча «Манчестер» — «Гурник». Ему казалось, что они играли вчера, а они играли неделю назад. «Гурник» проиграл со счетом 0:2, и понадобилась дополнительная игра на нейтральной территории, как раз в Копенгагене.

Пёнтек вышел из-под завала не на следующий день после матча-реванша, а накануне решающего матча. Разрешили ли ему в больнице смотреть матч — не знаю. Если разрешили, то, как только началась передача и он услышал гробовой голос Яна Цишевского: «Дорогие радиослушатели, в Копенгагене идет дождь», — он знал, что начинается настоящая трагедия. «Манчестер» перехватил инициативу после гола Янга и уже до конца матча не отдавал ее. Цишевский, правда, в отчаянии утешал, что все еще можно спасти. Любанский забил почетный гол, но не помогло. «Гурник» проиграл со счетом 1:3 и вылетел из розыгрыша Кубка. Вернувшись из Копенгагена, Любанский, Шолтысик и другие футболисты навестили Пёнтека в больнице, принесли мяч, сувениры своего клуба и пожизненный входной билет на матчи. Он, однако, в наступившие годы вообще почти не выходил из дому. Билет лежал в ящике стола неиспользованным. На прошлой неделе он утратил силу.

POLITYKA

Дорота Козицкая

ЗАПОМНИВШЕЕСЯ ИЗ...

беседы с Рышардом Крыницким,

состоявшейся майским вечером в доме поэта в краковском районе Подгуже

Мы начали с вопроса, не Тадеуш ли Пайпер, родившийся неподалеку отсюда, какимто образом «подсказал» выбор этого дома, и чувствует ли поэт, который долго не мог найти себе подходящего места и с большими надеждами переехал из Познани в Краков, что наконец обрел пристанище.

Оказалось, однако, что, выбирая дом, Крыницкий не знал, что здесь рядом родился Пайпер, а когда узнал, то воспринял это как важный знак «присутствия» поэта, который оказал столь значительное

влияние на его раннее творчество. Кроме того, в Кракове у него появилось ощущение некой «оседлости», чего-то привычного. Впрочем, «комплекс бездомности» все же остался, ибо у него гораздо более глубокие корни. С одной стороны, он связан с самим положением художника-поэта, которого всегда сопровождает ощущение обособленности, а с другой — с переживаниями детства. Два первых года своей жизни — важных года, хотя он их вроде бы и не помнит, — Крыницкий пережил с родителями в трудовом лагере в Германии. Затем он подрастал в такой местности, где в водовороте послевоенных событий встречались люди, которые подобно его родителям были вынуждены оставить родные места и оказались оторваны от своей естественной среды и традиций. Об этих переживаниях поэт рассказывает мало, подчеркивая лишь тот факт, что в этой экзистенциальной ситуации единственным «пристанищем» стал для него язык.

В последнем сборнике Крыницкого «Камень, иней» прозвучало — впервые, пожалуй, столь отчетливо, хотя, разумеется, негромко и пройдя сквозь фильтр позии. — эхо детских лет, страха, одиночества. Поэт возвращается в прошлое и вместе со стихами, в которых он вспоминает ушедших поэтов и друзей, здесь появляются и небольшие прозаические отрывки — это фрагменты из готовившейся им, а затем заброшенной книги, не столько мемуарной, сколько «воскрешающей» его собственное прошлое — как то, что сегодня представляется ему самым важным, так и то, чего не высказать.

Рышард Крыницкий

Об этих прозаических отрывках поэт говорит как о попытке «вырваться» из поэтической обязанности молчания, найти язык, способный передать то, что с сегодняшней перспективы может быть сказано о том опыте. Поэт обращается при этом к немецкому понятию Dichtung — определению литературного произведения без разделения на поэзию и прозу, а также подчеркивает, что такое понимание литературы ему ближе всего и что такую литературу он сам пытается создавать.

Немецкий язык Крыницкому сегодня очень близок, хотя выучил он его довольно поздно, под влиянием увлечения поэзией Рильке, прочитанного еще в переводе Стефана Наперского. Правда, сейчас Крыницкий много переводит, прежде всего своих любимых поэтов Пауля Целана и Нелли Закс, относясь к этой деятельности так же, как к собственному поэтическому творчеству (и, вероятно, поэтому он переводит только те стихи, которые сам хотел бы написать), однако взяться за переводы Рильке поэт до сих пор так и не решился. Он объясняет это, в частности, необычайной сложностью этой поэзии и восхищением уже существующими переводами Мечислава Яструна, и все-таки он все чаще думает приняться за переводы Рильке и планирует «померяться» в первую очередь с «Дуинскими элегиями».

Когда его спрашивают о путях поэтического развития с момента дебюта по сей день и о роли опыта «Новой волны», Крыницкий признаёт, что видит формирование своего творчества как откровенное следствие поэтических поисков, предпринятых им в самом начале. Он описывает этот процесс метафорически — как спиральное кружение вокруг самых главных вопросов и языковых решений, намеченных уже в первых произведениях. Одним из таких «кругов» для автора «Непокорных небытию» стал эпизод его принадлежности к «Новой волне», когда было демонстративно нарушено молчание вокруг изолганности тогдашней действительности, и связанные с этим попытки создать новый по-

этический язык. Каждый из поэтов «Новой волны» делал это по-своему и каждый извлекал свои выводы, выбирая собственный зрелый путь. Хотя Крыницкий и признаёт, что существовал короткий период, когда можно было говорить об общем для поколения языке, который в то время начали отождествлять с публицистикой, дело было все же не в публицистике. Однако мир, в том числе и «мир поэтический», не начинался и не заканчивался для него на «Новой волне».

В этом контексте юношеские декларации из предисловия к его первому сборнику — который поэт не любит из внепоэтических соображений, связанных с обстоятельствами его издания, -- о том, что «пережитое с трудом поднимается над поверхностью языка» и что он как поэт не может «установить границу исповедальности, за которую стихотворение не должно выходить» («Пыл погони, пыл побега», 1968), очень заметно перекликаются с содержащимся в последнем сборнике признанием: «на чужом языке я меньше ощущаю бесстыдство своих признаний» («Эффект чуждости» из сборника «Камень, иней», 2004). Для Крыницкого-поэта эта проблема с самого начала его творчества была одной из самых главных, и ему по сей день так и не удалось провести эту границу, хотя он понимает, что ее следует постоянно искать. Однако каждый раз, когда поэт останавливается на границе между тем, что сказано, и тем, чего не высказать, это «между» оказывается для него самым важным. Самым существенным способом поиска границ выразимости стала попытка ограничения слов, упорное стремление к точности, ведущее к своеобразному поэтическому молчанию.

С самого начала его интриговал и вопрос поэтического языка, причем во многих аспектах: как в контексте поэтической выразимости, так и в контексте «прикосновения» к современности через язык улицы, язык газеты, а теперь хотя бы и Интернета. Поэтический отпечаток интереса к этим аспектам и открытости поэта к тому, что несет с собой языковая повседневность, нашел отражение и в последнем сборнике. Крыницкий, с осторожностью пользующийся каждым словом, не столько посмеивается над беспомощностью новояза, сколько раскрывает его уродливость, возникающую благодаря иностранным заимствованиям.

На протяжении всей беседы много раз упоминался Пайпер — поэт и необыкновенный человек. Крыницкий упомянул, что во времена его дебюта Пайпер, отодвинутый на обочину жизни, считался в кругах творческой интеллигенции своего рода культовой фигурой, своеобразной «совестью»; упомянул Крыницкий и о своих первых впечатлениях от поэзии Пайпера и выразил твердое убеждение, что наряду с поэтическим мастерством в этих стихах заключена невероятная добрая энергия. Позже он все больше узнавал о Пайпере, в том числе услышал и легенду о том, как Пайпер потерял рукопись со своими первыми произведениями, — Крыницкий, который в свое время тоже потерял тетрадь со своими первыми юношескими стихами, счел это еще одним «подтверждением» свое-

образной общности. Он называл себя тогда «пайперистом» и пытался подражать пайперовской «системе расцвета» - и хотя этот этап уже давно пройден, но несомненное увлечение и самим Пайпером, и его любовной поэзией остается. Произведения (и дух) Пайпера покровительствуют даже издательской деятельности поэта. Руководимое Крыницким и его женой издательство «а5» добилось несомненного успеха, хотя занимается некоммерческими публикациями. В этой сфере своей деятельности Крыницкий следует лучшим образцам — издательскому опыту Зенона Пшесмыцкого и «Библиотеки «Звротницы»». Издательскую деятельность Крыницкий рассматривает как дополнение к собственному творчеству, как одну из трех — наряду с поэзией и переводами — равнозначных областей творчества и убедительно доказывает, что издавать чужие книги - почти то же, что писать стихи. Крыницкий еще в юности мечтал об издании литературного журнала, а сегодня считает, что если бы он тогда жил в нормальной стране, то ему удалось бы осуществить и этот свой замысел, и заниматься изданием книг писателей своего поколения. В то время у него не было такой возможности, и поэта тем более радуют как его сегодняшние издательские успехи, так и то, что издательство «а5» не постигла участь подобных ему предприятий, которые обанкротились, выпустив всего лишь несколько серьезных книг. У него все получилось иначе, и это заслуга исключительно поэзии, а это, по мнению поэта, разумеется, чудо, по крайней мере на грани чуда.

Имя Тадеуша Пайпера всплыло вновь в разговоре об обстоятельствах возникновения последнего сборника стихов Крыницкого. Таинственная (хотя на первый взгляд объяснимая неудачным «кликом») пропажа из памяти компьютера произведений, написанных в течение последних лет, вызвала у поэта странное ощущение, как будто его стихи где-то кружат, неуловимые в виртуальном мире, — но вместе с тем это заставило его восстановить и напечатать пропавшие стихи. Сегодня он усматривает в этом событии некий сигнал из иного мира, знак таинственной энергии... хотя его интерес к Вселенной носит и весьма рациональный характер, что, кстати, нашло свое отражение в его последнем сборнике. Когда Крыницкий говорит об этом интересе, о наблюдении за звездами и увлечении космосом, то вспоминает Тадеуша Мицинского и шутливо говорит о себе, что он «последний поэт «Молодой Польши»», последний, кто так всматривается в звезды.

Итак... темнело, беседа прерывалась и перетекала в разные измерения, и... произошло то, что, по всей вероятности, и должно было произойти: на магнитофонной пленке записалось лишь несколько последних минут из долгого разговора. Остальное исчезло в виртуальном пространстве, а поэт, не слишком этим удивленный, согласился на то, что беседа будет воспроизведена вот таким несовершенным образом...

Тадеуш Пайпер

Перевод Андрея Базилевского

В ЯКУТСКЕ

8 августа 1944

Общее впечатление по пути из аэропорта в гостиницу: густо застроенная деревня в дюнах засохшей грязи. Деревянные, одноэтажные, неказистые домишки. Заборы с оторванными досками. Сараи, дровяники, висячие и приставные лестницы.

Едва мелькнет фасад пошире, блеснет белыми резными наличниками, и мысль начинает крутиться вокруг него, как вокруг неразрешимой проблемы.

Артерии движения, хотя порой точно прочерченные, мало похожи на улицы: без тротуаров, без мостовых, выстланы ссохшейся, сыпучей грязью, неровный грунт в ухабах и колдобинах.

Правда, нападает сомнение, не чернозем ли под колесами нашего автомобиля, но первое впечатление не проходит. Какой же это может быть чернозем, если на нем ничего не растет? Не видно ни деревьев, ни хлебов, ни даже травы. Если это чернозем, то он родит только одно — пыль. Этот плод земли растет здесь высоко и густо.

Таков Якутск: все убожество деревни и ничего от ее красот.

***

В гостинице дежурная пока не находит для меня отдельной комнаты.

— Завтра будет директор, мы вас устроим, — говорит она успокаивающе. — Сегодня есть место только в общем номере.

В общем номере идет разговор о золоте. После грязи — золото. Резкий переход отнюдь не случаен. Якутск, убогое селение, вынырнувшее из дюн засохшей грязи, — это сто-

лица земель, которые изобилуют залежами золота, говорят, самыми богатыми в Советском Союзе и одними из богатейших в мире.

Якутское золото тут же предстает предо мной на устах людей. Беседуют двое моих соседей. Один устроил другому что-то вроде экзамена по золотоведению. Задает вопросы и смотрит на меня, даже подмигивает. Что значат движения его глаз, непонятно. Если бы это было в другой стране, я мог бы предположить, что он принимает меня за предприимчивого искателя драгоценного металла и предлагает себя в советники, — но в Советском Союзе, где экономика государственная и добычей золота руководит государство? Что он имеет в виду?

— Как узнать, настоящее золото или нет?

Другой перечисляет способы.

- А всегда ли достаточно исследование поверхности?
- В Китае есть ловкачи, которые внутрь добытых самородков заливают медь.
- Знает дело, обращаясь ко мне, говорит экзаменатор тоном авторитетного знатока. И продолжает:
  - Итак?
  - Надо исследовать, что внутри.
- Но есть такие, кому достаточно положить самородок на ладонь, и они уже по весу чувствуют, чистое золото внутри или нет. А еще есть такие, кто по цвету золота, на глаз, может сказать, какой оно пробы.

Тадеуш Пайпер

И подмигивает мне. Он что, принимает меня за тайного скупщика золота?

К чему этот экзамен и сопутствующие подмигивания, я пойму позднее, когда экзаменатор начнет хвалиться своими многообразными умениями, тем, как успешно он освоил всевозможные профессии и вышел победителем из трудных жизненных ситуаций. Экзаменом он хотел показать, какой он знаток золота, а взглядами, которые на

меня бросал, удостоверял мою (приписываемую мне) веру в глубину его познаний. Он вообще ценил разные умения, основанные на индивидуальных способностях, что выражалось по ходу экзамена тем, что особое внимание было обращено на таких знатоков золота, которые решали вопросы безошибочно и быстро, пользуясь даром чувств — точным ощущением веса и проницательным взглядом.

То, что все именно так, окончательно выяснилось в конце разговора. Оба собеседника сходятся на том, что сноровкой русские превосходят другие народы. Тот, кто только что подвергался испытанию, утверждает:

— Немец, француз умеет что-то одно: либо то, либо другое. Если он сапожник, только и умеет забивать в подошву гвозди да пришивать подошву к голенищу. Мы хорошо это поняли, когда определяли на работу немецких военнопленных. Но мы их быстро обучили, теперь уж они весь башмак делают.

Нелишне будет заметить, что автор этих слов — человек, чья молодость пришлась на досоветское время, и что он и теперь работает по профессии, не требующей в Сибири особой специализации.

Достаточно пройтись по центру Якутска, чтобы обнаружить черты нового.

Обращают на себя внимание вновь построенные дома. Особенно деревянные, небольшие, скромные, но выдержанные в иных архитектурных формах, чем здания царских времен, с иной организацией пространства, с учетом атмосферы свободы. Они напоминают виллы-гостиницы или пансионаты в курортной местности. Вид

> кирпичных зданий, а их немного, менее внушителен, чем их назначение; кирпич, этот редкий здесь строительный материал, пошел на библиотеку, школу, баню.

> Есть уже и тротуары, правда, дощатые и порой намеченные лишь в общих чертах. На главной улице —Октябрьской — вдоль тротуара тянется барьер, отделяющий его от проезжей части, а рядом — правильные полосы сквера с молоденькими, видно, только в этом году посаженными, березками. Ограды из штакетника выравнивают линию домов. Урны для мусора и окурков всем прохожим воспитательно напоминают о себе в количестве, нигде более не встречающемся. Есть уже даже мостовая, выложенная круглыми деревянными плахами — кусками стволов, распиленных, как колбаса, на ломтики.

> Деревянные барьеры, отделяющие тротуар от мостовой, крашены известкой — так в перспективу улицы введены длинные белые прямые линии. Белизной известки светятся и защитные деревянные заборчики вокруг березок.

> Бедно, но чувствуется забота. Простыми, скромными, скромнейшими средствами город оживляют, вытягивают из многовековой одноцветности, многовековой нищеты. Один Якутск — это тот, который советское государство получило в наследство от царской России, другой — тот, который оно начинает создавать. За триста лет владычества над якутскими землями царская власть сумела создать в

средоточии здешней жизни лишь маленький поселок с семью тысячами жителей, а при советской власти — за четверть века, причем время было для этой власти очень тяжелое, — население возросло десятикратно, и во внешнем облике города проступают новые черты. Уже сегодня можно предсказать Якутску ослепительное будущее. Это главный центр края, чья земля хранит в своих недрах неслыханные богатства; он находится на одной из важнейших для всего мира транспортных линий, правда, пока только воздушных; это составная часть больших советских планов. Здания будут расти вширь и ввысь. Дерево заменит строительный материал, более

Тадеуш Пайпер. Карикатура А.Э.Оллера, 1925

прочный, чем железобетон. Вырастет город, достойный сокровищ, лежащих на дне этого края.

Вечерний час, молодые люди спешат в кино, театры, клубы. Видны смешанные пары. Их немного, но они есть. Если выводы на основе кратких уличных наблюдений не ошибочны, якуты легче находят путь к сердцам западных женщин, чем якутки к сердцам западных мужчин. Любовь, похоже, не поровну делит здесь свои дары. Об этом могла бы что-то сказать статистика смешанных браков.

На улице нет неспешно фланирующих людей. Все торопятся. Старые, молодые, мальчишки и девочки-подростки, — все движутся по улице в ускоренном темпе. В их походке заметно стремление как можно скорее достигнуть цели, опасение опоздать к чему-то, что может состояться только в назначенную минуту, нетерпеливая жажда преодолеть расстояние.

Никто не наслаждается прогулкой. Солнце зашло, на западном склоне неба пылает медь, ее свет бросает на окна домов волшебный отблеск, в летний вечер заметней обаяние прохожих, приятная прохлада освежает глаза и лоб, но ни у кого нет времени пользоваться этими дарами. Очарование вечерних часов никого не побуждает замеллить шаг.

Эту поспешность, эту деловитость, не знающую отдыха, породила война. Простые люди на якутской улице — представители гигантского общего труда, который вложен всем населением Советского Союза в дело победы. То, что советская армия дала истории, она могла дать благодаря таким работникам, которых во время войны не останавливают ни обольстительные краски неба, ни вечерние силуэты людей.

***

Свернув на улицу, где находится моя гостиница, я вижу невдалеке, на проезжей части, целый рой женщин. Волосы стянуты белыми платками, платки светятся низко над землей, склоняются над землей фигуры в разноцветных одеждах.

Сначала я решил, что это импровизированный рынок, что окрестные крестьянки, ввиду каких-то исключительных обстоятельств, принесли на продажу излишки со своих участков и склонились над бидончиками с молоком и туесками с маслом.

Но скоро стало возможным различить движения этих женщин, лопаты у них в руках, кирки и носилки. Остальное прояснил беглый взгляд вглубь улицы. Женщины выравнивают дорогу! Готовят полотно для будущей мостовой!

Лопаты вспарывают грунт, кирки вырубают неподатливые комья, в мелких ящиках, закрепленных на носилках, работницы уносят лишнюю землю. По обе стороны дороги уже высятся длинные отвалы вынутой земли.

На другом отрезке улицы работа ведется иначе. Борона, прицепленная к трактору, взрезает пласты земли, которые сами собой рушатся и рассыпаются. Женщины набирают землю на лопаты и бросают на плоские тележки, которые маленькая якутская лошадь тащит до ближайшей рытвины.

Темп работы — невероятный. Нигде, ни в какой стране я не видел, чтобы лопаты двигались так быстро. Словно под раскопанной землей томится кто-то, кого надо как можно скорее освободить, а в засыпаемых выемках — берлога опасного чудища, которое надо как можно скорее похоронить.

Пройдясь по окрестным улицам, возвращаюсь и замечаю, что положение изменилось. Солнце давно зашло, на западном краю неба ему на смену пришли перламутровые облака, женщины еще работают, но темп работы замедлился, передышки чаще и продолжительней. Во время передышек работницы выпрямляются, хорошо видны их лица. Преобладают представительницы чисто физического труда, но есть и интеллигентки. Над розовыми ситцевыми юбками и синими рабочими штанами переливаются разными цветами блузы, свитера, куртки, пиджаки.

В гостинице мне говорят, что работа по благоустройству мостовой добровольная и ее по очереди выполняют «коллективы» разных учреждений.

***

23 часа. Именно так, а не иначе следует назвать этот час. Сказать «11 вечера» — значило бы совершенно исказить ситуацию, потому что никакого вечера нет.

Солнце зашло три часа назад, а на небосклоне еще широко разливается свет. На улице кое-где робко сгущается сумрак, но пока еще так светло, что отлично виден каждый пролом в досках тротуара, каждый торчащий гвоздь. Уличные фонари не горят. Их свет не нужен.

В том, что так светло, сказывается географическое положение Якутска: город всего на несколько градусов удален от полярной зоны и ее белых ночей.

***

Я еще в постели, когда дежурная предупреждает меня, что сейчас придет директор. Директор, молодая женшина с обесцвеченными перекисью волосами, напомаженными губами и накрашенными ногтями, любезно сообщает, что отдельный номер уже меня ждет.

Обретаю тишину, но лишаюсь основательной порции гостиничной жизни. Правда, ненадолго, потому что цена комнаты оглушит меня столь громкими цифрами, что, дабы их приглушить, придется заняться делением — я переселюсь в трехместный номер.

***

В первый же день берусь за задание, с которым прибыл. Его поручил мне президиум Союза польских патриотов, который — в одном из писем, адресованных местным властям, — сформулировал это задание так:

«Главное правление СПП в СССР направляет в Якутск польского писателя Тадеуша Пайпера с целью изучения жизни поляков, сосланных в Якутию царской Россией, и прежде всего для ознакомления с литературным наследием и произведениями искусства того времени. На основании вышесказанного, Главное правление СПП в СССР просит оказывать Тадеушу Пайперу помощь в посещении библиотек, музеев, а также мест, где жили и работали сосланные царизмом поляки».

Вот мое задание. Я отношусь к нему серьезно. Пребывание в краю ссыльных я намерен использовать для того, чтобы составить максимально ясное представление о тех людях, по следам которых мне предстоит пройти. Хочу проникнуть в глубинные слои психологии ссыльных. Ведь над их судьбой тяготеет не только чужое насилие, но и зло их отечества. В Польше они боролись не только с царизмом, но и с другой Польшей, Польшей зла. Не влияло ли это на формирование их образа мыслей, когда — далеко от мест сражений — они думали о том, что случилось и что должно случиться? Оставался ли для них образ отечества и чужбины за годы ссылки неизменным, или он менялся? Если да, то как?

Я окрылен надеждой. Надеюсь обнаружить богатые материалы в музейных и архивных собраниях, а также никем еще не собранные материалы, рассеянные по домам, где в свое время жили наши ссыльные. Ожидаю найти интересные воспоминания и произведения искусства приговоренных: тщательно вырезанные фигурки, картины, в которых высказало себя страдающее воображение, литературные произведения, рожденные впечатлениями и мечтами; я надеюсь, что материал позволит мне заглянуть в души авторов. Во времена, когда переломные для страны события все больше смещаются к западу, я отправился в путешествие в совершенно противоположном направлении, но намерен забыть об этом в общении с тенями, среди которых мне предстоит пребывать. Хотя, приехав в Якутск, я отдалился от Варшавы и Кракова на расстояние, многократно превышающее любое расстояние, которое мне когда-либо в жизни приходилось преодолевать, я намерен из этого отдаления выжать все, что оно может дать для понимания сибирских изгнанников.

**

В первый же день, в предполуденные часы, отправляюсь в Совнарком Якутской республики, чтобы узнать, где хранятся материалы, имеющие отношение к ссыльным. Отдела информации не нахожу, зато нахожу отдел искусства. На диване сидит якут, рядом, с газетой, — европеец. Пока я объясняю цель своего визита, европеец не отрывает глаз от газетного листа, а якут смотрит на меня неподвижным взглядом. Я говорю европейцу, что не жду от него ответа, так как вижу, что мои вопросы ему мешают, а якута своими вопросами все более оживляю. Вскоре, однако, европеец решает поднять голову от газеты, и я получаю нужные сведения: материалы о ссыльных находятся в архиве и музее, которые рядом друг с другом, на улице Дзержинского.

Это недалеко. По доскам тротуаров, высоко поднятым над колдобинами, потом через проезжую часть, которая напоминает пересохшее дно болота, добираюсь до музея. За деревянным забором краснеет новое кирпичное здание, еще не оштукатуренное, весьма скромное и размером, и формой. В заборе калитка, такая низкая, что даже невысокий человек, проходя через нее, должен согнуться чуть ли не вдвое.

Музей — закрыт. Музейная канцелярия помещается по соседству со старыми деревянными домиками. Директора нет.

Меня принимает сотрудница, которая работает над статьей о национальном празднике якутов, совершенно утраченном в царское время, но возрожденном якутской республикой. У нее на столе огромный том, на котором видно русское название: «Якуты». Когда я встаю, чтобы рассмотреть книгу, сотрудница говорит мне, что это незаменимый источник для всякого ученого, занимающегося якутами. Спрашиваю, кто автор.

Серошевский.

Значит, Вацлав Серошевский. В ссылке создал такой томище. Сотрудница добавляет, что есть еще второй такой том, в рукописи.

На следующий день — встреча с директором.

В музее и в канцелярии моют полы, поэтому директор ведет меня в стоящий неподалеку павильон. Он коренной якут. В Якутске, еще при царе, окончил начальную и среднюю школу, в советские времена изучал этнографию в Москве. Вижу, что от ученых он перенял манеру опускать голову, когда размышляет.

На деревянной веранде, сидя с ним рядом на лавке, я впервые могу без помех разглядеть вблизи голову якута: блестящая чернота волос и радужных оболочек; загорелая до красноты кожа; усы — низкие, редкие, узкие; брови узкие и по бокам словно с проплешинами; верхние веки со скошенными уголками; белки глаз — как из белого фарфора. Так может выглядеть только представитель племени, колыбель которого — какая-нибудь южная страна. Какие климатические и демографические потрясения загнали этот южный народ на землю Сибири, землю снегов и морозов?

Но пока — речь о другом народе, загнанном на эту землю, о ссыльных поляках. Я узнаю, что все, что после них оставалось в Музее, лет десять назад перевезено в Москву, в собрание тамошнего «Общества политкаторжан», а когда последние его ветераны вымерли и Общество было ликвидировано, материалы были переданы Музею Октябрьской революции.

Вот те на! Выходит, меня послали в Якутск за тем, что в Москве было под рукой! Пять дней и пять ночей я уминал мышцы и корежил кости на жесткой вагонной полке; напрягал нервы, понуждая их к непрерывной бдительности, — ведь я вез чемодан с рукописями; в Красноярске шесть дней с нетерпением ожидал самолета; в самолете восемь часов дремал, чтобы о нем забыть; в Якутске успел и ужаснуться, и притерпеться к условиям жизни, которые меня здесь ожидают; и все впустую; в точном смысле слова — впустую.

На всякий случай прошу директора, чтобы он внимательней просмотрел фонды: может, в каком-нибудь, еще не инвентаризованном ящике случайно осталась какая-нибудь картинка, какая-нибудь фигурка, какой-нибудь рисунок, образчик рукоделья, какая-нибудь страничка из дневника; ведь бывает, что одно произведение стоит сотни.

Он клянется.

***

При следующем разговоре директор сообщает мне, что, просмотрев инвентарные описи и порывшись в собственной памяти, никаких существенных следов польских ссыльных не обнаружил.

Ничего не поделаешь. Я счел вопрос исчерпанным.

Надо искать в архиве. Он расположен рядом, в здании бывшего монастыря. При царе для монахов была построена резиденция, которая — в сравнении с остальным Якутском — может быть поводом для гордости. Открываю двери архива не без надежды. Здесь могли остаться после польских ссыльных какие-то дневники, очерки, разного рода письма.

Директор, по национальности татарин, развеивает мои надежды. Он говорит то же, что и директор музея: все, что было, перевезено в Москву; остались только полицейские бумаги, совершенно неинтересные, не имеющие исторической ценности, да и то в небольшом количестве.

Пускай хоть это.

Он заверяет меня, что в течение двух дней материал для меня будет подготовлен. Придя в назначенный день, узнаю, что на подготовку требуется еще три дня. Во мне просыпается мысль, что попытка подступиться даже к тому ничтожно малому, что еще осталось в Якутске, наталкивается на препятствия. Только ли технического свойства эти препятствия? Надо воспользоваться письмами, которыми меня окрылил президиум СПП.

Точнее всего мое задание определено в письме секретарю обкома. Меня принимает заведующий одним из отделов, белорус. Двухчасовая беседа. Собеседник учтиво интересуется различными деталями моей прежней и нынешней деятельности, а я пользуюсь этим, чтобы попросить его о содействии в нескольких делах, связанных с моим пребыванием в Якутске.

- У вас есть какое-нибудь письмо, где сформулирована цель вашего приезда?
- Я оставил его в архиве.
- Прежде чем я сумею что-либо предпринять по вашему делу, я должен получить от вас это письмо. Лучше всего сегодня же. Без этого я даже начать ничего не могу.

Но этого мало. Оказывается, я совершил ошибку. Я должен был сразу, в первый же день, отправиться в Совнарком с письмом Союза польских патриотов в руке, широко развернув его на высоте своего лица.

Объясняю, что на следующий же день после приезда я направился в Совнарком и именно там, в отделе искусства, получил первые сведения о музее и архиве.

— Но с письмом Союза польских патриотов надо посетить председателя или зампредседателя Совнаркома. Обязательно!

Я говорю, что собирался это сделать в случае, если столкнусь с трудностями в работе. Что так я понял смысл выданных мне на дорогу писем. Что не люблю пользоваться рекомендательными письмами, пока это не окажется безусловно необходимым.

Это не рекомендательные письма, а письма, удостоверяющие ваши полномочия.

На следующий день я удостоверяю свои полномочия у зампредседателя Совнаркома, якута, которому подчинены вопросы культуры.

**

Только один том. Формат писчей бумаги. Бумажный переплет, укрепленный наклейками. Сшито солидно, в соответствии с требованиями консервации.

На первой странице пояснение, что дело посвящено участникам «бунта» 1863 года. Достаточно перелистать том, чтобы понять: он содержит почти исключительно списки ссыльных, составленные полицейскими органами и разбитые на рубрики в соответствии с полицейскими потребностями. Тут и там вкладки: письма высших властей низшим и ответы последних, направленные первым.

Радуюсь, что нашел хотя бы это. В работе я решил руководствоваться предпосылкой, что скудость якутских материалов повышает их значимость. Исследователи истории польских ссыльных, располагая в Москве основными материалами, вряд ли будут часто предпринимать далекие и утомительные вылазки в Якутск. Мое пребывание здесь имеет все признаки исключительности, и я решаю эту исключительность использовать.

Письма, содержащиеся в деле, написаны, разумеется, от руки, по старой орфографии и старым бюрократическим стилем, что — несмотря на вложенные в них каллиграфические усилия, типичные для канцелярских писарей, — делает их для меня неудобочитаемыми. Я прошу дать мне помощника или помощницу. Вскоре рядом со мной у стола уже сидит одна их сотрудниц архива, и я вместе с ней читаю страницу за страницей, дешифрую каждое предложение. И делаю заметки. После завершения работы оставляю заметки в архиве, поскольку... так распорядился начальник.

***

Наряду с архивными изысканиями мои дни заполняет чтение в библиотеке. Прекрасно составленный каталог помогает быстро познакомиться с библиографией ссылки и каторги. Выбираю несколько публикаций, среди них в особенности обращаю внимание на книгу Кротова «Якутская ссылка 70-80-х гг.» Автор, правда, не преуспел в живом изложении своей темы, зато компенсировал это добросовестным исследованием неизвестных документов, оснастив книгу множеством интересных цитат. На основе прочитанного у меня складывается первое представление об условиях жизни ссыльных.

В качестве места ссылки Якутия того времени имела в глазах царских угнетателей особые достоинства.

С севера — Ледовитый океан, с юга — непроходимая тайга и горы, внутри — топкие болота и густые, буйные леса, редкие дороги, недолговечные тропинки, население, не знающее русского языка, распыленное по территории так, что десятки километров отделяют одно мелкое поселение от другого... Что еще нужно, чтобы задержать беглеца, обречь бегство на неудачу? В Якутии совокупность условий давала все, что требовалось, дабы приковать ссыльного, как цепями, к одной местности, иногда — к одной хижине, затерянной в бескрайних просторах. Изоляция «преступника» была близка к совершенству.

Наказание дополняли и другие невзгоды, вызванные особенностями Якутии.

О ее климате ходили ужасающие слухи. Рассказывали, что это самый суровый климат на всем земном шаре. Действительно, зимой здесь такие морозы, что температура опускается до минус 65 градусов, а на территории одного из северных районов находится так называемый полюс холода. Морозу сопутствует мрак. Долгие месяцы край окутывает тьма. А летом — жара. Она доходит иногда до 48 градусов, раскаляет камни и песок до такого жара, что припекает подошвы.

К столь суровому климату добавлялась неумолимая, казалось бы, неподатливость почвы сельскохозяйственным работам. Против крестьянина была естественная заболоченность грунта и ежегодное половодье после внезапного таяния масс снега и льда. Летом ранние заморозки уничтожали хлеба, прежде чем они созревали, вредила посевам и затяжная сушь. Царское правительство не предпринимало ничего, что укрепило бы позицию человека в единоборстве с землей.

Ссыльные получали худшие участки плохой земли. В этом были виноваты уже не царские власти, а местные жители. На основании действующих законов они должны были — через волостные управы — выделять ссыльным землю для ведения хозяйства, но по разным причинам распределяли участки неохотно и несправедливо. Ссыльные получали земли самые заболоченные, более всего подверженные паводкам и менее всего пригодные для возделывания.

При таких условиях земля не могла прокормить крестьянина-ссыльного. Многие с мученической самоотверженностью экономили жалкие подачки, которые им бросала жизнь, ухитрялись из ничтожного государственного «вспомоществования», выплачиваемого ежемесячно в размере нескольких рублей, что-то копить и вкладывать в земледелие, однако, исчерпав свои нищенские сбережения, а вместе с ними и физические силы, ссыльный в конце концов убеждался в полной бесплодности своих трудов и самопожертвования. В письме губернатору Вацлав Серошевский писал:

«На основании опыта, приобретенного мною в долгих земледельческих занятиях, я пришел к выводу, что этот род работы мне недоступен при том количестве сил, знаний и средств, которыми я располагаю. Труд этот, в Якутской области, вследствие частых неурожаев и сильных колебаний цен на зерно, может дать доход только при определенных условиях, а именно: при особенной к нему привычке и больших средствах, позволяющих создавать крупные запасы и за счет продажи этих запасов, остающихся в редкие урожайные годы, восполнять недобор в годы неурожая. Ни одного из этих условий у меня нет, вследствие чего, хотя я семь лет упорно пахал, сеял, косил и молотил, я получил только тот результат, что мое хозяйство обременено долгами, а постоянная борьба со здешним грунтом, неблагодарным, вечно промерзшим, лишила меня единственного моего достояния — здоровья, и время своего пребывания здесь я провел в крайней нужде, порой голодая».

И действительно: производительность труда повышалась, лишь когда ссыльный — располагая собственными денежными средствами — мог прибегнуть к помощи наемных работников или когда он, по крайней мере, получал разрешение поселиться вместе с другим, а иногда и третьим товарищем по ссылке. Такие избранники судьбы даже производили в своем хозяйстве излишки, которые продавали. Двое ссыльных, работая вместе и располагая оборотными средствами, достигли исключительных результатов: по истечении восьми лет они ежегодно поставляли интендантству 25-50 тонн зерна, а в последующие годы обогатили свое хозяйство мельницей, амбаром, зерносушилкой, хлевом, развели рыбу в соседнем озере.

Почти для всех ссыльных крестьянский труд был единственным способом выжить. Администрация селила их в маленьких деревнях и селах, где они получали от волостной управы угол в якутском доме (юрте) или, в лучшем случае, какую-нибудь пустующую хижину, — чем же еще они могли заработать на жизнь, если не земледелием?

Правда, селили их и в городах. Так это называлось в официальных письмах. Но какими были в те времена якутские города? В Якутске в конце XIX века насчитывалось около пяти тысяч жителей, а население самых больших после него поселений, таких, как Олекминск, Вилюйск, Верхоянск, Колымск, не превышало нескольких сот жителей. Что было делать ссыльным в таких «городах»? Даже когда среди них стали появляться люди ремесленного сословия, заработать на жизнь профессиональным трудом им было трудно, обычно попросту невозможно, прежде всего из-за отсутствия спроса на их труд. В «городах» того времени не было дела для сапожников, потому что жители носили обувь местного типа и местной выделки; не было дела для маляров, так как усадебная застройка делала их труд вообще излишним; печники были никому не нужны, потому что якутские печи — очаги из глины — изготавливали местные умельцы; слесарям и кузнецам доставалась работа лишь в редких случаях, когда местные по каким-то исключительным причинам не могли применить собственные умения по части подков и замков.

А уж для интеллигентов и вовсе в этих городах места не было. Согласно закону, ссыльные не допускались к тем занятиям, в которых могли бы принести пользу. Им было запрещено заниматься учительской деятельностью любого рода, даже внешкольной помощью детям. Запрещено было служить в библиотеках. Запрещено было продавать книги. Запрещено было работать в типографиях и фотоателье. Запрещено было выступать с публичными лекциями. По особому разрешению, иной раз дорого оплаченному, они могли выполнять работу переписчиков. По особому разрешению могли оказывать медицинскую помощь, чем были обязаны тому чудовищному факту, что на землях, территория которых равна, быть может, половине Европы, было в то время пять врачей, десяток фельдшеров да три акушерки. Позднее настоятельная потребность иного рода проложила ссыльным путь и к научным занятиям. Государственная власть ради облегчения управления, а частные предприниматели — ради поисков золота вынуждены были рано или поздно перейти к исследованию неведомой якутской земли. Устраивая и финансируя географические и этнографические экспедиции, они использовали ссыльных как самых прилежных и самых дешевых работников. При этом полицейские органы вводили ограничение: если научные труды ссыльных выходили из печати, под ними не должно было быть авторской подписи.

Статус ссыльных болезненно сказывался на поисках работы. Они ведь были «преступниками». Это создавало вокруг них атмосферу предубеждений, опасений, недоверия. За каждой дверью, куда они стучались, уже на пороге нагромождены были препятствия, на устранение которых иногда приходилось тратить долгие месяцы, с готовностью вынося всевозможные лишения и питая лишь слабую надежду на успех.

Отношение якутов к ссыльным было неприязненным, часто враждебным. Пришельцы были бременем для коренного населения. Вынужденный отказ от части места в юрте, и без того тесной, отнюдь не был приятен и усиливал раздражение, неизбежное при жизни под одной крышей с чужим человеком. А выделение пришельцам земли противоречило местным методам земледелия: якуты засеивали одно и то же поле несколько лет подряд, доводили его до полного истощения, потом перекидывались на другое, а такой метод требовал обширных резервов почвы, которые ссыльные сокращали своими наделами. К жилищным и земельным убыткам присоединялся еще один, причем очень ощутимый, — потери продовольствия. Ведь жильца и соседа по полю частенько приходилось кормить и подкармливать — поначалу его участок ничего не давал, да и потом он попадал в критические ситуации. Все эти обстоятельства вместе взятые вели к тому, что местные жители видели в пришельцах незваных гостей, которые вторглись в их трудную жизнь, чтобы еще больше эту жизнь осложнить.

В своей простоте, при отсутствии политической сознательности, якуты не отличали политических ссыльных от уголовных, а ведь уголовники, причем самой тяжкой категории, жили среди них в гораздо большем количестве, чем политические. Были годы, когда на 4500 уголовников приходилось всего 500 политических. Обиды, которые якутам приходилось сносить от первых, они обобщали и переносили на вторых. Уголовникам вовсе не хотелось так тяжко работать, как того требовали здешние условия жизни, и, чтобы добыть пропитание, они, случалось, открыто грабили туземцев. Это были преступники, для которых принуждение стало жизненной системой. Один сильный, здоровый мужик, прибыв в село, тут же потребовал для себя не более и не менее, а юрту, невод, сеть, свору собак и... женщину. Грозил, что если его требование не будет выполнено, он сожжет все село. Требование выполнили. Он выдвинул новое: потребовал, чтобы ему помогали в рыбной ловле. Выполнено. Когда слишком долго, по его мнению, приходилось ждать улова, он беспардонно забирал рыбу из чужих тайников. Но и этим не ограничился. Он приступил к продаже орудий, которыми его снабдило село. Селу пришлось вновь покупать то, что он продавал. При таких житейских установках уголовники вынуждали якутов нести серьезные денежные расходы. Бывали годы, когда содержание уголовников обходилось якутам в сумму до полумиллиона рублей.

Острые конфликты были неизбежны. Якуты переходили к актам резкой враждебности. У самых ненавистных чужаков они уничтожали посевы, забирали с трудом нажитое имущество, нападали на них лично, грозили убийствами, а порой и выполняли свои угрозы. Их, конечно же, ободрял полицейский штамп на лбу у пришельцев и снисходительность полицейских органов.

Если б еще «чужаки» умели сжиться с новой средой. Но нет. Это было невозможно. Друг рядом с другом жили люди, между которыми не было понимания. Будничные дела ежедневно, ежечасно связывали их и в то же время обращали друг против друга. Одна сторона мешала другой, и обе считали себя пострадавшими и ни в чем не виновными.

***

Мне хотелось посетить какую-нибудь старую якутскую деревню — посмотреть на традиционный уклад жизни и представить себе фон, на котором отчетливей проступили бы силуэты ссыльных.

Не располагая денежными средствами, необходимыми для оплаты соответствующего транспортного средства, я надеялся получить его от какого-нибудь учреждения культуры или информации. Это оказалось невозможным по причине жатвы, отвлекающей всю технику.

***

Над головой директора музея я постоянно видел большой вопросительный знак — этот вопрос непрерывно звучал во мне с той минуты, когда я впервые увидел якутов. Эта раса людей смуглокожих, с волосами черными, гладкими, блестящими, как черное дерево, раса, над чьей колыбелью явно светило палящее солнце, — как она попала сюда, в край долго не тающих снегов и морозов, в край, столица которого, Якутск, — самый холодный город на земном шаре, хоть и не самый северный?

Перебирая карточки библиотечного каталога, натыкаюсь на публикацию Е.Пекарского, в которой есть запись старинного предания якутов об их происхождении. Рассказ самого народа о своем рождении — лакомый кусочек. Пока я предпочитаю это работам историков. Сижу над книгой до самого закрытия читального зала, да и потом мне трудно с ней расстаться. Пытаюсь взять книгу на дом. Но поскольку это зависит от разрешения директора, а в одиннадцать вечера директора на работе нет, я в полной зависимости от решения маленькой якутки, сотрудницы читального зала. Она объявляет:

Нельзя. Без разрешения директора нельзя.

Предлагаю паспорт — как гарантию возврата.

— Нельзя.

Пытаюсь сунуть паспорт ей в руку, прошу, чтобы она взглянула. Она читает: национальность, профессия, — и тут же ее якутские, полуопущенные веки поднимаются, по плоскому неподвижному лицу пробегает судорога — след внутренней борьбы. В конце концов она отчаянно чеканит ответ:

— Ну ладно, но завтра утром вы должны ее принести. Только никому не говорите. Помните, никому не говорите. На листочке, который потом она куда-то спрятала, она записывает мою фамилию и адрес и вручает мне книгу. Просит умоляющим тоном:

— Завтра утром принесите обратно. И так, чтобы никто не видел.

Я сижу над книгой до утра и не жалею об этом. Может быть, этнографам и историкам известны подобные предания, но для меня это новость. В форме рассказа о герое племени, герое-родоначальнике, оно излагает древнейшую историю всего племени, причем удивительно точно. В преданиях других народов исторический материал выступает главным образом как побочный продукт повествования, здесь же он, по-видимому, — главная цель рассказа. Трудно не поддаться впечатлению, что в повествовании сказалось осознанное историографическое усилие, сознательный поиск средств зафиксировать все давно минувшие события, важные для племенного самосознания. Несомненно, здесь проявились многие из тех побуждений, что действовали и при создании Ветхого Завета.

В первой части предания содержится основополагающее генеалогическое сообщение:

«Из племени киргизов убежали два человека. Одного звали Омогон, а как звали другого — никто не знал.

Братья-буряты узнали о том, что они пришли, по кражам, которые не прекращались два года. Однажды летом две женщины, которые пошли в лес за черемухой, не вернулись домой.

Братья-буряты упорно искали пропавших, но не нашли их. Они нашли только следы ног двух молодых людей. По следам вышли в верховья реки Лены и нашли место, где жили эти два человека. Оказалось, что они живут в этом месте уже два года, огородили его и собрали в нем весь свой скот, здесь же были и две похищенных женщины. Так Омогон и его товарищ вместе со своими женами поселились на полянах возле озера Сайсары.

Товарищ Омогона вскоре умер, а Омогон взял его вдову к себе второй женой. От двух жен у него было двенадцать сыновей и двенадцать дочерей.

Тем временем после какого-то великого несчастья из племени бурят убегают люди. Убегают также отец и сын; они идут по той самой дороге, по которой бежал Омогон, — предполагая, что дойдут до места, где находятся люди, убежавшие раньше, чем они. Отца звали Дархан, а сына Эллей».

Тут кончается первая серия событий, и хорошо бы разобраться, о чем тут, собственно, речь.

Двое прибывают на территорию чужого племени. Двое? Так сказано в предании, но предания почти всегда занимаются только единицами, только выдающимися фигурами, потому что они сильнее воздействуют на жизнь и сильнее занимают внимание рассказчиков. Однако вокруг выдающихся, ведущих фигур, очевидно, надо всегда видеть еще и род, родовой союз, племя. Пока в виде предположения: эти двое — нарративный след некоего массового нашествия, возможно, даже ряда нашествий нескольких людских масс, а предание зафиксировало только вождей этих масс.

В качестве первого события в отношениях между пришельцами и туземцами выступает кража. Кража? Так это называется в межличностных отношениях, но, если предположить, что личности, которые запечатлены в предании, — это знаки людских масс, мы склонны усматривать в этих кражах массовые нападения и грабежи.

На фоне краж, почти как их разновидность, выступает похищение женщин. Предание повествует о похищении двух женщин. Снова число два. Оно звучало при описании иноплеменных пришельцев, при указании на время, когда продолжались кражи, и вновь звучит при определении времени, ушедшего на создание нового поселения. То, что число повторяется при характеристике количества людей или лет, доказывает, что оно понимается особым образом, содержит какой-то неявно высказанный смысл. Похищение двух женщин означает захват женщин вообще, кроме того, атакуемое племя лишается родового имущества, каковым являются женщины.

Похитив иноплеменных женщин, нападающие не возвращаются в свое племя, а создают новое. На новых землях они основывают новое поселение, которое в будущем станет городом, столицей. Возможно, похищение сабинянок сыграло подобную роль при основании Рима? Наверняка Рим возник более естественным, «первобытным» образом, нежели — ради превознесения рыцарских добродетелей и из великодержавной гордости — представляют дело римская легенда и история. Вовсе не исключено, что сабинянки, похищенные так же, как монгольские бурятки, внесли вклад в основание нового поселения и города. Действительная очередность событий может быть иной, чем утверждают римские историки; похищение сабинянок произошло до основания Рима, а не после него. Кто знает, быть может, предание якутов о том, как возникла их столица, проливает свет и на рождение «вечного города».

Именно поиск похищенных женщин определяет путь будущих миграций племени. В предании это четко обозначено. Первое движение — поход с целью отбить утраченную собственность, предпринятый ради возвращения похищенных женщин, поход удачный в том смысле, что посланцы племени находят поселение врагов. Потом происходит вещь невероятная. Какое-то великое несчастье обрушивается на племя. Что за несчастье, предание не сообщает. Великое несчастье покрыто плотной завесой молчания. Если бы оно было климатической или геологической природы, тут был бы какой-нибудь повествовательный эпизод вроде рассказа о потопе, а коль скоро ничего нет, значит, традиция не хотела сохранять данный исторический момент, не хотела передавать его поколениям, желала скрыть. Неизбежно приходит в голову мысль, что это был момент некоего позорного поражения в борьбе с другим племенем и потому племенная гордость бросила его на съедение беспамятству. За этим необычным явлением следует новое. Это вторая миграция племени. Пережив несчастье, племя покидает родные края и устремляется на землю «воров» — тех, кто в свое время похищал у него имущество и женщин. Именно в этом направлении совершается исход.

Из маршрутов этих племенных миграций можно извлечь информацию о том, каковы были древние представления якутов об их происхождении. Если кратко, очень кратко, то, может быть, так: люди из племени киргизов бросили свое племя, вошли в сношения с монгольским племенем бурят, вместе с какой-то его ветвью поселились на озере Сайсары, где основали поселок, положивший начало Якутску. Вследствие какого-то несчастья, которое

постигло бурят, многие из них покинули свои земли и — следуя тем же путем, которым в свое время прошли киргизы, — прибыли к тому же озеру, к которому прибыли те. Таким образом, якуты, согласно преданию, — это потомки монгольского племени бурят, которые вынуждены были оставить свою землю и переселиться в другие края, где породнились с потомками киргизов.

Невероятно интересно: в вопросе племенной генеалогии предание оставляет место чему-то неизвестному, что предано забвению. Выражение этого — тот таинственный товарищ Омогона, имени которого «никто не знал» и который вскоре исчез из якутской истории. Значит, якуты отдавали себе отчет, что в их родословной имеется место еще для какого-то, не названного ими племенного элемента, но не умели или не хотели назвать его.

К Омогону — после других беглецов — прибыл молодой Эллей и получил его дочь в жены. Потом...

«Омогон прогнал Эллея из дома вместе с дочерью, дав им только двух коров, одну безрогую, а другую бесхвостую. С тем они и ушли.

Уйдя, они построили себе шалаш из березовой коры. Потом развели много костров. Скот Омогона, привлеченный дымом, все время приходил к ним. Эллей с женой доили его и накопили много молока, кумыса, сме-

таны, масла.

Накопив столько припасов, Эллей устроил праздник молока «исах». На праздник пригласил тестя. Омогон схватил меч и прогнал зятя. Эллей сказал: «Когда дитя иного племени устраивает праздник, Омогон не приходит, он сверх меры богат и ненасытен. Высоту его я унижу, длину его укорочу».

Двое сыновей Омогона, услышав это, побежали к отцу и рассказали. Омогон, возопив, достал из-под подушки тупой короткий меч и вместе с сыновьями побежал к дому зятя, ревя, как медведь. Прибежав, он рассек березовый засов березового шалаша, намереваясь войти внутрь, но тут у него вышли из суставов и руки, и ноги. Видя это, сыновья взяли его и отнесли домой. Омогон разболелся и умер. После его смерти сыновья испугались, что и они умрут, и покинули местность, в которой жили. Так Эллей остался один на полянах Сайсары».

В этом финальном фрагменте предания генеалогическое сообщение завершено. Мы узнаем, что киргизско-бурятское племя, поселившееся над озером Сайсары, там, где позже был основан Якутск, не удержалось здесь; его изгнало отсюда другое бурятское племя, хотя какос-то время между ними существовали близкие, даже родствен-

ные отношения. Согласно преданию, непосредственным родоначальником якутов является именно это победившее племя.

Преданием точно определено место, где праотец якутов построил первое поселение: озеро Сайсары поблизости от реки Лены. Но откуда он прибыл? Где была его прежняя родина, земля бурят? Ныне буряты живут южнее озера Байкал, но некоторые фрагменты предания, кажется, указывают на то, что прежние земли находились дальше к югу. Это были теплые, очень теплые края, что выражено в предании весьма тонко:

«Пришла осень. Время обратного перелета птиц. Пользуясь этим, Эллей охотился с луком.

Начались холода. У Эллея не было никакой одежды, и он вырыл себе яму-землянку. Сложил в нее перья убитых птиц. Ветер унес на воду шесть перьев, а течение унесло их туда, где жил Омогон.

Женщины из семьи Омогона пошли по воду и увидели перья, но никому не сказали. Однако на другой день увидели, что перьев много, и, вернувшись домой, рассказали. Выслушав их, старый Омогон сказал: «Значит, пришли люди». И отправил против них восьмерых своих сыновей.

Пес Эллея, услышав конский топот, выбежал навстречу скачущим всадникам и принялся лаять. Всадники, увидев пса, стали стрелять. Они выпустили все стрелы, которые были у них с собой, а было этих стрел восемьдесят. Однако им не удалось убить собаку. Только истратив все стрелы, они заметили, что из землянки поднимается дым. Когда они подошли ближе, из землянки выглянул голый человек. Увидев его, всадники очень испугались и поскорей вернулись домой.

Дома они рассказали отцу, что встретили голого человека, у которого видели какого-то зверя, очень опасного, хоть и маленького, с очень громким голосом. Старый Омогон сильно разгневался на сыновей и сказал: «Вы испугались такого маленького зверя! Этот зверь называется — собака. Отправляйтесь немедленно, возьмите с собой одежду и приведите человека, которого вы виде-

Взяв отцовскую шубу, они ввосьмером отправились в путь. Приезжают на то же место. Видят, что из землянки вышел голый человек. Увидев его, очень испугались, но остались на месте и стали махать руками, подзывая его. Эллей их понял, но, указав на свое нагое тело, дал понять, что ему нужна одежда. Пришельцы поняли, чего он хочет, и бросили ему отцовскую шубу. Эллей хотел надеть шубу, но она не пришлась ему впору. Тогда он опоясал ею свое тело. Потом вместе с собакой пошел за всадниками.

ли».

Так Эллей прибыл в ту местность, где жил Омогон. Видит, что у них нет домов, летом и зимой они живут в шалашах из коры. В такой шалаш его и пригласили».

Эллей является на новые земли нагим — значит, прежде он жил в краю, где было настолько тепло, что одежда не требовалась. А когда он пришел на новые земли и для защиты от холода ему пришлось надеть шубу, он не надел ее на плечи, а только опоясал чресла,

то есть надел так, как в свою тонкую и легкую одежду одевались народы из теплых краев. Юзеф Копец, первый поляк, который писал о якутах (в конце XVIII века), видел их летом за работой почти нагими — может быть, именно потому, что они родом с юга. Он рассказывает, что в окрестностях реки Киринги, когда якуты работают в поле, на них нет ничего, кроме ременных фартучков спереди.

Предание точно описывает все, что касается происхождения якутов, не обходит молчанием и их внешний вид, в том числе то, почему они так некрасивы. А они некрасивы. Когда я пошел за продуктовыми карточками вместе с сотрудницей бухгалтерии из гостиницы, по дороге мы разговаривали о Якутске, и я спросил:

- Ну а якуты? Они вам нравятся?
- Да что же в них может нравиться... ответила она деликатно.

Один из моих соседей по гостинице был более непосредствен:

- Якуты некрасивые. Ходят неуклюже. Я не видел ни одного мужчины, ни одной женщины, о которых можно было бы сказать, что они красивы.
  - А прекрасные черные волосы?

- О, это у всех темных народов, но черты, но лица...
- Черты это правда, но в лицах обращает на себя внимание прекрасная кожа. Гладкая как масло.
- О да. Как масло. Благодаря кобыльему молоку.

Кстати, уже у Копеца черты внешности якутов отнюдь не вызывают восторга: низкорослые, ноги кривые, волосы толстые, как у лошадей.

Даже монгольский бурят был очень доволен, когда он еще не сообщил мне своей национальности, а я не принял его за якута.

Причины того, что якуты некрасивы, предание объясняет весьма откровенно:

«Омогон больше всех любил свою младшую дочь, очень красивую. Стерег ее, прятал на ночь в чулане. Посоветовавшись с женой, он решил положить Эллея на ночлег рядом с младшей дочерью. Вечером говорит Эллею: «А ты спи в чулане». Эллей на это отвечает: «Попозже!» В душе Омогон разгневался, но спать ложатся по-старому.

Проснувшись поутру очень рано, Эллей притаился, чтобы посмотреть, как девушки будут испускать мочу. И вот видит, что красавица испустила мочу очень быстро, а некрасивая испускала долго. Когда девушки вошли в шалаш, Эллей пошел туда, где они испускали мочу, и смотрит. У некрасивой моча разделилась на три струи. Увидев это, Эллей подумал, что некрасивая — более крепкая женщина и наверняка у нее будет много детей, а значит, она будет счастливей, чем красавица.

Вечером старый Омогон опять говорит Эллею: «Спи в чулане!» На это Эллей отвечает: «Буду спать — там». И показывает туда, где спит некрасивая девушка. Старый Омогон в душе очень разгневался, но махнул рукой и сказал: «Ну, иди, спи!»»

Сосед, которому я показал книгу с якутским преданием, отложил ее с отвращением:

— У этих некрасивых якутов даже предания некрасивые. Ну у какого еще народа может появиться герой, который, как Эллей, спрятался, чтобы разрешить предбрачные сомнения?

А ведь эта деталь рассказа — всего лишь проявление племенной рефлексии. Если, по преданию, якуты произошли от брака с некрасивой женщиной, то наверняка они осознают себя некрасивыми даже по сравнению с другими, близкими им народами той же расы. Выбор жены, сделанный Эллеем, вводит в повествование такую степень самокритичности, какой мы, быть может, не встретим ни у одного другого народа. Но признание своей ущербности в этом смысле якуты многократно компенсируют. Некрасивые женщины в предании наделены незаурядными умственными качествами. Обращает на себя внимание их отношение к птичьим перьям как знакам, предвещающим приход иноплеменников. Поначалу они хранили всё в тайне; пока видели, что на реке мало перьев, молчали; хорошо знали,

что их может ждать от пришельца, но видели в этом только собственное приключение, не имеющее важных последствий для племени. Они рассказали только тогда, когда можно было сделать вывод, что перьев стало больше, оттого что иноплеменников стало больше или тот, первый, оказался особенно отважным воином, стало быть, грозит серьезная опасность всему племени, а значит, и им самим. Для тех, кто хочет видеть в этом банальную женскую уловку, приведу еще один эпизод:

«Старый Омогон, увидев Эллея, так перепугался, что весь задрожал, но несмотря на это не выдал своего страха. Велел накормить гостя и позволил ему ночевать в своем доме.

На другое утро, встав, Омогон внимательно вгляделся в гостя и думает: добрый человек, не буду его убивать. Намереваясь использовать его труд и предполагая, что он будет усердным, оставляет его у себя.

Жена этого не одобряет и говорит: «Убей этого человека!» Старик спрашивает: «Почему я должен убивать такого доброго и работящего человека?» — «Когда ты смотришь на него, тебя охватывает страх». Старик гневается: «Почему это я должен его бояться?» — «Я докажу, что ты его боишься». — «Докажи», — говорит старик. Тогда старуха берет нитки, сделанные из жил, нашивает их на спину шубы и дает старику шубу со словами: «Надень и сиди в ней!» Старик, надев шубу, сидит. Когда Эллей, вернувшись с работы, вошел во двор, нашитые на шубу нитки лопнули. Старик услышал треск и понял, что действительно боится Эллея».

В этом эпизоде прабабка якуток наделена рядом умственных качеств, представляющих немалую ценность для племени. Она замечает страх Омогона, а значит, весьма наблюдательна. Нашивая жилы на шубу мужа, она оказывается остроумной изобретательницей. Но она и прозорливый политик: не одобряет дружеского отношения мужа к пришельцу, который в будущем вынудит ее племя к изгнанию и завладеет его землей. Наконец, считая, что страх Омогона недостоин его власти, и опасаясь за эту власть, она советует применить самое радикальное средство — убить того, в ком раньше других распознала опасность.

Однако щедрее всего предание наделяет достоинствами Эллея, непосредственного пращура якутского народа. Он обладает всеми чертами народного героя. Превосходит чужеземцев отвагой и ловкостью. Сам его вид вызывает у них испуг, дрожь. К его двору льнет чужой скот, облегчая Эллею кражи, ускоряя его обогащение. Иное дело — чужеземцы. Они так трусливы, что еще до столкновения неспособны к борьбе, так несообразительны, что, только выпустив все стрелы, замечают дым из землянки; они на таком низком уровне развития, что у них нет других домов кроме шалашей из древесной коры, они не знают собак, а их мечи — тупые.

Якутское предание в целом представляется произведением племенной истории. Творцы предания подобны сознательным историкам. Каждая часть повествования посвящена какому-либо переломному событию, символически выраженному через индивидуальные приключения разных героев. История, первобытная история первобытного народа, использует повествовательную фабулу как способ фиксации в памяти множества исторических событий.

Верно ли я истолковал предание — это вопрос.

Следовало бы покопаться в трудах по этнологии и познакомиться с методами истолкования преданий вообще. Во всяком случае надо узнать, как историки трактуют племенную генеалогию якутов.

twórczość Nr.1 1945

Тадеуш Пайпер родился 3 мая 1891 г. в Краковском районе Подгуже. В гимназические годы участвовал в анархистских и социалистических кружках. Получив аттестат зрелости, начал учебу на юридическом факультет Ягеллонского университета, продолжил в Берлине, затем бросил. Поехал в Париж, где слушал, в частности, лекции Бергсона. В 1914-1920 гг. находился в Испании, где принимал участие в бурной интеллектуальной жизни, познакомился с Хосе Ортегой-и-Гассетом, Мануэлем де Фальей и молодым Хорхе Луисом Боргесом, стихи которого переводил на польский. В испанской печати публиковал статьи о польской литературе. На обратном пути на родину потерял все свои рукописи тех лет.

В 1922 г. начал издавать важнейший литературный журнал авангарда — «Звротницу» («Стрелку» [железно-дорожную]). До 1939 вышло несколько сборников его стихов, драмы, литературно-критические и программные тексты. Он был тогда не подлежащим сомнению авторитетом новой литературы, в том числе и следующего поколения, дебютировавшего в 1930-х.

После начала войны добрался до Львова. В январе 1941 г. оказался в числе писателей, арестованных органами НКВД. Перевезенный в Москву, а затем в Саратов, был освобожден после нападения Германии на Советский Союз. Сотрудничал с просоветским Союзом польских патриотов. Осенью 1944 г., после двухмесячной командировки в Якутию, приехал в Люблин, а по окончании войны вернулся в Краков.

Вначале он много печатался, главным образом писал рецензии на новые спектакли и кинофильмы (кинематографией он заинтересовался еще в 1920-е, и его тексты того времени живо читаются и сегодня). С 1949 г., после того как были провозглашена доктрина соцреализма, он уже писал только «в ящик». Прежде всего — и по сей день не опубликованную «Книгу мемуариста». Одна из важнейших ее линий — борьба одинокого человека с осаждающей его психической болезнью.

После 1956 г. молодые писатели начали обращаться к теории и практике «Папы польского авангарда». Он, однако, молчал, не позволяя публиковать свои произведения.

Жил он одиноко, кружил по Варшаве — с седыми, развевающимися волосами, в старом халате, с портфелем, где лежали рукописи, и походной фляжкой на шее. Умер Пайпер 10 ноября 1969 года. Через три года после его смерти было начато издание полного собрания сочинений (к настоящему времени издано восемь томов).

Он был законодателем новейшей польской поэзии, автором таких постоянно употребляемых понятий, как «псевдоназывание чувств», «расцветающая поэма». Борясь с традиционной постромантической поэтикой, он хотел учить читателя «новому восприятию». Временами он пытался соединить высокий артистизм с социальной радикальностью (особенно в 1930-е). Его литературные утопии, вера в силу слова привели к тому, что его справедливо назвали «антиромантическим романтиком».

Теоретические сочинения (собранные в книгах «Новые уста», «Этим путем») Пайпер считал комментариями к своим стихам. Стихи же в свою очередь 80 лет спустя по-прежнему возбуждают споры: одни считают, что это только памятник времен молодости авангарда, другие — что это живая, вдохновляющая поэзия.

 $\Pi.M.$

Перевод Ксении Старосельской

VOCI DI ROMA*

Гостиница, в которой я всегда останавливаюсь в Риме, большая, но скромная, расположена в бедном районе, среди домов, заселенных рабочим людом. В нескольких шагах от нее крутые ступеньки — по ним можно подняться на бульвар на берегу Тибра, всегда пустынный, где молодые листочки платанов склоняются над рекой и их черный узор на прозрачном небе итальянской ночи служит прекрасным обрамлением для виднеющихся вдали куполов римских церквей.

Верный почитатель Жеромского и Пруста, я люблю лежать в комнатушке, окна которой выходят в маленький садик, украшенный кадками с олеандрами и позолоченной мозаикой, и в сумерках или на рассвете прислушиваться к веселым отголоскам, которыми напоен воздух Рима. Хотя обиталище мое прячется в довольно тихом уголке, сюда вместе с шумом большого города, визгом машин и автобусов, тормозящих на желтой Пьяцца дель Пополо, доносятся отдельные звуки. Вначале возгласы торговцев овощами — резкие, печальные и отчетливые, будто крик истязаемого летним днем в застенках страдальца; потом к их хору присоединяются продавцы газет: крича, как перелетные птицы, беспомощно и протяжно, они поспешно разбегаются кто куда, на Монте Пинчо или за Фламинские ворота; газетчикам вторят продавцы лотерейных билетов, но от их изощренных призывов рискнуть и попытать счастья в «Гранде Лоттериа ди Триполи» остаются только два раскатистых пронзительных слога: «ри! три!», долетающие до меня голосами ласточек, щебечущих в мегафон; и вот наконец зазвучал веселый, быстрый военный марш, сопутствующий какому-то отправляющемуся на учения отряду; а где-то по соседству приятный баритон начинает размеренно и монотонно рекламировать по радио парфюмерные изделия или рассказывать о последних грандиозных успехах итальянской политики; к оглушительному реву мотоцикла примешивается мелодия популярного шлягера, в Варшаве эта песенка тоже нынче в моде, и я невольно вспоминаю о ненастье и дождях родного города, но через минуту старинные вальсы, которые кто-то играет на старом рояле в доме напротив, переносят меня на много лет назад, к давним, очень давним забавам.

Время от времени все эти голоса перекрывает гул и гомон колоколов: ближайших, с Санта Мария дель Пополо, потом откуда-то с Сан Карло ин Корсо, с Тринита деи Монти, и совсем уж издалека, с Авентина и Затибрья, прилетают бронзовые птицы, на минуту заглушая все прочие звуки. Но очень скоро колокола умолкают, и снова слышатся «ри! три!» и «Джорнале д'Италия», и песня о любви, и дребезжащая «Эстудиантина», исполняемая на извечной шарманке.

Так бывало раньше, но сейчас, лежа в маленькой комнатке с неплотно закрытыми ставнями, я слышу, как сквозь эту классическую симфонию звуков просачивается иной, посторонний, нездешний голос — уже не только воспоминание, но словно бы привет и краткий пересказ прошлого, и предвестие грядущего. И вот почему.

Недавно я побывал на протестантском кладбище в Риме. Сегодня сюда уже мало кто заглядывает. Жизнь огромного города близко подступила к этому тихому уголку, но, возможно поэтому, он еще больше обособился и кажется осиротевшим. Движение, устремляясь к морю, с шумом огибает ворота Святого Павла и перехлестывает через стены вечного города. Внимание проезжего на минуту привлечет встроенная в аврелианские стены пирамида, он увидит несколько верхушек пиний над древней стеной — и это всё. Только когда выходишь из маленькой улочки на зеленую лужайку, заросшую высокой травой, замечаешь это романтическое место.

Весь Рим, вероятно, был таким в ту эпоху, когда набожная девушка водила пана Адама по развалинам**; когда разрушенная сейчас вилла Миллс выслушивала дружеские откровения двух величайших польских поэтов; когда в греческом зале у княгини Зинаиды вспоминали московские и петербургские встречи. Старая часть кладбища — прелестная рощица, высокая трава, масса цветов, громадные старые согбенные пинии, несколько кипарисов — и утопающие в этой траве некогда белые, почерневшие саркофаги и колонны. Поле фиолетовых ирисов, похожее на луг асфодели, тянется до самой середины кладбища. Древняя пирамида Цестия, обросшая мхом, стоит на страже, птицы поют. Ни одного креста. Под деревьями спит поэт, «чье имя написано на воде»***.

^{*} Голоса Рима (итал.)

^{**} Речь идет о встречах в Риме Адама Мицкевича и юной польской аристократки Генриетты Анквич.

^{***} Слова из эпитафии на могиле Джона Китса (1795 – 1821), написанные по его пожеланию.

Но подле этой старой, уже заброшенной части романтического кладбища, уголка Рима начала XIX века, существует не менее красивое, уставленное вазами с цветами новое кладбище, где еще сегодня рядом с сердцем Шелли хоронят англичан, американцев и немцев, которых смертный час застиг в вечной столице. Тесными рядами выстроились белые надгробия, а между ними — кусты красных камелий и лиловых рододендронов. Надписи погречески, по-болгарски, а иногда и по-русски свидетельствуют, что кладбище служит не только протестантам, но и тем, кто исповедует православие.

Меланхолическая прогулка по кладбищу — невеселое удовольствие. Гадаешь, какими были погребенные жизни, и между двух дат — рождения и смерти, часто не слишком отдаленных, — вставляешь вымышленное содержание — затем лишь, чтобы не видеть в них пустой и жестокий образ бренности.

Бродя в плотной толпе камней, подсчитывая возраст американских миллионеров и английских старых дев, я заметил возле самой ограды, в новейшей части кладбища, могилу, которая меня заинтересовала, а потом и чрезвычайно растрогала.

В изголовье сплошь заросшей высокой травой могилки стоял плоский крест, вытесанный из тонкой мраморной плиты. Он напомнил мне кладбища, где я бродил в детстве и молодости: крест был православный, наискось пересеченный внизу второй поперечиной. Золотая надпись на русском языке гласила: «Дорогой нашей няничке»; ниже стояло еще: «Господи, прими душу ея». И больше ничего, ни дат, ни фамилии. Только запутавшиеся, будто в сетях, в густой зеленой итальянской траве у подножья креста две красные писанки напоминали, что недавно была родительская суббота — день поминовения у православных, когда на могилы родных приносят цветы и еду.

Крест с двумя перекладинами, красные яйца, надпись, какие-то мелкие цветочки, рассыпанные на могиле любящей рукой, — все это унесло меня далеко от кипарисов и пиний. Ошибка в надписи, указывающая на южный акцент (на севере написали бы «нянюшке» или хотя бы «нянечке»), обычай приносить на могилу крашеные яйца показались мне чем-то родным, близким, и внезапно все польские и римские воспоминания отхлынули, как отлив, обнажая дно первых неукротимых степных впечатлений.

«Где я? — подумал я, склоняясь над этой могилой и, перед восточным крестом, осеняя себя крестом католическим. — И где все мы?» Перед глазами всплыл образ той бедной няни — без возраста, без имени, — похожей на мою, укачивавшую меня украинской колыбельной. Я увидел далекое кладбище, то самое, на котором лежит моя няня, над прудом на пригорке; и другое, над Днепром, на высоком обрыве, испещренном красными и синими крестами, по пояс утопающими в траве и бурьяне; и еще одно — которое я видел мельком раз в жизни, — залитое весенним половодьем, где цветущие яблони и высокие кресты, отражаясь в голубой воде Десны, были подобны деревьям вечной жизни.

И мне вспомнились стихи гостя княгини Волконской — строки из конца поэмы, которые невесть почему, без всякой причины, звучали во мне все молодые годы и ритм которых, печальный и естественный, приполз за мною аж сюда, чтобы окончательно стал ясен их смысл:

...да за смиренное кладбище, Где нынче крест и тень ветвей Над бедной нянею моей...

В тот вечер я долго не мог уснуть. За день я много чего повидал: картины во дворце Дориев и автомобили на Пьяцца Венеция, Альфонса XIII на ипподроме и яркие цветы на белом фоне лестницы на Пьяцца ди Спанья — но сквозь строения современного города и памятники старины упорно проступал крест с надписью: «Дорогой нашей няничке...»

Назавтра я отправился в Остию. У меня был с собой фотоаппарат, а поскольку до отхода поезда оставалось еще порядком времени, я решил поснимать на протестантском кладбище, до которого от станции было рукой подать. Сфотографировал поэтические пинии, стройные кипарисы, пирамиду Цестия, и тут мне пришло в голову сделать снимок надгробия, которое вчера расшевелило мои воспоминания и чувства.

Приблизившись к месту, где виднелся православный крест из белого мрамора, я с удивлением обнаружил, что у могилы стоит на коленях женщина в черном. Я на мгновенье остановился. Женщина, вероятно, заметила меня, потому что, словно нехотя, обернулась, а потом неторопливо встала.

Движение это я прекрасно помню, оно накрепко впечаталось мне в память. По одной причине: на меня нахлынуло необычайно странное чувство, как будто небо, затянутое черным крепом забвения, вдруг прояснилось, как будто чьято рука сняла с моих глаз катаракту, и я — сам еще не понимая, что переживаю и что во мне пробуждается, какие далекие континенты внезапно выплывают из небытия, — прошептал:

— Манефа Витальевна!

Дама посмотрела на меня с нескрываемым изумлением. Подняла обе руки к шляпе и откинула негустую вуаль, словно хотела, чтобы я получше разглядел ее лицо. В эту минуту я не помнил ничего, кроме странного имени. Вероятно, оно и запомнилось мне лишь из-за своей необычности. Дама еще раз взглянула на меня, потом на могилу, будто ей трудно было от нее оторваться, и спокойно сказала по-русски:

— Да, это я. А вы кто?

Мне достаточно было услышать этот голос. Одно только слово «кто», произнесенное как «хто» низким, грудным, певучим голосом, открыло все давно погребенные миры. Я подошел к ней и, как молитвенник, сжимая в пальцах фотоаппарат, начал быстро и сбивчиво говорить, напоминая — даже не ей, а самому себе — о времени, давно канувшем в Лету:

— Вы не можете меня помнить, вы меня не помните. Это было страшно давно, в 1909 году... — я глянул на нее: не покажется ли ей оскорбительным упоминание далекой даты, ведь прошло уже почти тридцать лет, — я был репетитором у Юры Головкина, в соседнем имении, рядом с вашим... я видел вас всего несколько раз. Помните, вы играли фантазию ре-минор Моцарта? И романс Чайковского, очень грустный, — помните?

Дама стояла не шевелясь и испутанно на меня смотрела. Все, что я говорил, походило на правду — названия, фамилии, имена. И все же она ничего не помнила. Молча качала головой.

— И мы жгли костер, и была речка, и лодка, и молодые люди! Вы тогда были совсем девочкой... очень юной девушкой. И ваш брат... мы жгли костер.

Дама поглядела печально и, нехотя возвращаясь к тем воспоминаниям, опустила вуаль и махнула рукой, будто отгоняя муху.

- Ох, мы столько раз жгли костры.
- Но я был у костра только один раз, живо откликнулся я.
- Не помню, повторила она.
- А Юру? Юру Головкина вы ведь помните? Да?
- Помню, ответила она и понурила голову.
- И Мальково? Помните?
- Как же не помнить. Помню, конечно.
- И Нину Коцебу?

И вдруг она подняла на меня совсем другие глаза — веселые и помолодевшие, смеющиеся и радостные. Протянула мне руку — дружелюбно и просто. Сказала:

— Помню. Помню. Вы были у нас, когда у Нины Коцебу огурец упал с тарелки на пол. Вас зовут... как-то чудно. Прошло уже тридцать лет.

Внезапно лицо ее изменилось, съежилось, посерело, помрачнело. Одновременно спряталось за тучу солнце. Она бросила на меня острый, пронзительный взгляд.

— И вы меня узнали, — прошептала она.

Это и вправду было странно. Неожиданно для самого себя я узнал в зрелой, стареющей женщине девушку из очень давнего времени, притом девушку, которую я видел лишь пару раз и всегда в окружении большой компании.

Она тогда, безусловно, была красива. И сейчас еще, в переменчивом свете то и дело заслоняемого облаками солнца, красива. Черный наряд подчеркивал стройность ее фигуры, глаза, большие и голубые, то устремлялись на меня, то прятались под нежными веками, шею обвивала нитка ярко-белого жемчуга.

Она стояла передо мной, смущенная, и даже в дрожи от воспоминаний, которые, родившись из моих слов, неожиданно и резко на нее обрушились, было что-то очень юное. И в улыбке, пробежавшей по губам, когда она проговорила, качая головой: «Вы помните визит Нины Коцебу!..», сверкнуло что-то девичье.

Все это: короткий промельк далекого прошлого, визит робкой соседской барышни, которая приехала со своим дряхлым дедушкой адмиралом, мгновение, казалось, навсегда утонувшее в океане времени, — по неизвестной причине возрождалось вновь, связывая нас здесь, среди надгробных камней и цветов чужого кладбища.

Но мы об этом не задумывались. Одно воспоминание потянуло за собой другие. Нинин огурец напомнил о тысяче мелких событий во вре-

мя каникул, проведенных нами в двух соседних деревеньках на юге России. События эти привели на память множество людей, из которых почти никого уже не осталось в живых. Юра? Убит. Коля? Умер от тифа. Госпожа Головкина? Умерла. Нина? Какая Нина? Наша Нина? Умерла.

- Господи Боже! сказал я. Зачем мы еще ходим на кладбища вся земля уже усыпальница.
- Няня?

Но прежде чем мы заговорили о няне и всем прочем, с нею связанном, я предложил Манефе поехать со мной в Остию. Коли уж я собрался, мне хотелось туда попасть. После недолгого колебания она согласилась:

Пускай они меня подождут. Раз в жизни скроюсь на полдня с глаз долой.

Я не стал спрашивать, кто должен ее ждать. Мы ехали в поезде, не глядя по сторонам, не переставая говорить о том, что навсегда сгинуло.

В Остии я прежде не бывал. Первым делом Манефа показала мне стоявшую особняком статую Нике. С отбитой головой, с распростертыми крыльями, посреди усеянной белыми цветами лужайки. Омытые дождем, а теперь согретые солнцем, цветы эти — в основном мелкий клевер — пахли сильно, по-летнему, по-степному.

Мы шли по главной улице мертвого города, почти не разговаривая. Миновали отстроенный театр и мозаичные тротуары с эмблемами и фамилиями торговцев, которые некогда раскладывали здесь фрукты, овощи, сосуды и дары моря. Потом бродили по узким улочкам, заходили в дома, где древние римляне рисовали на стенах нескладные наивные узоры, напоминающие обои в наших еврейских местечках.

Дойдя до форума, мы увидели темное кирпичное сооружение, к которому вели высокие мраморные ступени. Полуразрушенная стена древнего храма Юпитера высилась перед нами, как башня, — изувеченная, мощная и заброшенная. В серебристых, густых, как щетка, зарослях клевера стрекотали сверчки. Светлые тучи быстро бежали по небу, заслоняя солнце, и кирпичная стена то окрашивалась киноварью, то темнела, наливаясь цветом свернувшейся крови.

Серебряные колонны и обломки статуй, в беспорядке разбросанные по стене, казались мертвыми бабочками, насаженными на булавки в покосившейся витрине.

И когда мы стояли так, чужие друг другу и этому городу, среди массивных развалин, неприветливых и патетических, Манефа внезапно, будто сама себе, стала рассказывать свою историю — горячо, лихорадочно, порой отворачиваясь от меня, дабы вид совершенно постороннего человека не мешал тому, что рвалось из ее души.

— И знаете, — говорила она, — все, чем я жила, все мое существование сосредоточилось в няне. У сестры своя жизнь. Она увезла из России мужа, детей. Одна из ее дочерей певица. У нас у всех от природы хорошие голоса. Помните? В нашем доме пели с утра до вечера. Вот и племянница это унаследовала, поет в Париже, в Америке. В жизни моей сестры есть какой-то смысл. Брат наш, Володя, вначале уцелел. Няня его спасла. Сама вырастила и в деревне, когда пришли разорять наш дом, его защитила. Просто не отдала. Как она кричала!

Манефа на мгновенье умолкла. Казалось, она услыхала в пустоте крик женщины, защищающей ребенка, которого вырастила. Тишина у подножия храма была наполнена жужжаньем пчел и звоном цикад, приторным запахом белого клевера. Я обернулся, посмотрел на колонны храма Августа и Ромы. Серые и неподвижные, стояли они в голубом воздухе Кампании. Тучи рассеялись, горизонт дрожал в том месте, где пряталось море.

— И люди, вооруженные палками и обрезами, — говорила Манефа, — испутались этого ужасного крика. Убрались на время. Ночью мы все вместе убежали в ближайший городок — я, сестра, ее муж, Володя, моя мать. Но няня осталась. Она догнала нас только два дня спустя, привезла с собой целую корзину серебра, вот этот жемчуг, несколько семейных реликвий, Володину шубу. Как она сумела все это у них отнять, как собрала и довезла до города, мы так и не узнали. Потом мы поехали в Одессу — чтобы уже никогда не вернуться обратно. Там, в Одессе, Володю убили. Там она не смогла его защитить.

Внезапно Манефа осеклась и посмотрела на меня. Вероятно, заметила в моем лице безразличие или скуку, а может быть, поняла, что банальный рассказ затмевает в моих глазах сияние красоты Остии, пахнущей полынью, или, возможно, просто осознала, что я — совершенно чужой ей человек, с которым ее связывают лишь мимолетные, давно позабытые переживания. Короче, она умолкла, не захотела продолжать свой рассказ.

- И что же, спросил я, и что?
- Что может быть еще? Обыкновенная история, как у всех. Мы приехали в Рим. Няня долго содержала нашу семью, зарабатывая стиркой. Мы-то ничего не умели делать. Потом муж сестры устроился на службу. Стало полегче, но вся наша жизнь вертелась вокруг няни. Как

vmitr kismiełow

будто мы спасли, унесли из дома что-то самое важное, пламя домашнего очага. Мы жили благодаря ей — и ради нее. Потом она состарилась — и умерла.

- Давно?
- Полгода назад.
- Должно быть, уже очень старой?
- Восемьдесят лет. С лишним.
- Я ее знал?
- Разумеется. Не помните? Суровая и важная, она сидела в конце стола и сама всем наливала чай.
- Наливала чай. Помню.

Я действительно вспомнил эту суровую особу. В конце стола, уставленного несметным количеством разнообразных яств — все это у них подавалось в полдень, — застеленного белой скатертью, на которой рядком стояли блюда, крынки и глиняные горшочки со сметаной, сидела, помнится, высокая грозная особа, нереальная и не поддающаяся описанию.

— Манефа, — сказал я, — неужто мы в самом деле жили в том, умершем мире? Трудно поверить. Здесь, в стенах Остии!

Мы вернулись на базарную площадь за театром: пинии и колонны в высокой зеленой траве, статуи — поблекшие и обломанные, деревья сухие, пейзаж меланхолический. Манефа все время молчала. Наконец, указывая на скульптуры и капители, сказала:

- От этого тоже не много осталось.
- Мертвые камни.
- Но мы еще живые, она словно бы прошипела эти слова, а потом тихо рассмеялась.
- Живые...
- Неподходящую компаньонку пригласили вы на прогулку.

Мы больше не возвращались к былым временам. Заговорили о новом, великолепном Риме, таком изысканном, ослепительном. Она начала посвящать меня в запутанные великосветские интриги, за которыми ей здесь както удавалось подглядывать. Затронутых ранее тем мы старательно избегали.

Мы обошли весь наново раскопанный город, погруженный в полуденный сон на зеленой постели. Травы благоухали, и, несмотря на веселую болтовню, мне было отчаянно грустно. Хотелось, чтобы эта встреча поскорей завершилась. Нам уже вправду ничего не осталось друг другу сказать. Она не понимала всего того, чем я жил, что было для меня действительно важно.

И только когда, оставив позади разбросанные останки Остии, мы оказались в маленьком ресторанчике «Алло Сбарко ди Энеа» («У Энеева причала»), под фантастически прекрасным причудливым балдахином лиловой глицинии в полном цвету, я облегченно вздохнул. Вновь утвердившись в своем зрелом мире, я смотрел на мертвый мир Манефы с печалью, но и с некоторым торжеством.

Она посоветовала мне взять «zuppa di verdura»*** и ждала, какой эффект произведет на меня это блюдо:

- Да это же борщ, наш настоящий украинский борщ!
- И, внезапно отложив ложку, посмотрела на меня наивным, давнишним взглядом. Ее зрачок пробил пространство величиною в тридцать лет четкой, уверенной стрелой.
  - Вы были в меня влюблены? спросила она.
  - Был.

Я солгал. Я не был в нее влюблен. В ту пору я даже не знал, что такое любовь, меня целиком поглощали забавы деревенской жизни. Я ездил верхом на почту. Собирал на бахчах персидские дыни. Считал скирды на поле и вечером засыпал мертвом сном рядом со своим учеником и другом, которого потом убили. Каким же ни на что не похожим был тот степной полдень, бесформенный, кровавый и упоительный одновременно. Бескрайность поля, откуда, чудилось, доносилась чумацкая песня и скрип чумацких колес, и песнь, дикая и свободная, так отличающаяся от руин в их застывшей классической форме. Ах! Не до любви мне тогда было.

Я боялся, что Манефа задержится на этой теме, а продолжать ненужную ложь мне не хотелось. Но она снова унеслась куда-то мыслями и снова вдруг побледнела и умолкла.

Я налил себе вина и посмотрел на нее. Сквозь морщины и огрубевшую кожу проглядывали прежние прелестные черты этого опечалившегося лица. Как же она когда-то была красива! Манефа долго не сводила глаз с глицинии, а потом неожиданно сказала:

^{****} Овощной суп (*итал.*).

— Ну как так можно, скажите на милость? Как можно было нас выгнать? Всех! Весь народ выгнать, отгородиться стеной! Ведь мы все были европейцами. Что значила для меня первая поездка в Рим! А сейчас? Почему нас всех обездолили? И как до этого могло дойти? Неужели мы никогда уже не вернемся в Европу? Есть ведь какоето единство на свете!

Подавшись вперед, она требовательно, напряженно на меня смотрела, будто я и впрямь мог ответить на все эти вопросы.

— Знаете, почему мы сюда приехали? Из-за няни! Она беспрерывно толкала нас в этом направлении — в Одессе, в Константинополе! В Рим, в Рим... «Если папа римский нам не поможет, — говорила, — то и никто не поможет». Притащила нас всех сюда. Вы не поверите! Она побывала на аудиенции у папы... годами работала, чтобы скопить на черное платье и мантилью, и побывала. С какими-то паломниками. Вернулась тихая — и никогда больше про папу не заговаривала. Но мне кажется, всегда верила, что он может нам помочь, только не хочет. Ходила в церковь и к святому Петру. Умерла с ужасной раздвоенностью и отчаянием в душе. Вы это понимаете? Можете объяснить?

Я ничего не мог объяснить. И позже не мог, и сейчас не могу. К счастью, Манефа не потребовала немедленного ответа. Вопросы она задавала, собственно, себе самой. Потом мы преспокойно говорили о музыке, о книгах, о заходе солнца над Кампаньей.

И к воспоминаниям о былом мы не вернулись и доехали до Рима, можно сказать, просто как старые, усталые люди. Утомленные не столько прогулкой среди поэтических стен Остии, сколько воспоминаниями обо всем том, что уже пронеслось, изрядно нас потрепав. Распрощались, почти счастливые. Мы были несказанно рады, что встретились, как два листочка в водоворотах Тибра, но и рады, что расстаемся, возвращаясь каждый в свою жизнь, обогащенные парочкой новых впечатлений, но по-прежнему погруженные во все то, что нам близко и интересно сегодня.

Больше мы никогда не встречались.

И лишь сейчас, когда я просыпаюсь утром в гостинице и слышу все эти римские голоса, скороговорку «ри! три!» и жалобные призывы торговцев артишоками, и торопливый, веселый военный марш, и барабанную дробь, и флейты-пикколо марширующих юнцов, и крик продавцов газет, и пение, и радио, и рояль — и колокола, колокола, колокола, — в эту многоголосицу вплетается далекий и чужой шепот, слабый, но упорный, приходящий издалека, но отчетливый голос, повторяющий строки поэта, который никогда не был в Риме:

...да за смиренное кладбище, Где нынче крест и тень ветвей Над бедной нянею моей...

И кажется, не знаю сколько бы я отдал за то, чтоб это был не Рим — чтобы это была уютная деревня в Екатеринославской губернии, и запах зрелых хлебов, и длинный стол, уставленный пирожками и грибами, и няня — не та, чужая, русская, а моя, католичка, — добрая няня, сидящая в конце стола, ставшего столом судилища, и какая-то улыбка смирения и любви, и кто-то, кто больше, старше, лучше всех других людей, всех других матерей, и чтобы я был лучше, умнее, терпеливее этого нетерпеливого литератора, без толку гранящего желтую римскую мостовую.

1938

Войцех Карпинский

РИМСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Протестантское кладбище — одно из моих любимых мест в Риме. Оно лежит у подножья пирамиды Цестия. Вопреки расхожему названию, кладбище это не только протестантское: на нем покоится много православных. Да и официальное его наименование — «некатолическое кладбище»: тут хоронили иностранцев, чужих, иноверцев. Рим всегда их притягивал, им хотелось увидеть себя в этом городе с его особостью, с его разнообразными наслоениями и очарованием.

До середины XIX века чужаков хоронили ночью, при свете факелов. Причиной тому была не романтическая мода, не стремление создать лирическое настроение, а предписания властей и боязнь фанатизма окрестных жителей. Порой действительно случались эксцессы. Запечатленное в римской архитектуре многообразие исторических формаций не всегда и не для всех служило уроком толерантности. Долго запрещалось ставить на могилы «чужих» кресты. Место последнего упокоения обозначалось мраморной колонной, простым камнем, где иногда были только имя и дата. Со временем количество могил увеличивалось. Кладбище обнесли оградой и разделили на две части: одна, вблизи пирамиды, — так называемое «старое кладбище», уже закрытое, с самыми старыми могилами, — напоминает романтический парк. Тут царят тишина и покой. Пусто. Лишь изредка можно увидеть одинокую фигуру, сидящую с книгой на скамейке возле могилы Китса.

Другая часть, хоть и больше похожая на обычное кладбище, тоже очень красива. Утопая в зелени, она амфитеатром поднимается к ограде. Стрелки указывают путь к могиле Шелли, где покоится сердце поэта. На надгробном камне цитата из «Бури» Шекспира, говорящая о том, что ничто не исчезает, а превращается в «чудо-клады»*. Римское протестантское кладбище это подтверждает. Когда я впервые попал туда в начале семидесятых, произошло нечто поразительное, о чем я и хочу коротко рассказать.

Я осматривал новую часть кладбища и по мере приближения к его краю обнаруживал все больше русских могил. Экзотика владетельных, родовых, воинских званий, придворных должностей. Повторяющиеся фамилии: Волконские, Юсуповы, Голицыны, Толстые, Голенищевы-Кутузовы. Социология и история, таящиеся в заброшенных на римское кладбище моги-

лах. Я искал знакомые имена. Надеялся отыскать могилу Вячеслава Иванова, чьи «Римские сонеты» (и в особенности первый: «Вновь, арок древних верный пилигрим...») здесь, в Риме, постоянно вертелись у меня в голове; я забыл о наделавшем когда-то много шума обращении Иванова в католичество — он не мог быть тут похоронен. И вот уже возле самой ограды, на краю кладбища, я увидел скромный крест с надписью «Дорогой нашей няничке»...

Верить не хотелось! Ну конечно же, литература становится действительностью, а действительность внезапно превращается в «чудо-клады». До этого момента я не осознавал, что здесь, на протестантском кладбище, происходит действие моего любимого рассказа Ярослава Ивашкевича «Voci di Roma». Странно, что я об этом забыл: ведь мне нравится осматривать знакомые места, врезавшиеся в память благодаря тем или иным ассоциациям. Я много раз перечитывал рассказ Ивашкевича, прекрасно представлял себе фон, на котором разворачивается действие, мне близка атмосфера этого великолепного короткого текста. Я считал «Voci di Roma» не только вершиной новеллистики Ивашкевича, не только самым отточенным (наряду с «Книгой моих воспоминаний») из его прозаических произведений, но и одним из лучших рассказов во всей истории польской литературы. Ну и прекрасно понимал его волнующий смысл. Для меня он с потрясающей силой обнажал цивилизационную и духовную катастрофу, в результате торжества большевизма постигшую не только Россию, но и всю Европу. А ведь рассказ принадлежал перу писателя, которого впоследствии обвиняли (не без оснований) в чрезмерной услужливости коммунистическим властям. Нужно, однако, помнить — и я, как горячий поклонник «Voci di Roma» и «Книги моих воспоминаний», никогда об этом не забывал, — что Ивашкевич осознавал масштаб этой катастрофы задолго до того, как она коснулась и его родины: «Voci di Roma» написаны во второй половине 30-х. Рассказ был опубликован в 1947 г. в томике «Итальянские новеллы», после октября 1956-го переиздавался — не слишком часто в сборниках избранных произведений писателя, которого увенчивали официальными лаврами (в том числе Ленинской премией...).

Рассказ Ивашкевича, хотя и превосходный, до сих пор казался мне плодом чистой фантазии. И вдруг, когда я наткнулся на этот крест над русской могилой на итальянском кладбище, у меня словно открылось

^{* «}Но ничего не пропало. / По-морски лишь изменилось, / В чудо-клады превратилось» У.Шекспир. «Буря». Пер. М.Донского.

двойное зрение: я видел одновременно кладбище, на котором в данную минуту стоял, и то, давнишнее, из рассказа польского писателя. И могилу видел такой, какой она была годы назад (разве что я заметил у самого основания креста фамилию и дату смерти няни, которых тогда не было или которых рассказчик автор — не заметил). И фигуру женщины, которую он застал там на следующий день, когда решил сфотографировать могилу. Вот оно: внезапно обретенное ушедшее время, но и — утраченные надежды, иллюзии, мечты. Прогуливаясь среди развалин Остии, двое вспоминают украинское имение, родных, друзей, знакомых, почти никто из которых не уцелел в революционной мясорубке. И няню, искавшую в Риме спасения, помощи, поддержки. И прежний мир, от которого осталось кладбище воспоминаний. «Ну как так можно, скажите на милость? Как можно было нас выгнать? Всех! Весь народ выгнать, отгородиться стеной! Ведь мы все были европейцами, - говорила поляку-рассказчику повстречавшаяся ему на римском кладбище русская эмигрантка, говорила в 1938 г., когда в Европе уже разразились катастрофы, а новым вскоре предстояло произойти. — Что значила для меня первая поездка в Рим! А сейчас? Почему нас всех обездолили? И как до этого могло дойти? Неужели мы никогда уже не вернемся в Европу? Есть ведь какое-то единство на свете! (...) Знаете, почему мы сюда приехали? Из-за няни! Она беспрерывно толкала нас в этом направлении — в Одессе, в Константинополе! В Рим, в Рим... «Если папа римский нам не поможет, — говорила, — то и никто не поможет». Притащила нас всех сюда. Вы не поверите! Она побывала на аудиенции у папы... годами работала, чтобы скопить на черное платье и мантилью, и побывала. С какими-то паломниками. Вернулась тихая — и никогда больше про папу не заговаривала. Но мне кажется, всегда верила, что он может нам помочь, только не хочет. Ходила в церковь и к святому Петру. Умерла с ужасной раздвоенностью и отчаянием в душе. Вы это понимаете? Можете объяснить?» «Я ничего не мог объяснить. И позже не мог, и сейчас не могу», — добавляет автор рассказа, который был написан весной 1938 г. в римской гостинице «Локарно», расположенной между Пьяцца дель Пополо и Тибром.

Для меня этот рассказ, с тех пор как я его прочитал, — трогательный образ мечты о свободной общеевропейской культуре и о столкновении этой мечты с жестокой историей. Поэтому, когда на протестантском кладбище в Риме действительность и литературный вымысел столь наглядно соединились в кресте над могилой няни, я увидел в этом кресте памятник мечте о свободе и предупреждение о грядущих опасностях, памятник прошлого и будущего, силою слова соединенных в «чудо-клады», памятник связям польской, русской, украинской культуры с культурой итальянской, важный памятник европейской культуре. Он стал

для меня местом моего личного паломничества. Всякий раз, возвращаясь туда, я вспоминал нашу первую встречу в 1974 году.

Эту первую встречу я описал в очерке, вошедшем в книгу «Память Италии» и напечатанном в «Твурчости», ежемесячном литературном журнале, главным редактором которого был Ярослав Ивашкевич, окружавший журнал особой заботой. Я рад, что опубликовал этот очерк. Можно не опасаться, что последующие происшествия, связанные с могилой няни, рассказом Ивашкевича, моими мечтами, будут восприняты как выдуманный литературный орнамент. Ибо на этом не закончились мои приключения на римском кладбище, мое общение с прошлым и будущим, с превращениями действительности и вымысла в «чудо-клады».

В 1977 г. Ярослав Ивашкевич опубликовал «Поездки в Италию», итог путешествий по этой стране на протяжении нескольких десятилетий. Во вступлении он вспоминает, как создавался рассказ «Voci di Roma», каким толчком стали увиденные им могила и крест с надписью «Дорогой нашей няничке». Сейчас, заключает Ивашкевич, в Риме слышатся иные голоса, да и протестантское кладбище изменилось. Исчезли могилы русских эмигрантов, на их месте появились могилы молодых американцев, которые приезжали в Рим, чтобы покончить жизнь самоубийством, — но теперь и эта мода прошла. В очередной свой приезд в Рим я еще раз посетил могилу няни — это было в декабре 1978 г. (когда Папой римским уже стал Иоанн Павел II), сфотографировал ее и отдал снимок Ивашкевичу. В новое издание «Поездок в Италию», вышедшее в 1980-м, в год его смерти, он включил упоминание об этой подаренной ему фотографии.

К этому кресту — римскому символу польской, русской, европейской мечты о единстве и свободе — я приходил еще много раз: и во времена победоносной «Солидарности», и в мрачный период военного положения, и, наконец, после 1989-го, после 1991-го, когда «эпидемия свободы» охватила уже не только Польшу, но и Украину, и Россию. В феврале 1998 г. в Польском культурном центре в Риме я читал лекцию о следах того порыва к свободе, который сто пятьдесят лет назад, весной 1848 г., привел сюда Мицкевича и Красинского, об их спорах. Спустя два дня я возвращался автобусом с вокзала, где покупал билет в Неаполь — мне предстояла там встреча с Густавом Герлингом-Грудзинским. В автобусе меня узнала дама (она слушала мою лекцию), преподававшая на кафедре славистики римского университета и занимавшаяся русскими могилами в Риме. Она читала «Память Италии» и знала о моем интересе к могиле няни. И сообщила мне печальную новость: в прошлом году закончился срок концессии на владение землей и, несмотря на протесты, могила была уничтожена.

Мое пребывание в Риме подходило к концу. На протестантское кладбище я попал только в следующий свой приезд, в мае 2002 года. Няниной могилы я не нашел и

отправился в кладбищенскую контору. Мне хотелось узнать, где похоронен скончавшийся после моего отъезда из Рима Рональд Стром, американец, большой друг поляков, выучивший польский язык (сам он никогда не бывал в Польше), переводчик Густава Герлинга-Грудзинского на английский и преданный его почитатель; хотел я и что-нибудь разузнать про могилу няни. О могиле Рона я получил исчерпывающую информацию и без труда отыскал густо поросший зеленью холмик (неподалеку от стрелки, указывающей на место погребения датского поэта Карстена Хауха). Про могилу няни мне поначалу ничего не смогли сказать — пока я каким-то чудом не вспомнил ее фамилию, которую когда-то записал: Осипова. Я рассказал управляющему кладбищем историю этой могилы, рассказал о новелле Ивашкевича, о том, как я, впервые попав на кладбище тридцать лет назад, случайно наткнулся на крест с надписью «Дорогой нашей няничке». Управляющего это заинтересовало; порывшись в архивах, он нашел нужную информацию: Юстиния Осипофф, умерла 7 марта 1931 г., была учительницей (гувернанткой), жила близ Пьяцца дель Пополо (то есть недалеко от гостиницы, в которой был написан рассказ Ивашкевича...). Могилу ликвидировали, прах 14 октября 1997 г. перенесли в ossario. Меня очень огорчила утрата этого столь важного для меня символа. Как будто спустя двадцать лет исполнилось то, о чем прозорливо писал Ивашкевич в «Поездках в Италию». И все же, подумал я, протестантское кладбище, накрепко связавшееся для меня с крестом на могиле няни, не перестанет быть одним из тех особых мест в Риме, которые с необычайной выразительностью говорят о памяти и о превращении в «чудо-клады»; таким местом является, например, вилла Миллс на Палатинском холме, где Красинский и Словацкий вели долгие споры о будущем (в «Voci di Roma» Ивашкевич упоминает о вилле Миллс и этих беседах), хотя от самой виллы, снесенной в конце XIX века, не осталось и следа, и садов уже нет, они срыты, а уровень земли понизился на несколько метров — там интенсивно велись археологические раскопки.

В очередной раз приехав в Рим в конце октября 2004 г., я снова отправился на кладбище. Людей было больше обычного — по случаю Дня поминовения. Я обследовал «русскую» часть кладбища на самом его краю, у ограды, тщательнее всего там, где была могила няни. Увидел новый, как мне показалось, склеп, с изумлением прочитал: «Вячеслав Иванович Иванов, 1866-1948», — и внизу: «Дмитрий Вячеславович Иванов, он же Жан Невсель, 1912-2003». Неужели автор «Римских сонетов» все-таки попал на протестантское кладбище? Даты сходятся. Я много лет тщетно его искал и потом записал, что он не может быть тут похоронен, поскольку обратился в католичество. Открытие меня взбудоражило, и я со странным упорством продолжил поиски. Несколько раз обошел эту часть кладбища. Назад возвращался по аллейке, прилегающей к ограде, где могил уже не было. Возле рыжевато-бурой ограды громоздились остатки надгробий. Я внимательно к ним пригляделся. И вдруг на одном (четвертом сверху), не веря своим глазам, прочитал русскую надпись: «Дорогой нашей няничке». Да. Это он — крест с няниной могилы, целый и невредимый, даже с основанием, на котором можно разобрать: Юстиния Осипова, 7 марта 1931 года, и (латинскими буквами) Оsipoff. Стоит на земле, прикрепленный к ограде металлическими крюками.

Взволнованный, я кинулся в кладбищенскую справочную. Рассказал сидевшей там молодой женщине историю няниной могилы. Поинтересовался, какая участь уготована фрагментам надгробий, сложенным сейчас у ограды. Девушка обратилась к пожилому каменщику, занимающемуся консервацией могил. Он оказался умным и хорошо осведомленным. Помнил, где была нянина могила. А также знал, где могила Рона Строма. Объяснил мне таинственное появление на кладбище Вячеслава Иванова: его прах перенесли сюда после смерти дочери, и здесь же похоронили его сына, известного публициста, писавшего под псевдонимом Жан де Невсель (от названия городка, где он родился). Но больше всего меня занимал крест: что сделать, чтобы его снова не убрали? Мне посоветовали обратиться к новому директору кладбища.

В эти дни на кладбище директора не было. Я пошел к нему, когда в следующий раз приехал в Рим. Изложил историю няниной могилы. Он пообещал, что крест не уберут. Кладбище занесено в список памятников мировой культуры ЮНЕСКО. Сейчас уже не принимают легкомысленных решений об уничтожении могил, как это бывало в прошлом... Есть экспертный комитет, в его состав входят представители посольств государств, к которым кладбище имеет то или иное отношение (к англосаксам, немцам и датчанам недавно присоединили русских и греков). Директор попросил прислать ему в письменном виде историю няниной могилы, а также рассказ Ивашкевича и «Память Италии», хотя бы по-польски. Я обещал узнать, нет ли «Voci di Roma» на других, более известных языках.

Мне удалось найти информацию о двух переводах на немецкий. Я попросил Петра Мицнера (зная о его интересе к Ивашкевичу, я рассказывал ему об очередных этапах своих поисков на протестантском кладбище) добыть в Стависко копию немецкого перевода «Voci di Roma» и выяснить, нет ли переводов на другие языки. Петр пообещал и свое обещание выполнил. Попутно он узнал, что по-русски «Voci di Roma» не существует. И позаботился о том, чтобы рассказ перевели для «Новой Польши». Не могу вообразить более прекрасного способа воздать должное этому рассказу, нежели публикация его русского перевода (ну и еще хотелось бы, чтобы на ограде кладбища возле креста поместили табличку, объясняющую его происхождение и сообщающую о том, кем он был описан, — так мне было бы спокойнее, что крест снова не исчезнет...).

Эугениуш Ткачишин-Дыцкий

Перевод Натальи Горбаневской

Стихи из книги «ИСТОРИЯ ПОЛЬСКИХ СЕМЕЙ»

І.ПРЕДИСЛОВИЕ

мотылек в траве качается и этим может осчастливить цветастый мир иль онесчастливить учитывая всё же факт что прилетает ниоткуда

отдыхает на листочках кашки с цветка на цветок но прежде всего и поныне остается неразгаданной посреди четырехлистной кашки с учетом

и того что считаются исключительно факты

IL.

в соседней комнате умирает моя мать и все ж таки она трудится думой обо мне когда-нибудь напишу на чем оно основано умирание мое и ее в темной комнате внизу

в той самой что некогда была комнатой Вандочки когда-нибудь намекну на чем оно основано ее пребывание в Чикаго на чем все это держится если держишься в темной комнате

наверху откуда шлет нам доллары и посылки и сны поврежденные за пределами страны (но уж это тема на отдельную книгу) и в пакетик из пленки упакованные прибывают в собственные руки

III.

даже сны добираются к нам поврежденными за пределами страны (очень часто нам снится пустота) и упакованными в пакетик из пленки но это уже закрытая тема

в соседней комнате умирает мать шевелится как под пленкой не вставая с постели для нее всё стало пленкой тяжкое одеяло что съехало и не хочет подняться

и даже не думает подняться из-за моего безделья развевается по ветру

ІУ.КОЛЛЕКЦИИ

дом большой чересчур большой для меня и для моей матери умирающей в постели от Аргасинской для книг напиханных в несколько

комнат и на чердак да и чердак от кого-то от Аргасинской (тут повсюду бродит ее призрак) и в каждой книге нахожу я страницу с печатью поставленной однако

V.ПЕСЕНКА О КАТАКЛИЗМАХ

список глав и круглая печать «Библиотека Ткачишиных-Дыцких из Вольки-Кровицкой» и они в высшей степени подлежат смерти с тех пор как меняются границы стран уездов

ликвидируется собственно (кроме паутины во влажном уголку) перемышльское воеводство в пользу подкарпатского и кто тут до курвы нищеты темнит хоть бы с выселением (с границами

вообще) если так и пойдет моя жизнь то подвергнется малой дестабилизации

XLVIII.

в соседней комнате умирает мать которая все ж таки трудится думой обо мне когда-нибудь напишу

на чем основано умирание мое и ее в темной комнате внизу в той самой что некогда была комнатой Вандочки

XLIX.

когда-нибудь намекну на чем основано ее пребывание в Чикаго в темной комнате наверху откуда будто больше и лучше видать потому она шлет нам посылки

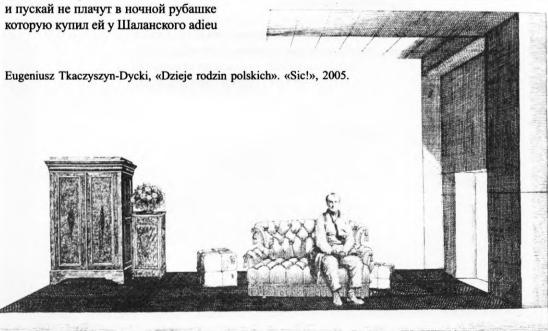
и сны поврежденные за пределами страны особенно сны добираются к нам разграбленными и упакованными в пакетик из пленки (извиняюсь что в пустой) но уж это

тема для новой поэмы в соседней комнате умирает мать и шевелится как под пленкой не вставая с постели надо эту пленку завтра свернуть вовнутрь

L дом большой чересчур большой чересчур гостеприимный для меня и для моей умирающей я пришел к ней чтоб поправить одеяло из-под которого видна

смешная маленькая девочка что больше никогда не проснется смешные маленькие палочки вместо рук и ног которые обратно вставляю

в сон пускай не потеряются пускай не загрязнятся

Лешек Шаруга

на труп

Сказать, что труп — герой стихов Эугениуша Ткачишина-Дыцкого, значит сказать одновременно слишком много и слишком мало. Едва автор, родившийся в 1962 г., выпустил свой первый сборник «Неня и другие стихотворения» (1990), как критика сразу признала его самым выразительным представителем «необарочной» поэзии. Термин этот, впрочем, вводит в заблуждение, так как «необарокко» было заметно уже у поэтов, начинавших печататься в 1960-е, и, как верно заметил Ян Юзеф Липский, один из важнейших комментаторов польской послевоенной поэзии, его можно отыскать как у большинства поэтов «лингвистического» течения, так и в лирике Александра Вата. Несомненно, интерес к барочной поэзии в последние десятилетия не перестает нарастать и находит всё новые формы выражения, что заметно хотя бы в некоторых стихах дебютантов последних лет. Поэтому неудивительно, что для некоторых младопоэтических кругов Дыцкий стал Маэстро, популярность которого продолжает расти.

Эугениуш Ткачишин-Дыцкий

Нет сомнения, что поэт наделен классическим барочным воображением, в рамках которого один из главных мотивов — «гробовые портреты», «dance macabre», смерть. Изысканная и усложненная риторика этих стихов часто использует такие приемы, как инверсия, анафора, повторы, в результате которых циклы его стихотворений становятся собраниями «вариаций на тему» с откровенно музыкальной конструкцией. С ходом времени эта лирика обращается также к современным коллоквиализмам, хотя это не означает обращения к явлениям повседневности. Этим она сигнализирует стремление к преодолению собственных стилизаторских стереотипов.

Есть в этой поэзии исключительно интересный мотив: через связь с барокко Дыцкий обращается к корням польского склада ума, к сарматскому мифу. Так происходит и — может быть, сильнее, чем в предыдущих сборниках — в его последней книге «История польских семей» (2005). Сплетение разных тем ярче всего продемонстрировано в стихотворении «Польский шляхтич Ян Трупский»:

начну же с того что фамилия равно стародавняя и неплохая как и Дыцкий настоящий украинный шляхтич во всяком случае Дыку кто-то прибавил цки

трупу кто-то прибавил ски

Это приравнивание трупа и Дыцкого, их общей смертной судьбы — довольно типичный пример этой поэзии. В нем выражается также своеобразный иронический юмор, подобно тому, как это происходит в другом стихотворении, сообщающем об утрате давних восточных территорий, откуда родом «польская семья» Дыцких — от давнего имущества уцелела только рукопись Деотимы, польской поэтессы XIX века:

она у меня и по сей

день вопреки национализации советизации декоммунизации американизации макдональдизации модернизации канализации если так и далее пойдет моя жизнь подвергнется пауперизации

Такого рода шуточки стоят рядом с отстранением от современности, но и, что мне кажется более важным, от собственного поэтического искусства.

Ханна Кирхнер

ВЛАДИСЛАВ ХАСЁР, БЕЗУМЕЦ ВООБРАЖЕНИЯ

В Щецинском порту стоит оригинальный памятник. Это стая фантастических птиц, которые, однако, не летят, а движутся вперед на высоких железных колесах, как на старинных велосипедах. Автор этой скульптурной композиции -Владислав Хасёр. Этот же мотив он развил в памятнике «Тем, кто боролся за свободу и польскость Поморья», установленном в Кошалине. Скульптура пред-

ставляет собой когорту боевых машин-орлов, летящих по мостовой с карабинами и сельскохозяйственными инструментами наизготовку. Памятник проиграл в схватке с историей: законченный незадолго до августовских забастовок и возникновения «Солидарности», он не был ни официально открыт, ни представлен в средствах массовой информации.

Летом прошлого года в варшавском Национальном музее была открыта ретроспективная выставка Владислава Хасёра (1928-1999), одного из крупнейших польских художников ХХ века. Выставка была посвящена творчеству скульптора, который, как никто другой из современных ему художников, вызывал необычайно сильные эмоции, от ненависти до восторга, и притягивал толпы. Выпускник знаменитого лицея в Закопане, известного как «школа Кенара»*, учеником и последовате-

Владислав Хасёр в своей мастерской

лем которого он был, Хасёр закончил Академию изящных искусств в Варшаве по специальности скульптура.

Поиски своего пути в искусстве Хасёр начал с экспериментов в керамике. Он выбрал этот материал и оригинальную, но трудоемкую форму барельефа в круглых чашах, чтобы изобразить стояния Христа на Крестном пути. Это была его дипломная работа, выполненная для костела в родном городе

художника Новом-Сонче. Однако уже вскоре, в конце 1950-х, он начал создавать композиции из разных материалов, соединяя керамику с проволокой и стекло с проволокой.

Это было время так называемой оттепели после «польского октября» 1956-го, когда в Польше закончился период абсолютного сталинизма, а вместе с ним и обязанность подгонять себя под соцреалистический канон. Появился доступ к западному искусству, вернулось право на эксперимент в творчестве. Покровителем современного искусства был Пикассо, торжествовал абстракционизм. В 1959-1960 гг. Хасёр совершил большое художественное путешествие по Франции и Италии. В Париже он посетил мастерскую выдающегося скульптора Осипа Цадкина, который увидел величие в молодом художнике и рекомендовал его министру культуры Франции Андре Мальро.

Однако современное искусство, которое Хасёр наблюдал на парижских выставках, его не соблазнило, он больше учился у старших мастеров в соборах и музеях Франции и Италии — стран, которые он исколесил на мотоцикле. Когда он вернулся в Закопане и стал преподавателем скульпту-

^{*} Антоний Кенар (1906-1959), выдающийся скульптор и художник-прикладник, профессор, директор Государственного лицея изобразительных искусств в Закопане. В своем творчестве соединял элементы народного искусства с т.н. формизмом.

ры в своей старой школе, его необузданное воображение начало порождать новаторские, ни на что не похожие произведения. В Польше он был первым, в европейском искусстве сближался с сюрреалистами, его замыслам были близки скульптурные опыты Пикассо, мобили Калдера, коллажи кубистов, композиции Макса Эрнста и Курта Швиттерса. Ближе по времени, но культурно иной, поп-арт искушал про-

ведением аналогии, так как оперировал обыденным предметом, однако изобразительный мир Хасёра был совершенно особым. Он создал как бы личные жанры в искусстве, которые, возможно, надо называть «хасёрами».

Свои композиции — фигуры и картины, которые так назвать можно только условно, — он составлял из готовых предметов или их частей, а также из урбанистических материалов: стекла, проволоки, жести, бумаги, фольги, тканей, даже волос и меха, а также из недолговечных продук-

тов — хлеба и мыла. Он использовал испорченные, использованные вещи, потому что в них сохранилась запись о человеческом существовании, память о человеке, время и история. Поэтому они представляли собой материал в высшей степени символический, наделенный волнующей выразительностью. Предметы Хасёра напоминают натюрморты разрушенных городов, «пейзаж после битвы», катастрофу цивилизации. Это эпитафия. Мертвые, сломанные вещи рассказывают о жизни и смерти человека.

Хасёр переводит на язык изобразительного искусства поэтическое

действие, воплощает в материи метафоры, извлекает значения из соседства, ассоциаций и изменений функции материала. Вилки хранят в себе память о своей практической функции, но, уложенные в орнамент, становятся формой и цветом, как и стеклянные блюдца-цветы на проволочных стеблях. Человеческие волосы в картине становятся во-

Предварительный проект намятника «Тем, кто боролся за свободу и польскость Поморья». Кошалин, 1977

допадом, лесом, но и напоминанием о загубленной жизни, останками, которые пробуждают страшную лагерную память. Такой же эффект производит Ниобея торс из мыла, привязанный к стулу.

Хасёр бьет стекло, калечит жесть; его материя страдает, кричит. Каждым своим произведением художник создает драму, запускает мгновенный спектакль, который рождается

из напряжения между зрителем и произведением, из шока восприятия и воображения. Изобразительный театр Хасёра — это серия драм, где актерами становятся его композиции. Драма разворачивается и внутри произведения, между его элементами. Художник становится сценографом и режиссером, его театр, как шекспировский, мог бы называться «Глобус». Хасёр как будто творит вселенную искусства. Он нанимает себе в актеры звук, свет, движение, стихии огня, воды, земли, ветра, как, например, в памятниках или в композиции

«Черный пожар». Это детская коляска, наполненная землей, из которой «растут» крестики и горящие свечи — символ колыбели и могилы одновременно, свет рождения и траурного огня.

Художник соединяет в своих «ассамбляжах» опыт современного искусства и традиции, прежде всего сакрального искусства, и не только самого близкого ему, христианского, — он ищет вдохновения и в верованиях других культур. Он охотно обращается к фольклору, к наивному искусству. Из этих источников он заимствует не одни

источников он заимствует не одни только формы, которые ассоциирует с темами современного мира: дарохранительницы, придорожные часовенки, фетиши, тотемы. Черпает он вдохновение и в универсальных
мифах, культурных архетипах, возрождая драмы
Икара, Ниобеи, Офелии, Голгофы. Магию и сакральность этих знаков он стремится перенести в
искусство, возвысить его, вознести над букваль-

«Голубое трио»

ностью и сиюминутностью действительности. Резкая, часто жестокая выразительность его произведений соседствует с лирической задумчивостью и тайной. Хасёр придает форму приснившимся фантазиям, задает метафизические вопросы. Способен он и пошекспировски соединить трагизм и темную, мрачную тональность своих произведений с юмором, поэтической шуткой, ост-

роумием и радостью неожиданных сопоставлений, гротеском и сатирой.

В поиске новых форм он создавал картины на ткани или поразительные «Знамена». Вдохновлялся он национальными знаменами, церковными хоругвями, боевыми и гербовыми эмблемами, гобеленами. Тут он изменил палитру, ввел живые

цвета, богатый орнамент, барочную пышность украшений, вышивку и кружева — и провокационно соединил их с заурядными предметами современности. Возвышенность, культ пышности ведут в «Знаменах» спор с пошлостью и деградацией знаков массовой культуры. Спор запутанный, двусмысленный, так как высокое и низкое тут часто меняются местами. Излюбленная художником театральность и в этих произведениях нашла свое выражение: некоторые из них многослойны, «мно-

гокартинны». Свои «Польские ткани», как он их сам называл, Хасёр вводил в открытое пространство, в самую гущу людей, организовывал «процессии» со «Знаменами», которые несли горцы в национальных костюмах либо пожарные, как, например, на «празднике яблони» в Лонцке. Он создавал людское зрелище, массовый хепенинг.

Третьей областью художественных открытий Хасёра стали памятники — дело трудное, ибо они были скованы требованиями партийно-государственной власти. Мечта художника «разжигать

Процессия со «Знаменами» Хасёра

воображение» и устраивать торжественные массовые потрясения наталкивалась на желания заказчика, как правило, чуждые обществу. В памятниках Хасёра, произведениях визионерских, таилась драма несоответствия между захватывающим замыслом художника и политическим заказом единственного в то время заказчика.

В 1966 г. Хасёр за-

мыслил единственный в мире «звучащий памятник», «Железный орган», на горном перевале под Чорштыном. В стрельчатой, зубчатой конструкции должны были скрываться органные трубы, приводимые в движение ветром. Памятник был воздвигнут, но об инструментах, как это водится при социализме, не позаботились, а над-

пись «Павшим за укрепление народной власти на Подгалье» возбудила скрытое недовольство населения. Сейчас памятник разрушается.

Другой памятник, дар художника родному городу, увековечивающий расстрелянных гитлеровскими оккупантами заложников, так никогда в Новом-Сонче и не был воздвигнут. Партийные руководители сорвали его реализацию, видимо, усмотрев в монументе «ханжеский» мотив «Пиеты». Хасёр выполнил фигуры памятника в

натуральную величину для нужд телевизионного фильма о его творчестве. Тут он применил свое изобретение: скульптуры из армированного бетона отливались в земле и из нее «эксгумировались». Таким образом промышленный материал приобретал черты органического творения: истлевшей кости или разрушенной ветром скалы. «Пылающий цемент» производил удручающее впечатление человеческих останков. Из искалеченных тел пробивалось пламя, их окутывал жертвенный дым.

«Красная швейная машинка»

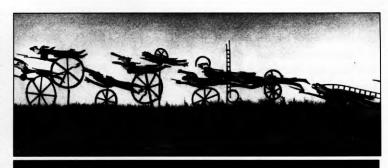
Не принятые в Польше, эти фигуры прошли триумфальным походом по Европе, собирая восторги и премии. Выполненные в той же самой технике огромные фигуры «Голгофы» были воздвигнуты в 1971 г. в Монтевидео, «Эксгумированный» — в Буэнос-Айресе, а «Пылающая Пиета» — в музее Луизиана под Копенгагеном в 1972-м. Результатом выставки Хасёра в Стокгольме стало предложение создать группу скульптур на

открытом воздухе в пригородном Сёдертале. Так возникла «Скандинавская колесница» (1972-1976), группа отлитых в земле бетонных коней, танцующих на склоне у входа в порт. Это была конфронтация художника с извечным монументальным мотивом. Он создал коней, свободных от наездника, как правило военного, коней сказочных, мифологических; колесница Викингов — это едва лишь кон-

тур на траве. Из хребтов животных вырывается огонь («огненные кони»!).

Хасёр оставил несколько проектов памятников из стекла. Это один из его любимых материалов. Он неустанно проверял своеобразную «философию» и драматичность стекла, возможности и ловушки его взаимопроникновения с пространством, иллюзию прозрачности, геометрию пересечений со светом, угрозу и крик нарушенной структуры. Он создал несколько картин на листах стекла и в пробитых в нем брешах. Это композиция, висящая в воздухе, обломки, торчащие в раме, наводят на мысль о драме «пробоя» на другую сторону. Долго можно перечислять примеры

его диалогов со стеклом, многозначности стеклянных метафор. Один из стеклянных памятников дол-

Памятник «Тем, кто боролся за свободу и польскость Поморья». Кошалин, 1977

жен был возникнуть в 70-х годах в центре Вроцлава, но инертность властей разрушила этот замысел. «Кристальные памятники» остались дерзкой мечтой художника, который жаждал примирить в них огонь и воду, вместить цвет, свет, пейзаж, времена года... Замысел тотального искусства? Как всегда у Хасёра.

Памятник «Павшим за укрепление народной власти на Подгалье». 1966

В те времена, когда любое творчество находилось под постоянным идеологическим контролем, в мастерскую Хасёра тянулись паломничества художников, писателей и почитателей поисков в искусстве. Это была постоянная выставка его произведений и место свободных, страстных дискуссий. Хасёр выставлял свои произведения и пользовался успехом во многих странах, особенно его ценили в скандинавских государствах. Он выставлялся также в Англии, Ирландии, Франции, Германии (престижные выставки в Бохуме), на Венецианском биеннале в 1970 г., участвовал в многочисленных выставках польского искус-

ства по всему миру. Зимой 1988/1989 гг., во время перестройки, в Центральном доме художника при

Третьяковской галерее состоялась крупная выставка его работ. Выставка была горячо принята, несколько работ было куплено для Музея изобразительных искусств им. Пушкина, где в 1991 г. был организован второй показ творчества Владислава Хасёра.

Из Москвы вы-

ставка была перевезена в другие страны, и вместе с ней Хасёр отправился в свое последнее художественное путешествие по Европе — в Эстонию, Финляндию, Швецию, Германию, Румынию, Венгрию и Бельгию. Затем выставка была показана в полутора десятках городов Польши.

В 1985 г., после стольких лет, посвященных искусству, и жизни в стесненных условиях, художник наконец получил помещение для своего художественного наследия — авторскую галерею в Закопане, отдел Татранского музея. Он превратил ее не только в постоянную экспозицию своих работ, волнующую необычайной атмосферой, царящей внутри, но и в место показа работ молодых польских и зарубежных художников, а также выступлений экспериментальных театров.

Впрочем, он всегда активно участвовал в художественной жизни Закопане, устраивая там, в частности, всепольские фестивали фильмов об искусстве. Будучи много лет беззаветным преподавателем скульптурного мастерства, более того — изобразительного восприятия в «школе Кенара», он также некоторое время читал лекции во вроцлавском Высшем художественном училище. Кроме того, во Вроцлаве он был сценографом в Польском театре и в 1971 г. создал эскизы необыкновенных декораций и костюмов к двум спектаклям, что логически вытекало из органической театральности его искусства. В том же 1971 г. он создал коллекцию деревянных скульптур и инсталляции к фильму Войцеха Соляжа

«Призвание» о непонятом деревенском художнике, награждая того великим и оригинальным талантом, как будто это был его неизвестный брат.

В том же году он начал собирать свою внушительную коллекцию слайдов, документальное свидетельство об искусстве памятников в Польше и

Европе, различных художественных знаках, сопутствующих общественной жизни, а также о непосредственных и простонародных способах украшения людьми своего жилья и окружения. Все это он называл «уездным искусством».

О Хасёре сняты многочисленные фильмы и телерепортажи (польским и зарубежным телевидением), написаны книги и бесчисленные статьи, изданы альбомы. Он оставил после себя произведения, выражающие редкую в нашу эпоху патетическую веру в искусство и его предназначение. Протест против беззаконий современного мира он выражал в гневной ярости, в вызывающих содрогание, часто жестоких образах, но в то же время и в иронической отстраненности, сатирической издевке, скептической ереси. Он создавал свои произведения из элементов и знаков культуры, как делал это в своей поэзии Т.С.Элиот, и вложил в них своеобразный диагноз современности, ее низкопробной, газетной и пластиковой бренности, а одновременно подметил в ней извечную потребность фетишизации, мифотворчества и сотворения кумиров. Его увлекали обыденные проявления этого в фольклоре и киче.

Искусство Хасёра — универсальное в том, что оно в себе несет, и до глубины, неизлечимо польское в своей материи и вписанном в нее историческом опыте. Новаторское, разрушительное, но глубоко укорененное в традиции. В богатстве значений и художественных открытий оно остается недосягаемым.

Автор — известный историк литературы, многократно писала о творчестве Владислава Хасёра. В издательстве «Роснер и К^о» недавно вышла ее монография о художнике.

Наталья Ворошильская

хлебников, по-новому открытый

Не так давно в эфире Польского радио я услышала слова председателя Варшавского отделения Союза польских писателей о том, что «русская литература не существовала в нашей стране добрых полтора десятка лет» и что ее ликвидировали по политическим причинам. При этом он вовсе не имел в виду существовавших в ПНР цензорских запретов на писателей, запрещенных в СССР, и на их польских переводчиков. Отнюдь — речь шла о жутких годах после 1989-го, названных коллапсом. Такая точка зрения нередко появляется в СМИ, ее бездумно повторяют многие журналисты. Между тем в Польше всегда был круг писателей и переводчиков, которым удавалось — даже в рамках официальных возможностей времен ПНР — издавать важные и ценные вещи, не говоря уже о том, что были издатели, печатники, распространители, которые не без риска выпускали в подполье многие книги русских писателей. Никто в Польше от русской литературы не отворачивался. Зато после 1989-го действительно было трудно заново создавать цепочку связей, основанную не на командной системе, а на действительных интересах и ценностях. Оживление в русско-польских связях — это возвращение к

Велимир Хлебников рис. Давида Бурлюка

нормальности, расшатавшейся отнюдь не в 1989 году. И говорить надо не о «новом взгляде» (под таким девизом представляли Россию на прошлогодней Международной книжной ярмарке в Варшаве), а о непрерывности и продолжении.

Яркий представитель этой непрерывности — Адам Поморский. Он принял эстафету из рук своих предшественников (с особым почтением он всегда говорит о Северине Полляке как своем учителе [статью Поморского «О Северине Полляке см. «НП», 2001, №12]) и не с сегодняшнего дня работает над все новыми книгами, в которых — как переводчик или исследователь литературы — представляет творчество русских авторов. Подходящим случаем для этого оказался прошлогодний Русский сезон в Польше, который — кроме крупных проектов культурного обмена — принес и книги. Одна из них — том Велимира Хлебникова «Рыбак над морем смерти».

Поморский занимается Хлебниковым, своим, как он признался в одном из интервью, самым любимым поэтом, уже двадцать с лишком лет. До него Хлебникова переводили Северин Полляк, Анна Каменская и Ян Спевак, а также Леон Гомолицкий и Арнольд Слуцкий. Сам он уже издал небольшой сборник его стихов в 1982 году.

Хлебникова переводили на многие языки. Роман Якобсон считал его величайшим в мире поэтом XX века. Исследователям и переводчикам всегда было трудно справиться с его текстами. Прижизненные издания, а довольно долго и посмертные, опирались на черновики, нередко ошибочно прочитанные, случайно подобранные. Столетие со дня рождения поэта в 1985 г. дало импульс многочисленным публикациям, сборникам стихов, трудам русских и зарубежных исследователей творчества Хлебникова. В 2000 г. в Москве начало выходить шеститомное издание полного собрания сочинений. Время, когда имя Хлебникова замалчивали, уже ушло в прошлое. В Астрахани, в доме, где жила семья поэта, открыт его музей.

Нынешний том Поморского охватывает лишь часть наследия великого визионера. Вышел он, правда, первым, но хронологически охватывает более поздний период жизни поэта (том произведений

более раннего периода, 1904-1916 гг., наверное, нас еще ожидает). В согласии с подзаголовком «Стихотворения и тексты. 1917-1922», в книгу, кроме стихов, вошли прозаические отрывки, литературные манифесты, письма. Творчество Хлебникова в этот период, начавшийся Февральской революцией, а закончившийся смертью поэта, Поморский характеризует так: «Это свидетельство постоянно крайне личное, но связанное с общими судьбами, полное страсти, страдания и сострадания одновременно, внимательное к конкретному, к деталям действительности — которые фантасмагорически разрастаются в восторге и ужасе, свидетельство, достойное Иеронима Босха с его видениями и апокалиптической иронией. Между тем как в кровавом и гротескном хаосе тех времен у многих поэтов отнялся язык, эта запись рукой странного, внутренне запутанного, гениального, погруженного в себя лирика, — поражает прозорливостью». Поморский делит этот период на три части: 1917-1919, 1920-1921 и 1922 — и каждую из них снабжает комментариями и примечаниями, а вся книга предварена словом «От переводчика». Подробные примечания, с одной стороны, затормаживают чтение книги, потому что нет почти страницы без сносок, а нередко — и нескольких; с другой же — не надо забывать, что без этих примечаний читать вовсе не было бы легче. Поморский отсылает к реалиям эпохи, указывает литературные, философские и биографические контексты, разъясняет лингвистические, историософские и математические концепции Хлебникова (например концепцию повторения волн истории).

«Говорят, что стихи должны быть понятны. Так... [вывеска на улице], на которой ясным и простым языком написано: «здесь продаются...»...но вывеска еще не есть стихи. (...) ...волшебная речь заговоров не хочет иметь своим судьей будничный рассудок». В согласии с этими словами самого Хлебникова чтение его произведений не просто. Но Поморский, будучи сам сначала проницательным читателем, а затем старательным переводчиком, делится взятым на себя трудом понимания. Можно даже сказать, что благодаря этим примечаниям и комментариям мы получаем по сути три книги в одной обложке — избранные произведения, материалы к биографии и материалы к анализу творчества. С другой стороны, нет необходимости пользоваться примечаниями, если кому-нибудь это помешает погрузиться в ту сосредоточенность, с которой надо читать Хлебникова. И можно поддаться магии его волшебной речи — которая остается волшебной и в переводе Поморского — совершенно отдельно, а все дополнительные сведения изучать не в ходе чтения, а после. Можно даже читать часть примечаний как отдельный текст, стараясь сложить из них биографию поэта.

По мнению Евгения Евтушенко (в «Строфах века»), «сегодня Хлебников перестает быть поэтом только «для производителя» и в душах многих читателей поэзии — вовсе не профессиональных литераторов — живет Хлебников, попавший даже на экран телевидения. Этот дервиш, называвший себя Председателем земного шара, никогда не изменял поэзии и оказался, хотя и запоздало, награжденным любовью читателей». На польской почве книга Поморского несомненно станет неоценимым шагом Хлебникова к читателям.

В русском Интернете я нашла отчаянный призыв полуторалетней давности, который напоминает нам, что любовь читателей недостаточна для функционирования: «Музею Хлебникова срочно нужна помощь. Единственному в мире музею-квартире великого поэта-футуриста Велемира Хлебникова нужна срочная финансовая помощь для неотложного ремонта». Видно, музей сталкивается с такими же бедами, с какими при жизни сталкивался поэт. Он умер в болезни, нищете и забвении.

Тем больше радует, что в Польше нашлись средства на эту книгу, прекрасно выпущенную Научнолитературным издательством ОПЕН (2005), хорошо обдуманную с графической и полиграфической точки зрения, в чем, думаю, большая заслуга Фонда новейшего польского искусства Петра Новицкого, который оказал изданию финансовую поддержку в рамках проекта «Варшава — Москва/Москва — Варшава. 1900-2000».

Еще одна забавная деталь. В самом конце, уже после оглавления, помещено двустишие Даниила Хармса — правда, по-русски, но тут отсутствие примечания, комментария и даже перевода никому не мешает:

Ногу на ногу заложив Велимир сидит. Он жив.

Такое и у меня впечатление после прочтения книги «Рыбак над морем смерти».

Юзефа Хеннель

НЕВДАЛЕКЕ ОТ ЯСЛЕЙ

Книга, изданная в конце Адвента (литургического времени приготовления к Рождеству, соответствующего православному рождественскому посту. — Пер.), оказалась истинно рождественским подарком. Как и полагается подарку, это был радостный сюрприз, хотя в первое мгновение он мог показаться письмом из далекой дали. Богослов-мирянин Иренеуш Цеслик написал об истории Оптиной пустыни — духовного центра России XIX века. До сих пор мы не слишком хорошо знакомы с этой стороной православия — это подтверждает хотя бы приведенный Цесликом факт, что в «Католической энциклопедии» Люблинского католического университета нет статьи ни об одном оптинском старце, даже о таком известном, как канонизированный православной Церковью в год 1000-летия крещения Руси Амвросий. Между тем место, где находилась бывшая (возрожденная сегодня) пустынь, связано с нами, пожалуй, даже слишком болезненно: после разорения и разгона монастыря советская власть устроила там тюрьму, в которой в 1939 г. разместили поляков, ставших вскоре жертвами катынского расстрела. Но у нас этих двух вещей никто не связывает. Глаза на это открывает лишь книга Цеслика, показывающая лицо русского православия в его захватывающей тайне, которая на первый взгляд очень далека от нас и настолько непохожа на то, к чему мы привыкли, что трудно найти к ней ключ.

Подумать: огромный монастырь, сельскохозяйственное производство, сотни, а может, и тысячи паломников. И стоящий в лесу скит, а в нем человек, в чью бедную хибарку терпеливо стучатся люди, желающие поговорить о своей жизни. Это мудрец — как правило уже больной, удрученный многолетним умерщвлением плоти, иногда прикованный к постели, но в то же время способный оказать духовную поддержку, утешить или рассудить. Это человек недюжинного ума, ученый, дающий подчас самые простые советы, которые люди выслушивают с глубоким доверием. Позади у него долгие годы покаяния и молчания. Он живет, творя непрестанную молитву. Тайна его

авторитета заключается в мистическом опыте, сочетающемся с тяготами физического и умственного труда. Это целый институт — уважаемый, поддерживаемый, окруженный благоговением и в то же время проходящий испытание повседневностью с первых дней его существования. Автор знакомит нас со все новыми старцами (совсем необязательно пожилыми), с их богатыми биографиями, характерными особенностями, а также с чертами, вызывавшими споры и даже возражения (например, излишняя снисходительность старца Моисея, говорившего, что он «хуже всех»). Создается впечатление, что каждый из этих удивительных людей был для своих современников даром — даром распознанным, к которому многие желали прикоснуться. Уходя, каждый из них уносил в могилу тайну своего призвания. Сегодня можно возвращаться к сохранившимся свидетельствам — остались воспоминания современников, письма самих старцев. Когда читаешь их, в какойто момент начинает казаться, что мы встречаемся на одном пути. Ведь молитва Иисусова, ставшая каноном мистики старцев, поразительно похожа на звучащую в краковских Лагевниках молитву сестры Фаустины. Книга рассказывает нам о святых людях, ищущих только Бога, и о жажде Бога, движущей тысячами людей, которые приходили в пустынь. Так может (хоть этого и нет ни на одном изображении), Оптина пустынь была расположена невдалеке от пещеры Рождества, которая вовсе не обязательно должна напоминать заснеженный гуральский вертеп?

В предисловии к своей книге Иренеуш Цеслик цитирует французского православного мыслителя Оливье Клемана, который, размышляя об институте русского старчества, нашел к нему свой ключ. Клеман написал: «На Востоке любят старость, ибо считают, что она дана для молитвы (...) Цивилизация, в которой люди уже не молятся, — это цивилизация, в которой старость лишена смысла». Пессимистический с виду, этот ключ открывает перед нами более чем обнадеживающую перспективу.

TVCODNIK POWSZECHNY

Агнешка Клёх

воробей — птица редкая

или Что птицы знают об аграрной политике

Представим себе прогулку летом в сельской местности: вот идем мы полевой тропинкой сквозь бескрайнее море созревших хлебов, монотонность которых время от времени разнообразят алые маки и синие васильки. Минуем заросшие кустами межи и маленькие водоемы посреди полей, откуда по вечерам доносится громкое кваканье лягушек. Иногда тропинка увлекает нас в тень придорожных зарослей, наполненных птичьим гомоном. Впрочем, птиц тут полно везде, даже городской житель сможет распознать жаворонков, трели которых слышны над полями, и аистов, с достоинством вышагивающих по мокрым лугам.

А если на такую прогулку выйти не в Польше, а где-нибудь, скажем, в южной Англии, то будет ли заметна разница, и если да, то какая? Первым делом в памяти возникают опрятные маленькие домики из серого камня и старательно подстриженная живая изгородь, разделяющая поля. Вероятно, вскоре до нас донеслось бы блеяние овец. Поля здесь несколько больше, чем те, к которым привыкли мы, а вот деревьев поменьше. Но дело не в этой разнице. Если бы мы остановились и прислушались к голосам вечерних сумерек, то услышали бы лишь тишину. В Англии, в отличие от восточной части Европы, птицы в сельском пейзаже — явление весьма редкое, а точнее — здесь трудно увидеть каких-либо иных птиц, кроме голубей и сорок. Так что, пожалуй, можно посочувствовать островитянам, которые лишены радости слушать по вечерам пение соловьев и глазам которых непривычен неповторимый вид журавлиной стаи или перелетных гусей в небе.

Возможно, так же думали и британские чиновники, которые устанавливали критерии, определяющие стандарт жизни граждан. Большинство этих критериев — показатели экономические: в расчет принимается низкий уровень безработицы и высокий уровень заработков, доступность социальных услуг или просвещения. Но когда основные материальные потребности удовлетворены, о качестве жизни свидетельствуют иные факторы. К ним относится окружающая среда, в которой человек живет: приятней и полезней для здоровья жить среди дикой природы и в чистой местности. Однако как определить, насколько местность «чистая», а природа «дикая»? Потребовался соответствующий показатель, определяющий состояние окружающей среды и учитывающий — лучше, если в совокупности — такие элементы, как чистота воды и воздуха, богатство природы, структура пейзажа. Оказалось, что этой задаче прекрасно отвечают птицы. Вопервых, за ними легко наблюдать, и для этого не требуется ни специальной аппаратуры, ни длительных исследований. Достоверную информацию о видах птиц, обитающих в данной местности, можно получить, проводя подсчеты всего один раз в год, весной (то есть в период гнездования), в одних и тех же определенных местах. Сопоставление этих данных за многолетний период наблюдений позволяет зафиксировать изменения в численности птиц, то есть выявить тенденцию. Во-вторых, птицы питаются разной пищей: зерном и другими растениями, насекомыми, рыбами. Благодаря нашим наблюдениям за пернатыми мы узнаем одновременно о тех изменениях, которые происходят среди других организмов: если уменьшается численность насекомоядных птиц, то это может говорить о том, что происходит что-то неладное с насекомыми. Кроме того, большинство видов птиц весьма тщательно выбирает места гнездовья и если не найдет подходящего места, то может вообще не вывести потомства — таким образом, изменения в численности свидетельствуют и об изменениях в местах обитания птиц — биотопах.

В Великобритании тенденция в изменении численности птиц, относящихся к распространенным видам, стала одним из пятнадцати основных показателей благополучия, регистрируемых с 1970 года. За этот период в данном показателе отмечались определенные колебания, и, собственно, установить, происходили ли эти изменения в одном определенном направлении, невозможно. Однако если присмотреться в отдельности к каждому виду птиц, обитающих в сельской местности, то окажется, что их численность за последние тридцать лет уменьшилась почти вдвое. Опасность нависла даже над обычными и так называемыми полевыми воробьями (они очень похожи на обычных воробьев, с которыми

большинство людей их путает) — а ведь вряд ли можно представить себе птичку, более распространенную, чем эта. Почти то же самое происходит с жаворонками, перепелками, куропатками. Эта проблема появилась и в других странах Западной Европы, причем касается она как промышленно развитых стран, например Голландии, так и тех стран, которые ассоциируются обычно с дикой природой, как Швеция или Испания. Зато в Центральной и Восточной Европе, то есть в бывших социалистических странах, снижение численности невелико, и такой проблемы, как нам представляется, не существует. Неужели же птицы, в поисках удобных для них биотопов, руководствуются политической картой мира?

Поиски причин, естественно, начались в другом направлении. С этой целью были предприняты масштабные исследования и оказалось, что существует тесная взаимосвязь между разнообразием видов птиц и тем, как ведется сельское хозяйство, а точнее — его интенсивностью.

Когда после II Мировой войны страны Западной Европы начали восстанавливать сельское хозяйство, его превратили в современный, механизированный сектор экономики. Важную роль сыграл опыт пережитого во время войны голода — и чтобы обезопасить себя от его повторения, страны старались создавать значительные продовольственные резервы. Огромное внимание уделялось увеличению объемов сельскохозяйственной продукции. Это стало возможно благодаря применению новых технологий. В массовом порядке использовались минеральные удобрения, инсектициды и гербициды. Было сокращено число возделываемых культур, выращивались лишь самые производительные, специально выведенные сорта. Внедрение машин значительно ускоряло и облегчало работу, но одновременно оно потребовало увеличения размеров полей, чтобы на них более свободно могла маневрировать техника. Как эти, так и другие мероприятия привели к интенсификации сельского хозяйства и огромному росту объема сельскохозяйственного производства, а это — как впоследствии оказалось — не замедлило сказаться на жизни популяций птиц, веками заселявших сельские районы.

Когда последствия этих изменений стали заметны — а о них свидетельствовало снижение численности или просто исчезновение некоторых видов птиц, — начались интенсивные исследования. Значительная часть этих исследований была проведена учеными из британского Королевского общества охраны птиц. В результате выявилась прямая зависимость между преобразованиями в сельском хозяйстве и снижением численности птиц, обитающих в ареалах, где есть сельскохозяйственные угодья. Эти птицы на протяжении сотен лет селились и жили рядом с людьми, они настолько приспособились к сельскохозяйственному пейзажу, что он стал для них естественной средой обитания, и теперь они уже не могут функционировать в другом месте, так как именно здесь они получили навыки по удовлетворению всех своих потребностей. Например, зерно было для птиц привлекательным и обильным источником питания, особенно если оно складировалось в доступных для них местах, или списывалось на потери и оставалось в поле, как например, растущее на межах или просыпавшееся во время уборки. Все изменилось после того, как в сельском хозяйстве стали использовать машины и применять новые способы хранения урожая, что заставило птиц искать альтернативные источники питания. Не самым лучшим образом складывалась ситуация и для пернатых, питающихся насекомыми. Им в свою очередь повредило массовое применение инсектицидов, от которых, наряду с вредителями, погибали и все виды беспозвоночных, которыми питаются птицы. Серьезной опасностью стали также изменения в календаре полевых работ. В современном сельском хозяйстве место яровых заняли озимые, так как зерно, засеянное осенью, весной прорастает раньше и собирать его тоже можно раньше. Однако для птиц, которые гнездятся на земле, требуется невысокая растительность, а в период выведения птенцов озимые уже настолько высоки, что птицы свить гнездо не могут.

В сравнении с западными соседями Польша — это просто рай для птиц. В целом за последние несколько десятков лет в нашей стране зафиксировано более четырехсот видов птиц, причем половина из них выводила птенцов здесь же. Среди видов, численность которых за последние четверть века снизилась, трудно выделить группу, связанную с какой-то конкретной средой. Сюда входят как птицы, обитающие в водной и болотной среде, так и хищные, лесные и полевые. Единственная вероятная причина этого — исчезновение крупных беспозвоночных: всевозможных жуков и кузнечиков, — а к этому привело химическое загрязнение почвы вследствие интенсивного использования минеральных удобрений. Более того, оказалось, что птицам, живущим в непосредственном соседстве с человеком, меньше угрожает опасность снижения численности. Это происходит потому, что в городах, деревнях и на полях у птиц достаточно пищи, и люди их, как правило, не беспокоят, а присутствие некоторых видов пернатых, например, аистов или ласточек, в сельских усадьбах и подворьях просто приветствуют.

Благоприятные для птиц условия в польском сельском пейзаже связаны со спецификой ведения сельского хозяйства. В отличие от западноевропейских крупных специализированных ферм, в Польше преобладают небольшие частные хозяйства; их почти два миллиона, а площадь их обычно составляет около 10 гектаров. По-прежнему доминирует традиционная модель ведения сельского хозяйства: в каждом хозяйстве можно встретить довольно большое разнообразие культур, возделываемых на небольших участках земли, машины используются мало, часто наряду с растениеводством крестьяне занимаются и животноводством. Треть всех крестьянских хозяйств занимается животноводством только для удовлетворения собственных потребностей, а шестая часть от общего числа крестьян вообще не занимается сельским хозяйством и уходит на поиски работы в города или же занимается иным видом деятельности — например, агротуризмом, который в последние годы стал особенно популярен.

Однако это положение, возможно, изменится в самое ближайшее время, ибо Польша, как член Евросоюза, участвует в программе единой аграрной политики ЕС. Начало ее было положено в 1960-е годы, когда в странах тогдашнего Европейского экономического сообщества был создан общий рынок сельскохозяйственной продукции. Затем благодаря дотациям на закупки и защите от импорта цены на сельскохозяйственные продукты постепенно выравнивались и удерживались на уровне значительно выше мировых. Такая политика привела к перепроизводству продовольствия, что повлекло за собой необходимость строгих ограничений в реализации определенных продуктов и уменьшения доплат. Дело дошло даже до того, что в некоторых регионах крестьянам стали платить за прекращение сельско-хозяйственного производства.

В настоящее время программа единой аграрной политики ЕС, годовой бюджет которой достигает 40 млрд. евро, гарантирует сохранение цен на определенном уровне, защиту от конкуренции продуктов, ввозимых из стран, не входящих в Евросоюз, и предлагает систему доплат крестьянам. Поддерживается развитие регионов, менее развитых с экономической точки зрения, а также осуществление социально-экономических преобразований. Программа направлена на улучшение структуры сельских хозяйств, внедрение новых технологий, повышение качества продуктов и — что особенно важно для охраны природы — на популяризацию и развитие альтернативных форм сельскохозяйственной деятельности с учетом местных природных условий. Это означает, что хотя развитие сельского хозяйства по-прежнему остается главной целью нынешней аграрной политики Евросоюза, развитие это должно сопровождаться заботой о сохранении природного богатства.

Программа единой аграрной политики открывает перед сельским хозяйством Польши широкие возможности, но при этом возникает опасность для сельской природы. Нельзя исключать и того, что если в течение ближайших нескольких лет сельское хозяйство Польши станет набирать темпы и достигнет уровня его развития в странах Западной Европы, то многие распространенные в настоящее время виды птиц станут редкими. Чтобы этого не случилось, необходимо изучить факторы, оказывающие ключевое влияние на птиц, обитающих в сельском пейзаже. Предварительные исследования были проведены в прошлом году Всепольским обществом охраны птиц. Оказалось, что на численность и расселение птиц более всего влияет разнообразие пейзажа, называемое экологами «мозаичным». Речь идет о площади возделываемых культур и их размещении друг относительно друга. Чем более разнообразны поля, тем лучше для птиц. Важную роль играют также пустоши, как, скажем, заросшие межи и небольшие водоемы среди полей и даже кустарники вдоль дорог и железнодорожных путей: они-то и составляют ту самую «мозаику», которая облегчает птицам свободный выбор среды обитания. Более того, на основе полученных результатов можно сделать вывод, что если разнообразие пейзажа будет снижаться по шкале ценностей с самого высокого показателя до самого низкого, то это приведет к утрате около десятка видов птиц на каждый квадратный километр.

Итак, если мы хотим сохранить богатство видов птиц, то следует позаботиться о сохранении разнообразия пейзажа. Для этого необходимо охранять все ареалы, которые крестьяне могут считать бросовыми землями, но которые для птиц имеют ключевое значение. И, что интересно, поддержка такого рода деятельности гарантируется той самой программой ЕС, которая для птиц представляет наибольшую опасность. Ибо она включает в себя программы, в которых забота о развитии аграрного сектора увязывается с сохранением природной среды — с этой целью выделяется дополнительное финансирование для таких мест, природная ценность которых столь высока, что может превысить потенциальную выгоду от развития сельского хозяйства. Эти программы должны способствовать сохранению сельского хозяйства с его региональной спецификой культур и сохранению ценных с природной точки зрения

территорий. Они обеспечивают финансовую поддержку хозяйствам, в которых экономические интересы увязываются с требованиями охраны окружающей среды. Выплаты предусматривают компенсацию утраченной прибыли и возмещение расходов, связанных с таким способом ведения хозяйства. Такого рода деятельность, определяемая как «сельское хозяйство в согласии с природой», может касаться, например, сохранения и развития лесополос на полях, небольших водоемов, традиционного использования пастбищ и лугов или разведения местных пород скота. Полный пакет доступен лишь крестьянам, проживающим в специально обозначенных природных зонах, имеющих особое значение, например, расположенных вблизи национальных парков или заповедников. А на территории всей страны доплаты осуществляются лишь на некоторые виды деятельности, экологически безопасной.

Такие программы были с успехом внедрены несколько лет тому назад в некоторых странах Евросоюза. В Англии с большим успехом был осуществлен проект восстановления мест гнездовья огородной овсянки — маленькой полевой птички, которой еще совсем недавно на острове насчитывалось всего несколько пар. В настоящее время на специально оборудованных фермах насчитывается уже почти несколько сот особей данного вида, и похоже, что огородная овсянка надолго вернулась на поля Англии. Отсюда вывод: можно возделывать землю в согласии с природой, и это приносит ожидаемые результаты. И хотя в старой пословице говорится, что поляк задним умом крепок, тем не менее следует надеяться, что на сей раз все будет по-другому. Польская природа, со всем ее разнообразием и богатством, представляет собой ценность не только для нашей страны, но и для всей Европы. Поэтому сохранить ее в самом лучшем состоянии — наш долг и вклад в достояние объединенной Европы.

Благодаря единой сельскохозяйственной политике в Великобритании удалось восстановить популяцию огородной овсянки. Это хорошая новость. Плохо то, что правительство Великобритании, председательствовавшей в Евросоюзе во втором полугодии 2005 г., потребовало ограничить расходы на единую сельхозполитику. Прежде всего это коснулось бы Польши и других новых стран-членов ЕС.

В конце прошлого года в Европе шли ожесточенные бои за бюджет ЕС на 2007-2013 годы. Правительство Ее Величества предложило сократить бюджет. Против этого выступила сначала одна Польша, а впоследствии к ней присоединились и другие европейские государства. По их мнению, правительство Тони Блэра руководствовалось национальным эгоизмом, а ведь в основе Евросоюза лежит идея солидарности не только в распределении денег, но и в желании выровнять уровень жизни или защиты окружающей среды, что сами британцы признали важным показателем жизненных стандартов. После многочисленных напряженных встреч, на которых заключались различные союзы (сиюминутные и более долгосрочные), в ночь с 17 на 18 декабря был достигнут компромисс. Великобритания отказалась от части льгот по уплате взносов в общеевропейскую казну, а другие страны-члены ЕС несколько умерили свои финансовые притязания.

Оказалось, что национальный эгоизм можно слегка ограничить во имя общего блага. Это несомненный успех польского премьер-министра Казимежа Марцинкевича, который проявил неуступчивость и сумел убедить партнеров в том, что солидарность не менее важна, чем чисто бухгалтерские расчеты. Довольно неожиданно возник союз Польши с Францией, наиболее заинтересованной в единой сельхозполитике, а особенно в сохранении на прежнем уровне прямых дотаций сельскому хозяйству, размер которых ставили под сомнение британцы.

Польша заинтересована не только в прямых дотациях фермерам, но и в соответствующих расходах на региональное развитие — в том числе на охрану окружающей среды.

Быть может, благодаря достигнутому бюджетному компромиссу не смолкнет птичье пение на территории новых стран-членов EC, а в странах Западной Европы можно будет вновь услышать не только голоса огородных овсянок, но и соловьиные трели.

E.P.

Александр Яцковский

МАРИАНОВО

Удочка должна иметь крючок. Крючок, с помощью которого приходской священник Ян Дзидух добывает средства, чтобы восстановить комплекс зданий бывшего здесь некогда монастыря цистерцианок, в котором ныне находится его приход, — Сидония. Красавицу Сидонию сожгли на костре как колдунью предшественники священника в начале XVII века. Отец Дзидух не только мудр, но и добр. Бедный найдет у него пристанище, голодный — помощь. Священник с уважением относится к людям, жалеет он и животных, бездомных собак и кошек. Приход этот известен, я слышал о том, что есть такой священник, еще в Чаплинеке. Население Марианова, как и других местностей на Западном Поморье, составляют те, кто приехал сюда после войны. Дома солидные, не скажешь, что очень красивые, но в зелени и цветах. Озеро, шлюз, всё еще заметные следы послевоенной разрухи — и костел. Огромный, размахом на целый город, возвращенный теперь к жизни. Костел и комплекс зданий бывшего женского монастыря ордена цистерцианок. Прекрасная архитектура, огромное пространство, памятник старины. К сожалению, разрушения очень велики, реставрация, которую пытается осуществить священник, требует огромных денег, но даже нынешнее состояние здания и та энергия, с которой он находит средства, достойны восхищения. Отец Дзидух хочет отремонтировать хотя бы половину бывшего монастырского комплекса. Монастырь, основанный в 1248 г. князем Барнимом, распространял свое влияние на Марианово и окрестности, но в 1534 г., оказавшись в протестантской среде, был закрыт. Спустя годы в нем обосновалось светское заведение для барышень из благородных семей. «Барышни» просуществовали до самой войны, а когда в 1945 г. на эти земли вернулись католики, прежний монастырь лежал в развалинах. Но постепенно жизнь возвращалась в нормальное русло, начали формироваться соседские связи. Отец Дзидух принял этот приход в 1993 году. Энтузиазм времени победоносных для «Солидарности» выборов постепенно иссяк под влиянием обрушившихся перемен,

ликвидации госхозов и сельскохозяйственных кооперативов, снижения уровня занятости на предприятиях. Быстрый рост безработицы отрицательно сказывался на отношениях между людьми, а кроме того закрывались учреждения культуры, росло потребление алкоголя. Приход, который принял священник, насчитывал 900 прихожан — жителей Марианова, которое переживало трудные времена. Он хотел, чтобы его деятельность прежде всего приносила пользу городу. Восстановление комплекса зданий монастыря цистерцианок дало и людям какие-то шансы. В деле восстановления важен был такой лозунг, который бы выделял приход, подчеркивал его уникальность. И таким лозунгом стала Сидония, сожженная как колдунья на костре, которую отец Дзидух «расколдовал» и с именем которой он теперь организует зрелища и лекции, исторические исследования. Теперь о Сидонии знают «все». Улица, на которой живет священник, носит ее имя, с ее именем он пропагандировал на конкурсе свою «малую родину». «История Сидонии, — написал он в заявке на конкурс, — легла в основу всей моей деятельности, направленной на воссоздание не только этой истории, но и истории Марианова, истории ордена монахинь-цистерцианок на Западном Поморье и следов польской культуры на этих землях».

Дворянка Сидония фон Борк жила в Марианове в 1604-1620 гг. «В юности, — цитирую я дальше отца Дзидуха, — она влюбилась в Эрнста Людвига из княжеского рода Грифитов. К сожалению, она не могла выйти за него замуж, ибо это был бы мезальянс. Вследствие этого она стала особой нервной, желчной, что и привело к тому, что позднее ее начали подозревать в колдовстве и связи с дьяволом. (...) Она была образованной, читала Священное Писание, занималась знахарством и лечением целебными травами. В 1619 г. Сидонию обвинили в том, что она «навела порчу» на княжеский род Грифитов, который в течение десяти с лишним лет вымер весь, не оставив потомков. Ее сочли колдуньей и вынесли приговор, а затем сожгли на костре в Щецине. После II Мировой вой-

ны Сидония была забыта. Прибыв в Марианово в 1993 г., я решил, хотя священнику вряд ли приличествует этим заниматься, вернуть память о Сидонии. В частности, поэтому я назвал свой проект: «Расколдовать заколдованное»».

Наряду со своей основной деятельностью, а также ремонтом здания отец Дзидух организует, а точнее говоря, создает культурную жизнь в городке. Театральная группа, которую он организовал при приходе, каждое Рождество выступает с вертепом и кукольным спектаклем. Раз в месяц священник устраивает в храме вместо воскресной проповеди представление на евангельскую тему. Театральная группа ежегодно выступает с мистерией о Страстях Господних и со спектаклем о... Сидонии.

Настоятель обладает не только благородной душой, но и смелостью. Он приглашает к себе бывших местных жителей — изгнанных после войны немцев. Дает им возможность посетить места, где они родились, увидеть эти пейзажи. На первую встречу в 1995 г. приехали 70 человек. Отец Дзидух совершил службу на польском и немецком языках, в ней участвовали и прихожане. После экскурсии по Марианово и окрестностям состоялась общая беседа. Подобные встречи проходили и в последующие годы, в частности, во время торжеств, посвященных 750-летию Марианова. Приходский хор выступал в Германии с концертом колядок в евангелическом приходе в Ренкуне, там же был показан и вертеп. Немцы, в свою очередь, тоже приезжали в Марианово. Приглашают их и на пленэры, проводимые Союзом польских художников. В этом мероприятии принимают участие польские художники из разных городов Польши. Отец Дзидух стал инициатором пленэра с участием школьников из Щецинского художественного лицея. Средства, поступившие от аукциона картин, были предназначены на восстановление монастыря. Картины, написанные во время пленэров, пополняют галерею, организованную в отремонтированной части бывшего монастыря, а репродукции самых удачных картин печатают в ежегодно издаваемых календарях. Каждая семья получает такой календарь в подарок на Рождество.

Откуда берутся на все это деньги? Настоятель находит спонсоров — думаю, что Сидония тоже ему помогает. Сюжет о ней появился и в торжествах по случаю 750-летия Марианова, инициатором которых тоже стал стец Дзидух. В связи с торжествами были изданы исторический очерк «Марианово», путеводитель, открытки. Переиздана имеющая важное значение для прихода книга Богдана Франкевича «Жизнь Сидонии фон Борк». Изготовлена медаль, которую вручают местным заслуженным людям. Были организованы концерты, постановки, конкурс на звание «Мисс Колдунья». Во время торжественной мессы, совершенной архиепископом Марианом Пшикуцким, была открыта и освящена памятная доска в честь умерших жителей Марианова — немцев.

Ежегодно в июне в течение 2-3 дней проводится «Лето с Сидонией» — в рамках этого мероприятия проходят выставки народного творчества, выступления фольклорных ансамблей, концерты классической музыки, показы бальных танцев, спортивные соревнования и конкурсы. Часть мероприятий проводится в монастырском саду. На каждом празднике местом особого притяжения становится «Корчма Сидонии», в которой подают местные блюда, конечно же, не отравленные. Нет смысла перечислять все мероприятия, их проводится очень много, и в них участвует местная общественность.

Мы говорим об образовавшемся в сельских местностях культурном вакууме, о нищете провинции, об отсутствии денег, о царящей в домах культуры смертной скуке. Поэтому стоит осознать, сколько делает один священник. Другое дело, что он необыкновенный человек, достойный самых высоких похвал. В трудные времена благодаря спонсорам ему удается устраивать экскурсии и лагеря досуга для членов приходского хора, министрантов и детей из бедных семей. (Министрантов уже 70!). В день св. Николая [6 декабря] каждый ребенок в приходе получает подарки. «Все эти мероприятия призваны сплотить местное население, вызвать его активность, желание выйти из тени, чтобы почувствовать себя действительно увереннее на своей «малой родине»».

Такому проекту стоит оказать поддержку. Каждый грош пригодится и наверняка будет использован с умом.

Лешек Шаруга

выписки из культурной периодики

Сегодня — две темы, впрочем, связанные друг с другом. Быть может, первая из них появляется поздновато, но в конце концов это вопрос производственного цикла журнала, а не моей прихоти. Я цитирую этот текст тем охотней, что, по правде говоря, во время празднования 25-летия «Солидарности» не столкнулся с комментариями, достойными внимания. Между тем катовицкий ежеквартальный журнал «Опции», издание несомненно групповое, но высокого уровня — в том числе и в смысле анализа художественных явлений, — нашел интересный способ прокомментировать то, что случилось четверть века назад и что до сих пор оказывает свое не бросающееся в глаза влияние на поляков. Что особенно интересно, комментарии в «Опциях» (2005, №3) гармонируют — хотя необязательно созвучны — с параллельно печатавшимися в «Газете выборчей» статьями Адама Михника, построенными на исторических аналогиях польской современности и развития событий во Франции после революции 1789 года. Текст, о котором я собираюсь говорить, — это статья Щепана Твардоха «Воспоминание о французской революции по случаю юбилея «Солидарности»»:

«Французская революция закончилась, когда солнце засияло на кирасах наполеоновских кирасир, революция «Солидарности» закончилась, когда в Магдаленке струя из одной и той же фляжки потекла в горло Михнику и Кищаку».

Это резкое вступление требует объяснений. Магдаленка — название места, наполовину уже мифического, местности, где, как утверждают некоторые, было заключено тайное соглашение между частью оппозиционных верхов и коммунистами — и это-то соглашение впоследствии сделало невозможным подлинный расчет с уходящей властью, и даже более того — позволило этой власти совершить «мягкую посадку» в новой политической действительности. Кто такой Михник — всем известно. Что касается Кищака, то стоит напомнить, что этот генерал был правой рукой Ярузельского в управлении военноположенческой Польшей. В письме из тюрьмы этому генералу Михник с чрезмерной даже для него язвительностью показал, что это человек без чести и совести. Тем больше он спустя годы поразил своих читателей и почитателей, когда принялся публично брататься с этим коммунистическим полицейским. Идея Михника, уже раньше, впрочем, осуществлявшаяся им внутри оппозиции, когда он старался скорее объединять людей, чем разделять их, — идея, согласно которой надо искать то, что объединит всех в деле восстановления Польши, а не приступать к опасному, по его мнению, сведению счетов с прошлым, эта идея не всем пришлась по душе, а совместное опорожнение фляжки с бывшим противником многим показалось драматически наглым жестом. Твардох пишет:

«В принципе тут можно поиграть в исторические аналогии: Ярузельский как бездарный король Людовик XVI, Михник, Куронь еt consortes — как коллективный, обращенный в революционерство принц Орлеанский Филипп Эгалите, другие экс-коммунисты — как Лафайет, организации, сражавшиеся за независимость, — как парижская радикальная чернь, а умеренные — в любую эпоху те же самые, Болото, Маре. Однако под Парижем не было Магдаленки, и Людовик XVI кончил жизнь на эшафоте».

Ярузельский, как известно, на эшафот не поднимался, и, более того, его люди дождались поддержки от молодого поколения, которое в 90-е годы входило в электоральную политическую жизнь. Об этом интересно пишет в том же номере «Опций» Петр Куляс в статье «Стучите, пожалуйста... и ждите. Что осталось от «Солидарности» (и солидарности) в молодом поколении»:

«В школе мы принудительно учили русский язык. Однако уроки мы скорее бойкотировали, потому что режим уже трещал по швам и даже мы знали, что король голый. Навязывая нам уроки русского, власть только вызывала неприязнь ко всему русскому. Эту неприязнь мы преодолели много позже, открывая для себя «Преступление и наказание» или мир лагерного ужаса у Солженицына и убеждаясь, что в сталинской действительности даже в дьяволе Воланде больше добра, чем в каком-нибудь аппаратчике. Несмотря на это, некоторым из нас не удалось преодолеть эту неприязнь. Уже тогда мы стыдливо отводили глаза от Востока и завистливо зыркали на Запад, ища стимулов там. Найти стимулы было легко — предметом соблазна могло стать что угодно. (...) Первые годы Третьей Речи Посполитой, которые сегодня ассоциируются со скачущими ценами, были для нас праздником переливающегося всеми цветами Запада. Однако экономическое положение, по-видимому, было действительно плохим, раз о политике и политиках почти не говорили — только о том, как выжить на зарплату, которая изо дня

в день теряла ценность. (...) Новая, меняющаяся действительность изгладила из памяти моего поколения печальные краски и заменила их живыми картинами западных продуктов, которые мы хотели иметь немедленно, сразу же. Когда мы высматривали новые товары, старшие задумывались о смысле преобразований. В солидарности между поколениями появилась трещина. Связь начала рваться. Старшие переставали понимать нас, мы уже давно не понимали старших».

Затем автор описывает политическую инициацию поколения:

«В нормальной стране как раз молодежь — наиболее умеренные избиратели. После аттестата эрелости, когда всё вдруг начинает меняться, они нуждаются в стабилизации и точке опоры. Они принимают первое серьезное решение, они уже взрослые, поэтому каждый хочет, чтобы решения были ответственными и обдуманными. Груз взрослости приводит к тому, что решения молодежи чаще всего осторожны и вмещаются в границы политического центра. Молодежь не голосует за социальных революционеров — время на это придет после. Их не интересуют и такие вопросы, которые с экономической точки зрения не имеют смысла: подозрения в шпионаже, принадлежность к ПОРП, сотрудничество с ГБ и т.п. У молодых чрезвычайно сильно развито чувство здравого смысла, но они вообще ничего не помнят. Когда мы получили право голоса, польская политическая сцена начала кристаллизоваться, в борьбе за власть соперничали две главные силы родом из двух различных традиций. Мы должны были выбирать между агрессивной стороной, которая ссылалась на наследие «Солидарности», и другой, которую обвиняли в бесчестном прошлом, а мы этого прошлого помнить не могли. Трудность состояла в том, что эта сторона, объявленная не имеющей ни чести, ни совести («Красные! Коммунисты!») и рисуемая одной черной краской, выглядела в высшей степени убедительно. Поколения без памяти, зато с правом голоса поверили бывшим партийным секретарям, номенклатуре системы, с которой боролись их родители. Ирония истории или естественный ход вещей? Как раз тогда политика, которая еще несколькими годами раньше не имела значения, оказалась для нас источником разделений. С удивительной легкостью мы позволили втянуть себя в политические свары и ссоры. Не располагая собственными аргументами, мы пользовались запасом старших. Мы не колеблясь использовали их язык, однако этот язык не объединял, а разделял. «Солидарность» снова приобрела для нас значение. На этот раз как элемент, из которого мы строили свое первое политическое самосознание и... вражду. Тогда мы осознали свое наследие: раздираемая страна с проблемами старших, которые в будущем, вероятно, придется решать нам».

Как это будет решаться, мне неясно. Мои студенты в свое время без всякого сопротивления голосовали за Квасневского против Валенсы. Сегодня, когда их спрашиваешь, может ли быть у них преподавателем бывший стукач, они отвечают, что это не имеет никакого значения. Им важен его профессионализм. Но, может быть, все не так плохо, как я думаю, ибо, комментируя нынешнее положение, Куляс пишет:

«В начале этого года «Солидарность» вновь дала о себе знать. Люди снова хотели быть вместе. Причиной была смерть Папы-поляка. Оказалось, что польское общество способно к примирению, к крупным солидарным действиям. Молодые шли рядом со старшими. Неверующие рядом с верующими. Ибо нет необходимости быть верующим и католиком, чтобы понять историческую роль, которую сыграл Иоанн Павел II в возникновении рабочего движения: его учение о свободе и человеческом достоинстве оказалось нравственным фундаментом «Солидарности», ибо показало, что польское общество способно на общий, необязательно пустой жест. (...) Феномена «Солидарности» (10 миллионов человек!) не понять без опоры на универсальную формулу, в те времена важную для каждого. Эта формула — достоинство, нравственная основа остальных требований, которые благодаря ей не носили эгоистического характера и были оправданны».

Однако этот год, кончающийся через несколько дней, был годом выборов. На этот раз экс-коммунисты у молодежи шансов не имели. Но как оценить эти выборы? Об этом интересно говорит профессор Войцех Ситек в интервью, которое взял у него и напечатал во вроцлавской «Одре» (2005, №12) Мариуш Урбанек. Интервью озаглавлено «ПНР без коммунистов». Вот что говорит профессор:

«Электорат, голосовавший за победивший ПиС [«Право и справедливость»], — это люди, которые скорее боятся перемен, скорее относятся к ним неприязненно, нежели стремятся к ним. Из опросов общественного мнения вытекает, что многие поляки действительно хотели бы, чтобы все было, как в ПНР, но без коммунистов. Чтобы была надежная работа, сильная власть и порядок. Поэтому они поверили политикам, которые заверяли, что у них в руках рог изобилия, с помощью которого они исполнят эти чаяния. (...) По современным западным критериям, Польша, разумеется, повернула направо. Правда, нельзя забывать, что единой Польши нет. Склонность к авторитарным тенденциям проявила — в сильном упрощении — старшая Польша, живущая в сельской местности, слабее образованная».

Отбрасывая предвыборную терминологию, в которой «Гражданскую платформу» определяли как «либеральную, а «Право и справедливость» как движение «солидарное», Ситек подчеркивает, что речь идет не о «солидаризме», а о социализме:

«Это слово по-прежнему обходят, делая вид, что речь идет о чем-то другом. Различие «либерализм-социализм» выдумали не братья Качинские — это действительная альтернатива, перед которой стоят люди. Альтернатива, за которой стоят их конкретные интересы, модель государства, господствующий тип социальных связей. А эти вопросы поважнее цвета рубашки кандидата. (...) Нельзя делать вид, что социальные вопросы и методы их решения в разных странах — это для людей проблемы мнимые, что мнимы различия между моделью государства, реализуемой в Швеции и Великобритании, или причины, по которым в США есть трущобы, а в Канаде нет. Там ведь живут очень схожие люди, зато отличаются модели государства. Таким образом, в Польше вопрос был таков: на какую модель государства поляки готовы согласиться? (...) Социалистическую, с тенденциями к авторитаризму, пользующуюся антикоммунистической риторикой. Это можно истолковать как ностальгию по ПНР, и по сути таков смысл этой модели. Да только тогда отправлять власть должен был бы иной субъект. Но это уже результат польской истории. (...)

Электорат в Польше, вопреки тому, что пишут некоторые публицисты и даже социологи, совсем не изменился. Конечно, сегодня мы видим довольно большое перетекание электората, но это перетекание не между программами, а только между по-разному называющимися партиями, которые по существу предлагают одно и то же. Разделение польского электората по самым основополагающим вопросам: сколько государства, а сколько самостоятельной деятельности, сколько социальной безопасности, а сколько свободного рынка, сколько государственной собственности, а сколько частной — остается неизменным. Взгляды избирателей закреплены, и карты розданы. Перемены происходят исключительно на политической сцене, где мы имеем дело с острым соперничеством за то, кому удастся этот электорат перехватить. Польское общество вовсе не меняется так динамично, как могло бы показаться. Разумеется, прибывает голосов у партий, открытых к Европе и миру, но перевесом все время обладают консервативные тенденции. В этом контексте полезно напомнить, что за тех политиков «Солидарности», которые ясно и решительно на всех выборах после 1989 г. представляли позиции за модернизацию и за Европу, никогда не голосовало больше 40% взрослой части общества — ровно такую, самую высокую поддержку получил Лех Валенса во втором туре выборов в 1990 году».

И еще несколько заметок профессора:

«Образ Польши в Европе и мире формируют крайне отрицательные стереотипы. Я обнаруживаю это каждый год, когда во Вроцлав приезжает группа студентов одного американского университета. Первую неделю они ходят как обухом ударенные, так как ничто не совпадает со стереотипом, который они привезли из Америки. Они считают Польшу страной вроде Ирана, клерикальной, ксенофобской, где лишены прав неверующие, женщины, гомосексуалисты. (...)

Когда мы выбираем между партией или кандидатом открытыми, либеральными, проевропейскими и партией или кандидатом, представляющими консервативные ценности, закрытыми, ксенофобскими, то можем заранее предположить, что на Западных землях выиграют первые, а в остальной Польше — вторые. (...) Новые жители западных и северных земель иначе укоренены в традициях, их семейные структуры после войны были разрушены. Часть семьи осталась на востоке [на Украине и в Белоруссии], часть выехала в Польшу. (...) Оказалось, что то, что в публицистике рассматривалось как основной козырь: устойчивость структур, укоренение, семейные связи, — это действительно реальная сила, но в то же время противостоящая модернизации. Парадоксально, но разрушение этих структур в результате польского переселения на запад позволило открыться к модернизации и принесло различны итоги голосования на Западных землях и в Центральной и Восточной Польше».

Вытекает ли из этого, что теперь — во имя модернизации — следует приступить к разрушению существующих структур? Такой вывод, хоть и революционный, выглядит опасным. И хотя последние выборы действительно показали, что в Польше господствуют консервативные тенденции, однако внимательный анализ их итогов позволяет надеяться, что это господство не вечно: основа его — прежде всего относительно, в сравнении с Западом, низкая зажиточность поляков. Когда они замечают уже отмечаемое в экономических анализах улучшение бытовых условий, то могут (хотя и не обязательно) изменить свой образ мыслей о государстве и обществе. Одно не подлежит сомнению: процесс преобразований в Польше продолжается, хотя динамика его не так высока, как мы могли надеяться после перемен 1989 года.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Жюри, состоящее из лауреатов премии Киселя за прошлые годы, огласило имена своих будущих членов. Впервые премии были вручены в 1990 г. лично замечательным журналистом и публицистом Стефаном Киселевским, поборником здравого смысла во времена невежд. На этот раз премии Киселя получили: политик Лех Валенса «за 25 лет здравого смысла лишь с короткими перерывами»; бизнесмен Рышард Краузе «за то, что поставил на карту свои деньги»; и публицист, автор политических телепередач Томаш Лис «за то, что остался верен журналистике».
- Присуждаемые «Тыгодником повшехным» медали св. Георгия получили профессор философии Варшавского университета Барбара Скарга и митрополит Люблинский архиепископ Юзеф Жицинский — богослов и философ, а также публицист, постоянный автор газеты «Жечпосполита». Барбара Скарга удостоилась медали за «распространение стандартов правильного мышления и борьбу с воцарившимся в мире драконом гордыни, бесстыдства и глупости, которые порождают ложь и ненависть». Архиепископу Жицинскому медаль вручена за «отвагу участвовать в общественной дискуссии и провозглашать истины, к которым не хотят прислушиваться ни польское общество, ни [польская] Церковь; за мгновенную реакцию, когда у дракона вырастает очередная голова, и за пример, показывающий, что борьбу со злом нужно вести, прежде всего творя добро».
- Фонд поддержки польской науки тоже присудил свои премии, называемые «польскими Нобелями». Это самые престижные и высокие (по сто тысяч злотых) научные премии в нашей стране. В этом году их лауреатами стали: палеонтолог Зофья Келан-Яворовская за изданную под ее редакцией книгу «Млекопитающие эры динозавров», написанную совместно с двумя учеными из США; археолог проф. Кароль Мысливец за открытие в Саккаре на территории Египта ранее неизвестного места захоронения вельмож эпохи Древнего царства, датируемого III тысячелетием до н.э.; информатик Роман Словинский за разработку методов, способствующих «программной поддержке решений».
- И последняя премия, врученная в конце минувшего года: «предпринимателем года» стал Тадеуш Винковский, основатель одной из самых современных в Европе типографий — за «последовательное и успешное укрепление доверия к своей фирме, а также за стремление к высшему качеству, которое невозможно подделать, (...) и последовательное осуществление мечты, чтобы фирма стала печатным лидером Европы». Жюри принимало во внимание не только финансы фирмы, но и личность кандидата, стиль руководства, стратегию управления и новаторство.

- «Это необычный фестиваль. Ни в одном пункте программы, проходящей в основном в церквях, не упоминается имя Иоанна Павла II. Зато его участники не боятся рискованных высказываний на нелицеприятные темы, выходя за рамки расхожего понимания христианской культуры», пишет о лодзинском Фестивале христианской культуры Лешек Карчевский. А директор и основатель фестиваля свящ. Вальдемар Сондка говорит: «Я против того, чтобы отказывать искусству в христианских мотивах, если оно не изображает крест или коленопреклоненного автора. Христианская культура охватывает все то, что отражает евангельские истины, пезависимо от того, осознаёт это автор или нет».
- В Лондоне на 93-м году жизни скончался Юзеф Гарлинский, офицер Армии Крайовой, узник варшавской тюрьмы Павяк и Освенцима, замечательный историк, председатель Союза польских писателей в эмиграции, автор книг о польском подполье и военных действиях Польши во время II Мировой войны. Самая известная из них «Сражающийся Освенцим».
- В этом году Ярмарка исторической книги впервые сопровождалась конференцией «История в поп-культуре». Как сказала замечательная писательница, автор научпо-фантастической литературы и историк Средних веков Анна Бжезинская, «история — это не только серьезные дискуссии о Катыни или Едвабне (...) Мы предлагаем и дискуссию о т.н. альтернативной истории, отправной точкой для которой стала книга Дэна Брауна «Код Леонардо да Винчи» (...) Любопытно, почему людей так увлекают всевозможные теории всемирного заговора?» А проф. Павел Вечоркевич констатировал: «Чтобы заинтересовать историей, нужно показать ее блестящие, впечатляющие страницы. Потом, если человек увлечется, придет время более глубоких познаний (...) Популярная форма вовсе не означает, что книга должна быть низкопробной. Все зависит от того, есть ли автору что сказать». Премия за лучшую книгу на Ярмарке была присуждена Виктории Сливинской за «Побеги из Сибири», а в категории монографии — Войцеху Тыгельскому за книгу «Итальянцы в Польше в XVI-XVII веках».
- Все большей популярностью пользуется Всепольская книжная ярмарка в Кракове, с которой конкурирует подобное мероприятие, проводимое в варшавском Дворце культуры и науки. Между тем похоже, что вне конкуренции остается, пожалуй, самая интересная зимняя книжная ярмарка, уже полтора десятка лет организуемая во Вроцлаве, «Вроцлавские встречи с хорошей книгой». Задуманные как «камерное и элитарное мероприятие, эти встречи (...) дают издательствам неповторимый шанс оставить след в памяти читателей, которые смотрят книги только нескольких десятков избранных издательских домов», говорит директор издательства «Искры» Веслав Уханский.

- Вышел в свет новый сборник стихов польского лауреата Нобелевской премии по литературе 1996 года Виславы Шимборской. В сборнике, озаглавленном «Двоеточие», только 17 стихотворений. «У Шимборской свое неповторимое понимание мира, которое она подтверждает очередными сборниками, полными вопросительных знаков (теперь она дописала к ним еще и двоеточие), новыми стихами, а также жизненной позицией — отстраненностью, скромностью, смущением. В этой позиции легко угадывается ощущение иллюзорности славы, хрупкости всего сущего и неуверенности в нем (...) 17 стихотворений «Двоеточия» - это 17 просветов, исключительных, хотя и будничных ситуаций, где сложность мира и беспорядочность жизни внезапно является в порядке, который можно показать другим», — пишет Ярослав Миколаевский. Менее учено, зато более по-человечески описала это в своей рецензии Эльжбета Савицкая: «Вислава Шимборская всегда была мастерицей тонкой иронии, недосказанности, неожиданных концепций и блестящих форм. Все это можно найти и в «Двоеточии»».
- «Это одна из немногих культурных организаций, которая успешно преодолела все повороты истории и политики. ПЕНклуб до сих пор продолжает оставаться достойным представителем интеллектуальной элиты. Он избежал разделений, сохранил свой облик, престиж и авторитет». Эти слова были написаны в связи с 80-летием создания польского отделения ПЕН-клуба, который был создан по инициативе писателей, стремившихся справиться с шоком, вызванным ужасами І Мировой войны. После II Мировой войны его задачи были еще сложнее, а условия существования, особенно в зоне «реального социализма», еще труднее. Как сказал по случаю юбилея нынешний председатель польского отделения проф. Владислав Бартошевский, «ПЕН-клуб был исключением. Будучи частью международной организации, он лишь в ограниченной степени мог подвергаться внутреннему политическому давлению (...) Даже в самые темные времена он выстоял и остался островком свободы, ничем себя не запятнавшим (...) В те времена в его правлении не было ни одного члена авторитарной партии! Я видел в ПЕН-клубе истинное воплощение идеи свободомыслия и уважения к человеческой свободе. Его члены всегда стояли на позициях разумной терпимости». Участники юбилейных торжеств часто вспоминали прошлое, но немало времени посвящали и настоящему. С особым интересом они выслушали два замечательных выступления — председателя Украинского ПЕН-клуба Евгена Сверстюка и генерального директора Российского ПЕНцентра Александра Ткаченко.
- О 150-й годовщине со дня смерти Адама Мицкевича было написано немало. Приведем лишь фрагмент напечатанной в «Тыгоднике повшехном» статьи Збигнева Майхровского: «Мицкевич как явление (не только литературное) подвергался всевозможным толкованиям и простой манипуляции. Его легендой и наследием манипулировали (...) сын поэта Владислав и Владислав Гомулка. [Другие] хоть и слишком свободно относились к фактам, очищали образ поэта от лжи. Пожалуй, у каждого поколения был свой образ Мицкевича, свой канон его главных произведений, свой

вариант легенды и свой познавательный скандал». В заключение, предлагая Мицкевича на сегодня, Майхровский пишет: «Никто не оставил столь хорошего поэтического описания кризиса среднего возраста, как Мицкевич (...) Среди моря руководств, как достичь успеха, заработать деньги и получить сексуальное удовлетворение, чтение Мицкевича может вернуть жизни более близкие к истине пропорции...»

- Ситуация в списках бестселлеров постепенно меняется. Лидирует награжденная премией «Нике» книга Анджея Стасюка «По дороге в Бабадаг». Следом за ней идет очередной польский любовный роман — «Бродячая певица» Моники Шваи, однако женской литературе дышит в спину приобретающий все большую популярность детектив. Это происходит прежде всего благодаря Мареку Краевскому и его вроцлавским ужасам. Впрочем, к этому жанру обращается все больше польских авторов — со все лучшим результатом.
- На II Фестивале детектива, организованном в Кракове Институтом книги и Обществом любителей детектива и остросюжетного романа «Труп в шкафу», премия «Крупного калибра» присуждена Павлу Ящуку за книгу «Foresta Umbra». Действие книги происходит в довоенном Львове. Почетные премии фестиваля получили присутствовавшие на нем российские авторы — Александра Маринина и Борис Акунин.
- Несколько детективный характер носит и книга, которая в последнее время выдвинулась на первое место в списке бестселлеров в категории документальной литературы. «Покушение» Тадеуша А. Киселевского детально анализирует все события, предшествовавшие смерти генерала Владислава Сикорского в Гибралтаре 4 июля 1943 года. Автор, задавшийся повторяемым уже более полувека вопросом: несчастный случай или покушение? решительно утверждает, что это было покушение, и старается убедительно доказать нам свой тезис.
- В числе литературных бестселлеров оказалась также книга Эустахия Рыльского «Условие», а ее первая часть «Человек в тени», опубликованная после двадцати лет молчания, получила премию им. Юзефа Мацкевича. «Пожалуй, в нашей литературе уже давно не появлялся прорисованный столь тонкими штрихами образ России в поляке и поляка в России, говорил на церемонии вручения премии Анджей Новак. Но не это кажется мне главным (...) У меня такое впечатление, что Рыльский на мгновение окунается в Восток но ненадолго, ровно настолько, чтобы смыть с себя банальность настоящего».
- Говоря о своего рода «реанимации» стихов и личности Владислава Броневского, которая нашла отражение в вокальных и художественных предложениях группы и галереи «Растер», Дорота Ярецкая констатирует: «Обращение к Броневскому это обращение к кумиру, но такому, который всю жизнь боролся с собственной деструкцией, к кумиру упадочническому, неавторитетному (...) Он был героической личностью, но у него были и свои слабости, и мне кажется, что сегодня эти слабости стали более привлекательными (...) Человек из железа и в то же время человек из водки и тоски (...) Он соединял левизну содержания с консервативностью формы, прогрессивную общественную мысль с традицион-

ным польским патриотизмом и привязанностью к идее народа (...) Броневского вспомнили еще и потому, что его биография и позиция не были монолитами. Он неоднозначен. Он не выиграл и не проиграл, а скорее выжил».

• «Главное во всей истории Польши — непокорность и стремление людей к освобождению. Неважно от чего — от царя, от гитлеровской оккупации или от более мягкой социалистической диктатуры. Именно это стремление мы и стараемся передать», — сказал перед премьерой спектакля «Валенса. История веселая и из-за этого очень грустная» поставивший ее в театре «Выбжеже» («Побережье») Михал Задара. А автор пьесы Павел Демирский добавил: «Это спектакль о власти, о попытке реформировать государство. Мы должны реформировать его сейчас так, как пытались это сделать люди 25 лет назад (...) «Солидарность» была прекрасным явлением, беспрецедентным в мировом масштабе, а такие крупные личности, как Валенса, появляются раз в несколько поколений. Мне больно, что многие ценности нашего прошлого уничтожаются ничтожными людишками». После премьеры «Валенсы» Роман Павловский написал: «Молодые артисты, родившиеся в конце 70-х, поставили спектакль о поколении своих отцов (...) В обход политиков и ветеранов они вступили в настоящий диалог с мифом «Солидарности», в котором они обнаружили частицу собственной идентичности». Присутствовавший на одном из спектаклей Лех Валенса прокомментировал его со свойственной ему лапидарностью: «Большое спасибо постановщикам, по я должен с большевистской откровенностью сказать: мы не за это боролись», — после чего взошел на сцену, чтобы сфотографироваться с актерами.

• Между тем все чаще самым актуальным польским драматургом оказывается второй величайший поэт польского романтизма Юлиуш Словацкий. Это происходит благодаря двум молодым режиссерам — уже упомянутому Михалу Задаре и Яну Кляте. Ставя в краковском Старом театре «Ксендза Марека», поэтическую драму, ставшую апофсозом Барской конфедерации (1768), Задара, по словам критика, «отважился открыть дверь в романтическую драматургию (...) Он показал, что описанный ею духовный портрет поляков все так же верен. Польское самосознание и по сей день расцветает в конфликте с другими народами будь то русские, немцы или евреи. Борьба во имя религиозных и патриотических идеалов слишком часто превращается в склочничество и бандитизм. Свою мысль режиссер проводит вопреки Словацкому (...) но в согласии с сегодняшним опытом польской ксенофобии». Ян Клята поставил в гданьском театре «Выбжеже» драму Словацкого «Фантазий». В этом спектакле «на романтический анализ чувств накладывается безжалостное вскрытие общественных отношений эпохи раннего капитализма. Главный герой драмы — это... полмиллиона злотых, за которые молодой граф Фантазий хочет купить дочь графов Респектов». Клята перенес действие из гостиных и садов в гданьский блочный микрорайон. Как пишет далее критик, «он не сводит Словацкого исключительно к теме денег. Есть еще одна плоскость, в которой разыгрывается драма, — это пространство

национальных мифов. Клята ставит нас перед лицом мифологии романтизма и нашего прошлого. Он сталкивает сермяжную действительность блочного микрорайона с утонченной поэзией Словацкого, которая в таком окружении звучит как чужой, забытый язык». «Фантазий» созвучен другим постановкам Кляты — идущему в одном из помещений разоренной Гданьской судоверфи «Гамлету» и поставленному в Валбжихе, а недавно показанному в Театре телевидения гоголевскому «Ревизору», действие которого перенесено в Польшу времен Эдварда Герека... Там тоже все совпало. В настоящее время Клята — один из самых интересных польских театральных режиссеров, а прошедший в Варшаве фестиваль его спектаклей вызвал огромный интерес — прежде всего у молодых зрителей.

• Постановкой редко идущей у нас пьесы Александра Фредро «Путешествие из Перемышля в Прешов», представленной под более современным названием «Евросити», завершил (по его словам) свой театральный путь выдающийся актер и режиссер Анджей Лапицкий. Известный в кино прежде всего по фильмам Конвицкого и Вайды, особую любовь он испытывает к Фредро. «Последний поставленный мною спектакль - это неизвестный Фредро. Забавный, написанный совершенно по-современному (...) По-моему, открытие автора, утверждающего, что мы меняемся по мере прогресса цивилизации, очень справедливо. К примеру, изобретение паровой машины сильно повлияло на поведение людей — на наши поступки, на то, как мы начали воспринимать другого человека и мир», — сказал Лапицкий. А Иоанна Деркачов написала: «Театральное чутье не изменило Лапицкому и на этот раз. Действие прекрасно распределено между столиками в кафе. Оно разворачивается на всех планах и вовлекает зрителя в серию шуток, этюдов, забавных лиалогов».

• В декабре 2004 г. в Лондоне умер Феликс Ласский, учредитель театральной премии «Феликс». Казалось, что его смерть положит конец и премии. Однако нашелся новый спонсор, а премия сохранила имя своего благородного основателя. В этом году «Феликсы» получили: Ирена Юн за роль в спектакле «Пир у графини Коцюбай», Ян Коциняк за роль в спектакле «Примем на работу старого клоуна» и Пстр Цепляк за постановку в Театре повшехном фарса Лабиша «Соломенная шляпка».

• 2 ноября, в День поминовения усопших, свечи зажітлись не только на могилах, но и перед многими варшавскими театрами. Это был символический акт: таким образом группа молодежи, назвавшая свою организацию «Транс-фузия», известила варшавян о гражданской смерти считавшихся до сих пор престижными столичных сцен. Кроме того, молодые бунтари прибили к дверям театров манифест, в котором, в частности, написали: «Варшавские театры отстали не только от Берлина, Вены или Лондона. Им далеко даже до динамично развивающихся театров Гданьска, Вроцлава, Валбжиха или Легницы (...) Варшавские театры получают самые большие дотации, но избегают смелых, современных спектаклей». Говорят, что петиция, направленная также в магистрат, частично возымела действие, и молодежи обсщали встречу и серьезную дискуссию.

ЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ О МИРЕ

Беседа с Рышардом Капустинским

- Как выглядели бы корреспонденции Геродота, первого в истории репортера, с войны в Ираке? Как бы он к ней отнесся? На чьей стороне оказался бы герой вашей книги «Путешествия с Геродотом»?
- Геродот прежде всего старался бы установить причины этой войны. Его всегда увлекали источники конфликтов, он искал ответа на вопрос, почему люди воюют друг с другом. В этом состоит, в частности, величие его «Истории» это одновременно попытка доискать-

ся истоков греко-персидской войны, величайшей войны того времени.

- Причины войны важны, но Геродот, подобно современным СМИ, не избегает кровавых картин войны.
- Когда уж доходит до описаний, то он рисуст их весьма выразительно. Он способен поразить даже наше, современное воображение. Однако большая часть его труда описание дальних путешествий, во время которых он добирается до обеих сторон конфликта и устанавливает его причины. Сегодня Геродот, вероятно, ездил бы по Ираку и всматривался в его жителей, нравы, верования... Его интересовало бы их отношение к жизни, окружающему миру, смерти. Он попытался бы определить, чем они дышат, понять их.
- Вы думаете, он нашел бы себе место в нынешних СМИ? Взял бы кто-нибудь Геродота на работу?
- Думаю, нет. В электронных СМИ решительным перевесом обладает «моментальная» журналистика, занимающаяся информацией, изолированной от широкого контекста, часто вызывающей сумятицу в головах слушателей и зрителей. Ирак в СМИ появляется почти ежедневно, но если спросить зрителей, где расположена эта страна, какие народности в ней живут, какова ее история, то наверняка эти вопросы будут встречены с замешательством. СМИ занимают наше сознание огромным количеством бессвязных, оторванных друг от друга сведений.
- Нашел ли Геродот удовлетворительный ответ на вопрос об истоках войны?
- Геродот был первым летописцем великого конфликта, который затем продолжался веками, вплоть до наших дней. Он наблюдал столкновение

Европы и Азии, сутью которого была конфронтация демократии и самодержавной власти. Он считал, что Европа (в данном случае это были афиняне) представляет свободу и демократию и граждане ее готовы за эти ценности погибнуть. С другой стороны он видел могучую Азию, обладавшую превосходством в военной силе и численности, управлявшуюся деспотически, кнутами принуждавшую своих воинов сражаться. Он показал, как самую крупную — по тем

временам — армию в мире побеждают ничтожные силы греков, ибо они защищают бесценные для человека ценности.

- Значит, сегодня силы американской коалиции — аналог афинян?
- Я бы так не сказал. В наше время мы имеем дело с расстроенными демократиями.
  - В чем состоит их расстройство?
- Сегодня демократия часто не означает либеральной системы власти. С помощью демократических методов мы можем выбрать диктатуру. Скажем, диктатор Республики Того полковник Эйядема на протяжении 20 с лишним лет избирается демократическим методом: один гражданин — один голос.
- Путин, вероятно, тоже долго останется у власти, не говоря о Лукашенко. Но можно ли сказать, что в США расстроенная демократия?
- Можно сказать, что она становится таковой. Внешние угрозы приводят к тому, что безопасность становится важнее свободы. Там немало сторонников тезиса, согласно которому на алтарь безопасности можно принести права личности.
- Было ли у Геродота ощущение миссии? Хотел ли он прививать демократию и свободу в других частях мира?
- —Он был приверженцем этих ценностей, но как настоящий репортер не писал об этом от первого лица. Однако он с полным удовлетворением показывал сцены, в которых к афинянам приходят другие греки и говорят: надо сдаваться, ибо приближается сила, которую нам не одолеть. А в ответ слышат: лучше погибнем, но не уступим нашей свободы, не отдадим нашей демократии.

Геродот не был стопроцентным греком, у него была смешанная кровь, и это давало ему возможность критиковать греков и, вероятно, облегчало ему объективность. Будучи прирожденным репортером, он стремился представлять аргументы разных сторон, сталкивать противоречивые мнения и мировоззрения. На этом основано богатство его репортажей.

- Нам, свидетелям авианалета на Всемирный торговый центр или избиения младенцев в Беслане, кажется, что наш исторический опыт несравним с опытом людей других веков. Удалось бы вам истолковать эти события с «Историей» Геродота в руках?
- В своих «Путешествиях с Геродотом» я стремился показать, что наша способность творить зло не претерпела изменений. Сцены, описанные Геродотом, являют страшную жестокость, с которой люди способны обращаться с людьми. Там есть описание взятия Вавилона (то есть дело происходит на территории сегодняшнего Ирака), когда победители посадили на кол три тысячи мужчин из числа жителей города. Когда наступает вооруженный, кровавый конфликт, оказывается, что человеческая природа не знает границ жестокости. Весь вопрос состоит в том и это тоже занимало Геродота, чтобы не допустить ситуаций, когда отказывают тормоза.
- Во время своих путешествий Геродот видел человека-зверя. Случалось ли это и с вами?
- Много раз я видел превращение человека в зверя в Конго, Нигерии... В толпе, на вид нормальной, вдруг разжигается эло, словно дьявол появился. Неожиданно группа солдат или гражданских лиц спровоцированная или нет впадала в амок, принималась избивать, жечь, убивать... Это тоже облик человека. Зло подавляется культурой, но когда оно высвобождается, человек теряет над ним контроль. Однако Геродот избегал легких выводов и обобщений, только давал понять, что единственная возможность спасения не допускать таких ситуаций.
- У нас перед глазами трагические кадры из Осетии, где дети стали жертвами нападения. У нас перед глазами кадры осужденных, которым фундаменталисты отрубают головы. Говорят, что терроризм бич нашего века. Был бы он возможен без СМИ?
- Сегодня без СМИ ничто не возможно. Они стали элементарным компонентом нашего мира. Но, в конце концов, СМИ это орудие. Как нож, который может служить тому, чтобы убить человека или нарезать хлеб в зависимости о того, кто и как его использует.

СМИ — инструмент, важный для террористов и для тех, кто с ними борется. Они — неотторжимая часть действительности, в которой мы живем.

— Но если бы СМИ не показывали преступлений террористов, не озвучивали их идей... — А как это сделать? Мы живем в мире, где работают тысячи передатчиков, над которыми нельзя взять господство никаким свыше данным постановлением. Даже если бы часть СМИ подчинилась таким принципам, всегда найдутся желающие занять пустое место.

Трудность с терроризмом состоит в том, что крупные государства, такие как США или Россия, пытаются отвечать на это явление военными методами. Они применяют решения, заимствованные из тех времен, когда силу и эффективность государства мерили численностью его армии. Однако терроризм — явление рассеянное, дифференцированное и хаотическое, то есть не поддающееся нейтрализации путем военных кампаний.

— Чего СМИ не показывают, какие территории мира лежат вне области их интереса?

— 90% мира — вне области интереса СМИ, и, говоря это, я имею в виду не только географическую территорию, которую они не охватывают. СМИ функционируют в собственном замкнутом мире. Часто они действуют на основе стадного чувства: посылают съемочные группы туда, куда уже кто-то другой послал свои группы, чтобы те не остались первыми или единственными. В мире существуют серьезные конфликты, которых СМИ вообще не описывают. Так было на протяжении долгого времени с конфликтом в Дарфуре, где погибали сотни тысяч людей.

— Почему так происходило?

- У СМИ могущественные хозяева, чьи нужды они обслуживают. СМИ связаны с крупным капиталом, поэтому они интересуются тем, что его касается. Поедут туда, где есть нефть, или туда, куда послали мощную армию. Там, где мировые интересы не скрещиваются, их вообще нет. В большинстве случаев СМИ придворный инструмент, обслуживающий верха этого мира.
- Вы говорите, что репортер переводчик культур. Есть ли в этом переводе барьер, которого вам самому не удалось перейти?
- Конечно. Суть любой культуры состоит в том, что она представляет собой специфический комплекс ценностей, убеждений и правил, которых в целом не перевести на язык другой культуры. В этом состоит се особенность.

Все, что мы можем и должны сделать, тем самым сводится к попытке сделать эти особенности понятнее и описать. Показать, что мы живем в многокультурном мире. Чем лучше мы друг друга узнаем, тем больше шансы сохранения мира и сотрудничества. Есть такая латинская поговорка: «Осуждают, ибо не понимают». Понимание позволяет нам лучше вчувствоваться в доводы другого человека и понять их. Тогда он перестает быть в наших глазах сумасшедшим и становится человеком со своими доводами. На сто процентов мы их не познаем, но ведь и себя мы никогда не познаём до конца.

- Профессиональные занятия переводчика начинаются у вас с того, что вы стараетесь жить так, как люди чуждой культуры, в рамках которой вы оказались, погрузиться в нее... Бывает ли у вас иногда ощущение, что это неисполнимо? В «Путешествиях с Геродотом» вы упоминаете о своем бегстве от размаха культуры Индии, Китая...
- В рамках этих двух цивилизаций живет треть всего населения нашей планеты. Я знал, что в обоих случаях вторгаюсь в безмерный мир языков, искусства, философии, литературы, обычаев, в мир, которому пришлось бы посвятить всю жизнь. А меня интересовала глобальная точка зрения я не хотел быть китаистом или индологом...
- А возможен ли вообще глобальный взгляд, если каждая из этих отдельных культур бесконечный космос?
- Разумеется, невозможен. Но и сознавая все ограничения невозможно отказаться от попытки описать мир. Без понимания не будет сообщества, а человечество может выжить только как сообщество.
- А может быть, мы говорим только о западном комплексе? Может, только мы хотим смотреть на себя чужими глазами? Другие культуры предпочитают оставаться замкнутыми...
- Это в значительной степени верно. Одна только европейская культура увлеклась чуждостью. Отсюда великие открытия, отсюда же колониализм и экспансия. Но в начале XXI века положение изменилось. И в рамках других культур выросли поколения людей, которые сознают, что могут выжить благодаря договоренностям с другими и обмену: Африка договаривается с Азией, Азия договаривается с Латинской Америкой. Все это уже происходит вне Европы: конгрессы, встречи... Присутствие Европы теряет значение.

Помню Африку, когда я начинал свою журналистскую деятельность. Там было полно европейцев. Сегодня их гораздо меньше, и это производит поразительное впечатление на того, кто помнит ощутимое, физическое присутствие Европы в этих уголках мира хотя бы в 60-е годы XX века.

- Выходит, Европа превратится в заповедник?
- Нет. По-прежнему сохраняется огромное уважение к ее достоянию, и она остается тем местом, куда каждый хотел бы хоть на время приехать.
  - То есть все-таки заповедник...
- Мир перестает быть иерархичным значит, и Европа не может претендовать на роль его центра. Ей надо найти свое новое место, оставить грезы о верховенстве. С польской точки зрения мы все время говорим о Евросоюзе. Евросоюз важен, но мир на нем не кончастся. Это лишь один из элементов планетарной ситуации.

В течение пяти веков Европа была господствующим континентом. Господствовала она не только в экономическом и военном смысле, но и в отношении ценностей. Сегодня это лишь одна из многих цивилизаций, которые обладают своими собственными амбициями и своим чувством ценностей.

- Может быть, европейцев в мире становится все меньше, но мир приходит в Европу. Однажды вы в шутку сказали, что Европа будет мусульманской — если не через 50, то через сто лет.
- Мы не можем предвидеть, что будет через сто лет. Однако численность европейцев-мусульман несомненно возрастает. Они говорят по-немецки или пофранцузски, но сохранили свое религиозное тождество. Европейцев-мусульман уже миллионы.
- Но защитит ли Европа свое тождество? Останется ли мусульманская Европа Европой?
- Мы вступаем в мир «многотождественности». Как нам сегодня определить само понятие «тождество»? Приведу пример. Амин Маалуф писатель, эмигрировавший из Ливана во Францию. Вот уже двадцать с лишним лет как он французский писатель, пишет пофранцузски, хотя его родной язык арабский. Мало того: будучи арабом, Маалуф вовсе не мусульманин, он принадлежит к христианам-маронитам. Он араб, француз и христианин одновременно. Каково же его тождество? Сам Маалуф отвечает, что его тождество это все его тождества. Людей и групп, таким образом определяющих свое тождество, будет все больше.
- В пятой части «Лапидария» вы писали, что знаете, как наступит конец света: от голодной смерти. Выходит, кое-что вы знаете о будущем мира.
- Миру нужно меряться силами с растущим дефицитом питьевой воды, отравлением воздуха, обеспложиванием земли. Мы по-прежнему не умеем овладеть целыми экосистемами.
- Разве это не доказательство превосходства западной цивилизации? Ведь от катастрофы, о которой вы говорите, нас может защитить только новая технология, достижения науки, то есть то, что создал Запад...
- Создал их Запад, но сегодня его идеи развивают и люди родом из других цивилизаций. Год назад я побывал в библиотеке Торонтского университета. Осматривал это великолепное здание и в какой-то момент оказался на галерее, откуда видно все, что делается во всем здании. Это было поздно вечером, перед самым закрытием. Я обратил внимание на то, кто же все эти молодые люди, которые остались там до конца. Среди них не было ни одного белого только азиаты, африканцы, латиноамериканцы...

Так выглядит сегодня и наш мир.

Интервью представляет собой запись фрагмента программы «Разговоры вовремя», передававшейся по 1-му каналу Польского телевидения. Беседу вели Катажина Яновская и Петр Мухарский.

TVCODNIK POWSZECHNY

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Глава из нового романа М.Комара
Д.Шевионков-Кисмелов о выставке Исаака Цельникера
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с А.Легоцким, Е.Яроцким, В.Зинем, З.Ромашевским, К.Лангем

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации Решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО» главный спонсор деятельности Национальной Библиотеки в 2006 году

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Dialog

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе. тел.: +48 (22) 627-15-52; тел./факс: +48 (22) 628-95-07 e-mail: tworczosc@bn.org.pl

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии. тел.: +48 (22) 608-28-80; +48 (22) 608-28-81; тел./факс: +48 (22) 608-28-82 e-mail: dialog@bn.org.pl www.dialog.waw.pl

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы. тел.: +48 (22) 826-62-60; тел./факс: +48 (22) 826-62-35 e-mail: noweksiazki@wp.pl

PUCH MUZY(ZNY

na swiecie

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году. тел.: +48 (22) 608-28-70; +48 (22) 608-28-71; тел./факс: +48 (22) 608-28-72 e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl www.muzyka.onet.pl/klasyka

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы. тел.: +48 (22) 827-47-91; тел./факс: +48 (22) 828-64-96 e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков. тел.: +48 (22) 608-25-65; +48 (22) 608-27-95 тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05 e-mail: nowpol@bn.org.pl www.novpol.ru

Ocarra

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее. тел.: +48 (71) 344-77-37; тел./факс: +48 (71) 343-55-16 e-mail: odra@odra.art.pl www.odra.art.pl

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года. тел./факс: +48 (81) 532-74-69 e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl www.akcent.glt.pl

Biblioteka Narodowa, Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich tel. (0-22) 608 24 88

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213

